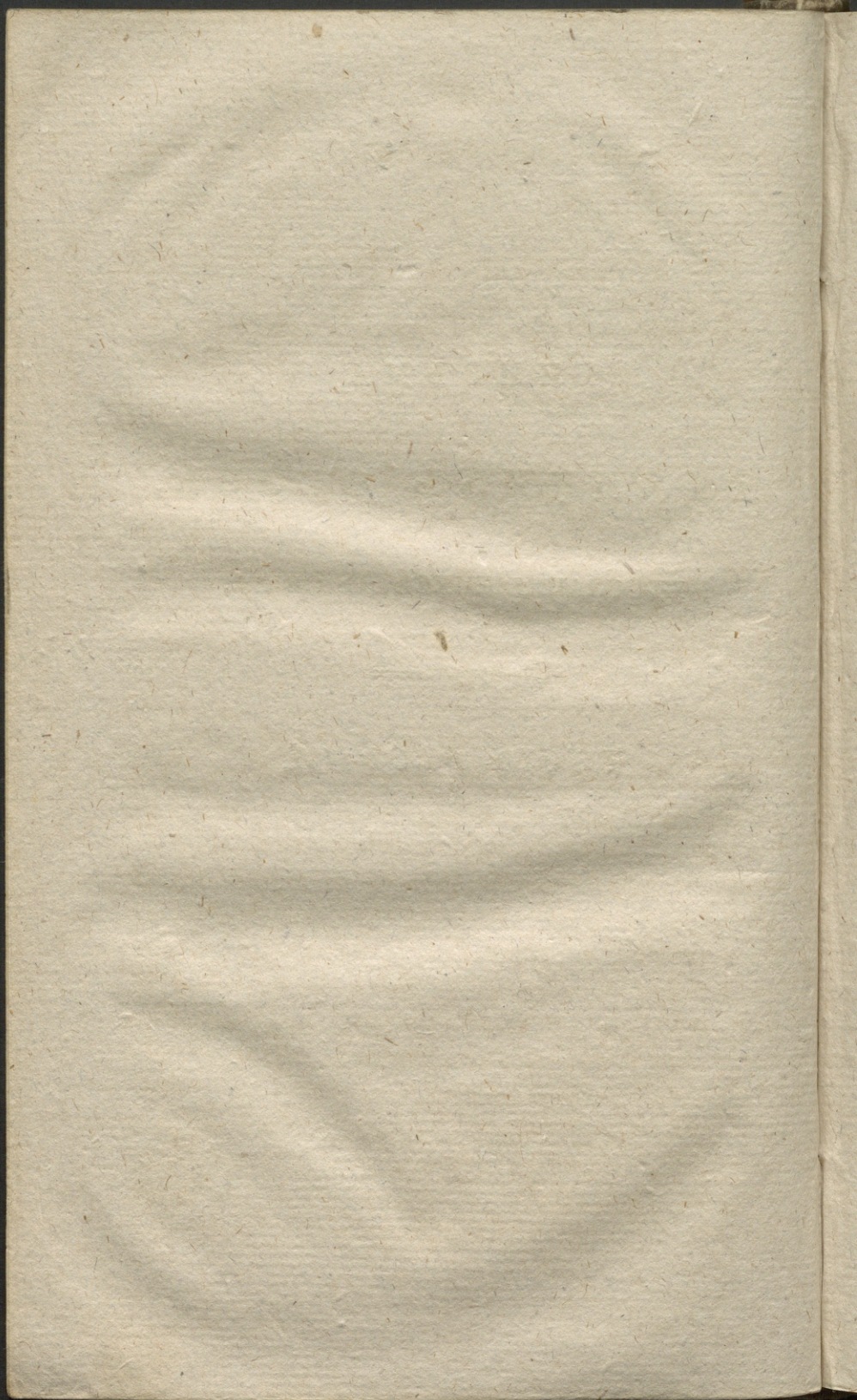

П И С Ь М А
В Е Л И К И Х Ъ О С О Б Ъ ,
П Р О С Л А В И В Ш И Х С Я В Ъ С В Ъ Т Ъ

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я .

ПРИМѢРНЫЯ ПИСЬМА
РАЗНЫХЪ ВЕЛИКИХЪ ОСОБЪ,
ПРОСЛАВИВШИХСЯ ВЪ СВѢТѢ.

ПИСЬМО

І.

Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ ІІ къ Генералиссимусу Князю Италійскому, Графу Суворову - Рыликовскому, бывшему Генералъ-Маіору во время Польской кампаніи.

Нашему Генералъ-Маіору Суворову.

Храбрость и мужественные подвиги, оказанные вами прошедшаго 770 и сего 771 года во время командированія вашего со вѣреннѣйшѣмъ вамъ депашеменшомъ прошиву Польскихъ возмущителей, когда вы благоразумными распоряженіями вашими въ случившихся сраженіяхъ, поражая и разсыпая вездѣ ихъ партіи, одерживали надъ ними побѣды, учиняютъ васъ достойнымъ къ полученію отличной чести и Нашей Монаршей милости по узаконенному отъ Насъ Статуту военного Ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія; а потому Мы васъ въ претій классъ сего Ордена Всемилоствѣйше жалуетъ, и знакъ

онаго здѣсь включая, повелѣваемъ вамъ на себя возложить и носить на шеѣ по уснановленію Нашему. Сія ваша заслуга увѣряетъ Насъ, что вы симъ Монаршимъ поощреніемъ наипаче пощитесь и впродъ равнымъ образомъ усугублять ваши военныя достоинства.

ЕКАТЕРИНА.

2.

Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, къ Генералиссимусу Князю Италійскому, Графу Суворову-Рымникскому, по взятіи или Кинбурна.

Александръ Васильевичъ!

По открытіи сей войны впервые за дарованную Намъ въ 1 день Октября паки побѣду и одолѣніе надъ врагомъ имени Христіанскаго, досподолжная хвала Богу сего дня приносима была при пушечной пальбѣ въ присущствіи Нашемъ. Тупъ чистаны были въ церкви всенародно дѣянія ревности и усердія, дѣянія неушомленнаго попеченія, дѣянія и примѣры храбрости, употребленные при защищеніи Кинбурна вами и подъ начальствомъ вашимъ находящихся вышнихъ, среднихъ и нижнихъ чиновъ войскъ Нашихъ. Реляціи прежнія и нынѣшняя Нашего Генераль-Фельдмаршала Князя Пошешкина-Таврическаго сими свидѣтельствами похвальными наполнены. Мы въ семъ случаѣ принимаемъ сами перо, дабы вамъ и всѣмъ вашимъ среднимъ и нижнимъ чинамъ, въ семъ подвигѣ участіе имѣющимъ, объявить Наше

справедливое удовольствіе и признательную
благодарность. Чувствительны Намъ раны
ваши. Бога молимъ, да излѣчитъ наискорѣе
сіи уязвленія, претерпѣнныя при защитѣ вѣры
православной и предѣловъ Имперіи, и воспита-
новитъ плѣмъ болящихъ къ обрѣшенію вашихъ
успѣховъ. Пребываемъ съ опличнымъ благо-
воленіемъ къ вамъ доброжелательная

ЕКАТЕРИНА.

3.

*Отъ Генералиссимуса, Князя Италійскаго
Графа Суворова Рымникскаго, къ Ея Импера-
торскому Величеству ЕКАТЕРИНѢ II.*

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Вашего Императорскаго Величества изъ
Всемилоствѣйшаго Указа опъ 18 Октября,
всего восхитительнѣе мнѣ знаменіе старой
моей службы. Неограниченными, неожиданными
и незаслуженными мною милосердіями Монар-
шими Вашими, Великая Императрица! я нынѣ
паки нововербованный рекрутъ. Жертвую ей
жизнію, когда предѣломъ Божиимъ случится мнѣ
разсѣяться съ нею и моею матерью, Матерію
Отечества! У меня, кромѣ Бога и Великія
ЕКАТЕРИНЫ, нѣтъ! и проспите Ваше Величе-
ство, посредникъ соближенія моего къ нижнимъ
степенямъ Высочайшаго престола Вашего. Да
процвѣстетъ славнѣйшій вѣкъ царствованія
Вашего въ наипозднѣйшія времена! Мышца
Твоя да водворяетъ благоденствіе Европы и

вселенной! Я же послѣднѣйшій дерзаю упасть
къ освященнымъ стопамъ Вашего Император-
скаго Величества, и буду съ наинепорочнѣйшею
ревностію и рвеніемъ

Всемилоостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій и всенижайшій
Г. А. С. Р.

4.

Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II къ Графу
Петру Александровичу Румянцову.

Довольно не безъизвѣстно, думаю, вамъ
самимъ, сколь странное сдѣлалось происше-
ствіе, съ войскомъ Моимъ въ Варшавѣ, и сколь
ослабленіе, допущенное къ тому, должно чув-
ствительнѣе быть для Меня. Ничто такъ не
прискорбно Мнѣ, какъ то, что Поляки имѣли
всегда лучшій и удобнѣйшій случай предпри-
нять то, что могли предпринять шеперь, когда
среди самаго войска Моего находятся. Но Я
оставляю говорить вамъ о семъ; скажу здѣсь
только то, что Я слышала о лучшемъ состоя-
ніи здоровья вашего, обрадовалась, и желаю,
чтобъ оно дало вамъ новыя силы раздѣлить
со Мною тягости Мои: ибо вы сами довольно
знаете, сколь опечесство помнитъ васъ,
содержа незабвенно всегда заслуги ваши въ
сердцѣ своемъ: знаете также и то, сколь
много и все войско самое любитъ васъ, и сколь
оно порадуетъ, услыша только, что обожае-

мый Велизарій опять ихъ приѣмлетъ, какъ
дѣшей своихъ въ свое попеченіе. Я, увѣрена
будучи не менѣе о вашемъ благорасположеніи
къ нимъ, остаюся несомнѣнною въ ожиданіи
шеперь о принятіи вами всей арміи въ полное
распоряженіе ваше. Пребывая впрочемъ навсегда
вамъ усердная и доброжелательная

ЕКАТЕРИНА.

5.

Отъ Графа Румянцова-Задунайскаго къ Госу-
дарынѣ Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ II.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Въ сію минушу удостоился я принять
Всемилоствѣйшее Вашего Императорскаго Ве-
личества своеручное писаніе отъ 8 Сентября,
коего содержаніе, или лучше скажу, образъ Ва-
шего милосердія и довѣренности ко мнѣ, ожи-
вилъ меня, во гробъ уже гонимаго жестокимъ не-
дугомъ. Всемилоствѣйшая Государыня! Ваши
слова и Богомъ вліянные въ душу Вашу мысли
ободряютъ меня до толикой безпечности,
что я не боюсь ни зависти, ни клеветы, и
пойду шѣмъ смелѣе по той же спезѣ, что
всегда и шеперь предполагаютъ вѣрность и
рабское усердіе. Не умедлю выполнить во
всѣхъ пунктахъ Высочайшее Вашего Импера-
торскаго Величества повелѣніе, всеподданныѣй-
шимъ донесеніемъ моимъ, въ разсужденіи бу-
дущей кампаніи предположенія; однакожь сіе
много еще зависить отъ воспослѣдованій,

копорыя конецъ дадутъ нынѣшней кампаніи;
 а и того больше въ состояніи бы я былъ со-
 ображать удобность и пользу предопредѣляе-
 мыхъ дѣйствій, если бы благоугодно было Ва-
 шему Императорскому Величеству удостоить
 меня знаніемъ положеніе дѣлъ союзныхъ и сосѣд-
 нихъ Державъ, и каковы дѣйствія назначены
 будутъ другимъ часпямъ войскъ Вашихъ су-
 хопушныхъ и морскихъ: ибо безъ того я
 больше не могу понимать состоянія военного,
 какъ только что вижу въ одной моей часпи;
 а дѣйствія здѣшнія должны безъ сомнѣнія сли-
 ваться съ другими, слѣдственно удобно ихъ
 только согласить, зная сію общую связь.
 Послѣ перваго донесенія моего еще я претер-
 пѣлъ два жестокіе припадка, отъ которыхъ
 нахожусь въ шягчайшей слабости: но доколѣ
 не былъ удостоенъ Высочайшею резолюціею,
 не осмѣлился я выѣхать изъ лагеря, сколько
 ни убѣждали къ тому меня совѣты доктора,
 зная и въ болѣзненномъ состояніи непременно
 мои обстоятельство, чтобъ ради службы
 не щадить ни себя, ни жизни. Теперь же, поль-
 зуясь милосердымъ Вашего Императорскаго
 Величества дозволеніемъ, и послѣдую убѣжде-
 нію Медиковъ, поищу какой нибудь кровли
 для защищенія отъ наставшей уже сурово-
 сти воздушной, неудобностей въ переш-
 немъ моемъ ослабленіи, въ такой однакожъ
 близости отъ войскъ, чтобъ ни отъ дѣла,
 ни отъ службы, ежели обстоятельство вос-
 требуютъ, не удалиться. Въ заключеніи осмѣ-

ливаюсь упомянуть единственно со стороны усердія къ пользѣ службы, что подвижность начальника въ моемъ мѣстѣ одушевляетъ подчиненныхъ, и возбуждаетъ въ нихъ надобное уваженіе къ его особѣ, и что сіе упадаетъ въ положеніи его болѣзненномъ: то же во мнѣ дѣйствуетъ воображеніе, ежели не отъ другихъ причинъ, то отъ припадковъ самой болѣзни. Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Петръ Румянцовъ.

6.

Отъ Графа Петра Александровича Румянцева
Задучнайскаго къ ЕКАТЕРИНѢ II (*).

Августѣйшая Монархиня!

Всемиловѣйшая Государыня!

Подъ бременемъ несносной старости, когда уже жизнь ближе къ концу, нежели къ началу, удостоился я принять драгоцѣнный мечъ, не по заслугамъ, но яко даръ Монархини, благодарствующей во множествѣ. Сколь ни оживляюсь и ни чувствую цѣны благъ Монаршихъ, но, Всемиловѣйшая Государыня! совокупно смягчаюсь скорбію, что буря въ жизни и слабость въ душѣ привели въ несостояніе достойно обнажить сего сверкающаго острія во

(*) Написанное въ отвѣтъ на призываніе Графа къ войску, по смерти Князя Пошекина.

славу и хвалу Государыни, въ спрахъ непрі-
 ятеля. Въ нѣдрахъ владычества Вашего, Все-
 милостивѣйшая Государыня! есѣ люди опли-
 чія достойнѣйшіе во изобиліи; ирои сіи, въ
 дѣйствіяхъ неупомимые, въ исполненіи по-
 мысленій совершенные, воззряѣ гордымъ
 окомъ и несыпымъ сердцемъ, и удивяѣся, что
 и сидѣвшій въ Молдавской хижинѣ, подѣ кро-
 влею опѣ зноя и ненаспья времени, безѣ дара
 предвидѣнія и духа, сравненѣ съ ними въ ще-
 дрошахъ Монаршихъ. Но я бы, Всемили-
 вѣйшая Государыня, осмѣлился сказать, что
 оные опѣ единаго Монаршаго воззрѣнія до-
 сстигнули въ храмъ великолѣпной славы; мои
 же малыя дѣла недоспойны оправдать сего
 труднаго пущи, соближаясь съ пѣмъ време-
 немъ, въ которое полезѣ гробъ паче другихъ
 украшеній. — Но да будущѣ, Всемили-
 вѣйшая Государыня! торжествуемые здѣсь лавры
 неувядаемы спокойствіемъ непрерывно; дол-
 гоша же дней вашихъ да продолжисѣ навѣки,
 и грядущія времена да свидѣтельствуютѣ ве-
 ликость дѣлъ Монаршихъ, а можѣтъ быѣ и
 приведутѣ нѣкогда на память, что одинѣ изѣ
 слабыхъ браноносцевъ имѣлъ удачу быѣ Госу-
 дарынѣ полезѣ в малѣ, награжденѣ же по ве-
 личѣй Ея милости.

Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II къ Принцу
де Лиль.

Принцъ!

Не бойшесь: Я не приравняю никогда писемъ вашихъ къ письмамъ нѣкошорыхъ Моихъ сосѣдовъ. Ваши дѣлають мнѣ всегда удовольствіе, а другіе не рѣдко скучають. Для того отдаю ихъ, какъ можно скорѣе, на глубоко-мысленное разсмотрѣніе Моего совѣта, съ ко-торымъ Я всегда согласна, когда онъ одного мнѣнія со Мною, а вамъ Сама ошвѣчаю.

Пекинскія Газеты говорятъ, что сосѣдъ Мой, Кипаецъ, съ маленькими глазами, о ко-торомъ вы столь почтительно упоминаете, слѣдуетъ безчисленнымъ обрядамъ земли своей съ удивительною точностію. Что касается до Моихъ Персидскихъ сосѣдовъ, то они регу-лярно всякой мѣсяцъ рѣжущъ другъ друга. Ихъ можно уподобить ледянымъ глыбамъ Ледови-таго моря, которыя разбиваются однѣ объ другія во время бури. Поляки, для увѣнчанія вольности, готовы подвергнуться самому не-ограниченному военному деспотизму, выборомъ конечно свободнымъ: ибо всякой воленъ взять или не взять золота, которое дадутъ имъ. Селимъ и Диванъ его разсудили за благо идти въ опеку и поручить дѣла свои опекунамъ: это безъ сомнѣнія очень покойно. Между тѣмъ Мы ихъ бьемъ и будемъ всегда бить, по старой привычкѣ, на сухомъ пупи и на морѣ. Вы...

заклучаете миръ. Два Барона ушвердятъ его взаимнымъ посольствомъ. Англія вооружается безъ войны, а Гишпанія шрактуешъ. Король Прусскій хочешъ Дикшапорства, котораго дядя его не имѣлъ въ 1762 году. Франція имѣешъ 1200 законодапелей, которыми ничто, кромѣ Короля, не повинуется. Голландія, думаю, желала бы лучше выигрывать деньги шорговлею, нежели шрашитъ ихъ на бесполезныя вооруженія. Но Я забываюсь: Мнѣ надлежало бы говорить только о сосѣдахъ; а Я шпансиую глазами по всей Европѣ и Азіи.

Графъ Штарембергъ, который привезъ Мнѣ ваше письмо, избавилъ Меня отъ лишняго расхода и плашежа вѣсовыхъ денегъ на почтъ: чѣмъ вы сдѣлали великое добро казнѣ Моей, которая (по словамъ тѣхъ людей, которые знаютъ дѣло лучше моего) находится въ дурномъ сосшояніи: ибо Я вела вдругъ двѣ войны, не прибѣгнувъ ни къ малѣйшему новому налогу, безъ сомнѣнія отъ невозможности или по невѣжеству. Вы счастливы роднею: Графъ Штарембергъ кажепся Мнѣ любезнымъ. Желая, чшобы онъ былъ доволенъ Петербургомъ, и по возвращеніи своемъ нашелъ васъ здоровѣе. Просшите, Князь. Будете увѣрены въ непремѣнности Моихъ объ васъ мыслей.

Петербургъ, 6 Ноября, 1790.

ЕКАТЕРИНА.

Отъ Принца де Ланя къ ЕКАТЕРИНѢ II.

Ваше Величество!

Нынѣ уже того Государя, который дѣлалъ собою честь человѣку, ни того человѣка, который возвышалъ собою санъ Государей. Пламенный Геній угасъ, какъ солнце съ небеснаго горизонта, и персть его заключена уже во мрачномъ гробѣ. Я былъ въ числѣ сопровождавшихъ драгоцѣнный прахъ его. Вчера я не въ силахъ былъ увѣдомить о семъ печальномъ извѣстїи В. И. В. Іосифъ II скончался съ такою же твердостью духа, съ какою жилъ; съ одинакою дѣятельностью началъ и кончилъ онъ дни свои. Самъ расположилъ церемонїю, съ коею надлежало принести къ нему Св. Тайны. Онъ вспалъ съ постели смертной, чѣмъ узнать, все ли выполнено по его приказанїю. Когдажъ роковый ударъ свершилъ его бѣдствїя (*), то онъ спросилъ: *гдѣжѣ положите тѣло сей Принцессы?* — Ему отвѣчали: въ придворной церкви. — *Совсѣмъ не тѣмъ надобно*, сказалъ Іосифъ: *это мое мѣсто; тѣмъ ей будетъ спокойно; выберите другое, болѣе спокойное.*

Такія подробности придають мнѣ нѣкоторую силу; я не надѣялся имѣть споль ко духу, чѣмъ бы продолжать сіе повѣствованїе. — Іосифъ избралъ и расположилъ часы для чтенїя ему моливъ. Онъ самъ читалъ нѣкопоры, сколько

(*) Кончина Виртембергской Эрц-Герцогини.

могъ, и исполнивъ долгъ Христіанскій, казался столь же хорошо устроившимъ свою душу, какъ и всѣ дѣла государственныхъ. Своего врача сдѣлалъ Барономъ за то, что онъ сказалъ ему правду; просилъ его объявить день, и даже часъ своей кончины. Врачъ слишкомъ справедливо, предсказалъ его. Императоръ не долго до смерти; по приѣздѣ моемъ изъ Венгерской арміи, которую я опвелъ въ Силезію, сказалъ мнѣ: „Вчера я не въ состояніи былъ „принять васъ; ваша страна убила меня. Взятіе Ганди приблизило меня къ смерти, а покинутый Брюксель опнимаетъ у меня жизнь. „Какая жестокая для меня обида! я умираю „ошъ нее. Чтобъ перенести ее, надобно быть „неодушевленнымъ. Благодарю васъ за все, сдѣланное вами для меня. Лаудонъ говорилъ мнѣ „о васъ много хорошаго. Спупайте въ Нидерланды, и заставъте тамошнихъ жипелей „возвратиться къ своему Монарху. Еслижъ „не успѣете, то ошанътесь шамъ. Не жерпвуйте мнѣ своими выгодами: у васъ есть „дѣпи.“

Сіи слова живо пронули меня, и глубоко впечатлѣлись въ памяти моей. Послупки мои послужавъ ему опвѣтомъ. Безполезно было бы пересказывать слова, прерываемыя рыданіемъ. „Во время причащенія моего плакалъ ли кто нибудь?“ спросилъ Императоръ у Г-жи Шанкло, которую онъ вскорѣ послѣ того увидѣлъ. — Я видѣла Принца де Линя упопающимъ въ слезахъ, опвѣчада она. — „Я не ожи-

далъ себѣ такой цѣны," сказалъ Императоръ улыбнувшись.

Впрочемъ, В. В., сказать ли Вамъ, къ стыду человѣчества? Я видѣлъ кончину четырехъ великихъ Монарховъ; о нихъ жалѣли только одинъ годъ по смерти ихъ. Это случилось, когда скончалась Марія Терезія. Всегда очень худо чувствуютъ цѣну пошери. Любопытные, равнодушные, неблагодарные, коварные люди заботятся уже о новыхъ владѣнiяхъ. Не прежде, какъ черезъ годъ воинъ скажетъ: „Иосифъ II много выдержалъ пушечныхъ и оружейныхъ выстрѣловъ; онъ изобрѣлъ медали за храбрость.“ — Путешественникъ скажетъ: „какія прекрасныя заведенія для училищъ, больницъ, шемницъ и воспитанiя!“ Маскеровой: „какое ободреніе!“ Земледѣлецъ: „онъ самъ пахалъ.“ Ерешикъ: „онъ защищалъ насъ.“ Президенты всѣхъ округовъ, начальники всѣхъ Канцелярій скажутъ: „онъ былъ первый нашъ товарищъ и вмѣстѣ начальникъ.“ Министры скажутъ: „онъ умеръ за государство, коего самъ былъ первымъ подданнымъ.“ Больной скажетъ: „онъ всегда посѣщалъ насъ.“ Мѣщанинъ: „онъ украшалъ наши города рядами и гульбищами.“ Крестьянинъ и слуга также скажутъ: „мы съ нимъ говорили, сколько хотѣли.“ Опцы семейства: „онъ подавалъ намъ совѣты.“ Общество его скажетъ: „онъ былъ безопасенъ, любезенъ, шутливъ и остръ въ разговорахъ; ему всегда можно было говорить истину.“ Думая говорить съ Вашимъ Величе-

ствомъ о смерти Императора, я говорилъ о его жизни. Десять лѣтъ тому назадъ, В. И. Величество, вѣхавши въ Царское село, изволили мнѣ сказать въ каретѣ: „Вашъ Государь обращаетъ свой умъ всегда въ полезную сторону, и ничего не имѣетъ въ немъ суешнаго; онъ, подобно ПЕТРУ, позволяетъ себя оспаривать, не оскорбляется сопрошивленіемъ мнѣніямъ своимъ, и прежде хочетъ увѣрить, нежели приказать.“

Сѣверная звѣзда, истинная звѣзда Царей, ведущая ко храму безсмертія, да устремитъ на себя взоры всего міра!

Де Линь.

9.

Отъ Барона (послѣ Графа) Штакельберга, бывшаго тогда Россійскимъ Министромъ въ Варшавѣ, къ ЕКАТЕРИНѢ Великой.

Всемиловѣйшая Государыня!

Тогда, какъ другой Баронъ въ синемъ кафтанѣ (*) присоединяетъ голосъ свой къ торжественнымъ восклицаніямъ, окружающимъ тронъ Вашего Величества въ славнѣйшее для Россіи время, мнѣ должно изъяснить Вамъ радость мою заочно — мнѣ, носящему на синемъ кафтанѣ своемъ воробникъ изъ матеріи Вашего плащя, а въ сердцѣ глубокое чувство Вашей славы! Какъ весело называться Вашимъ

(*) Баронъ Ч. . . Они вмѣстѣ были Камергерами.

подданнымъ, и какъ смѣшно быть Французомъ! Вошъ миръ съ Турками! Вашему Величеству предоспавлено было въ самый день Прусскаго мира заключить другой, кошорый дѣлаешъ безсмертнымъ имя Россіи вмѣстѣ съ Вашимъ. Для дѣлъ ЕКАТЕРИНЫ нѣшъ Историки. Бѣднѣйшій спарикъ Вольперъ, наградившій славу двумя новыми трубами, откажешъ ей въ завѣщаніи по крайней мѣрѣ еще шесть, соразмѣрно съ великимъ разстояніемъ между набожнымъ рыцаремъ Генрихомъ и безсмертною ЕКАТЕРИНОЮ. Какой примѣръ для Вашего Сына! Я говорю несвязно: но таково сердце! Въ душѣ моей такой же радостный беспорядокъ, какой мы видѣли однажды въ Эрмишахъ Царскаго Села, гдѣ всѣ вокругъ спола плясали. Но не должно скучашъ Вашему Величеству. Для того не буду говорить о нашихъ сумазбродныхъ Полякахъ. Многіе изъ нихъ нахмурились. Но я накажу ихъ по Вашему: шо есть, дамъ праздникъ на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Вы надѣли на Короля вѣнецъ, нынѣ ушверженный Вами. Будемъ маскарадъ, освѣщеніе, фейерверкъ, ужинъ — и я заспавлю ихъ плясашъ также, какъ Ваше Величество заспавите плясашъ всю Европу по волѣ Своей.

10.

Отвѣтъ Императрицы.

Господинъ Баронъ Штакельбергъ!

Письмо ваше отъ 22 Іюля доказываешъ Мнѣ, что вы, какъ добрый и ревностный па-

пріюшъ, берете участіе въ удовольствіи Мо-
емъ и сынаго Барона (*), вашего стариннаго
друга и товарища, который, не смотря на его
тѣсную связь и сходство съ вами, можетъ
умереть только отъ несваренія желудка; а вы,
какъ извѣстно, оправились въ другой свѣтъ
отъ желчи, которая разольется въ васъ безъ
сомнѣнія не отъ славы нашихъ сосѣдовъ, но
отъ бѣды, грозившей вамъ однажды весною въ
Царскомъ Селѣ, когда вы были между Люте-
ранскою кафедрою (**) и любезною, прогашель-
ною Героинею полу-Гишпанскаго романа(***).
Вашъ собратъ, не смотря на его охоту спо-
ришь, не говоритъ ни слова о мирѣ; ему вѣрно
очень досадно, что онъ не можетъ ничего осу-
дить въ немъ. Это увѣряетъ насъ, догадли-
выхъ людей, что миръ хорошъ. Правда, что
онъ зажимаетъ ротъ многимъ людямъ, кото-
рые надрывались, доказывая мнимую истину
небылицъ. Черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ
молодаго Графа Румянцева съ симъ извѣстіемъ
я видѣла въ Ораніенбаумѣ весь дипломатическій
корпусъ, и замѣтила искреннюю радость въ
одномъ Англійскомъ и Дашскомъ Министрѣ;
въ Австрійскомъ и Прусскомъ менѣе. Вашъ
другъ Браницкій смотрѣлъ Сентябремъ. Гишпа-
нія ужасалась. Франція, печальная, безмолвная,

(*) На Французскомъ языкѣ игра словъ: Gros bleu
значитъ: темносиній и толстосиній.

(**) Госпожа Остервальдъ.

(***) Другая знатная Дама.

ходила одна, сложивъ руки. Швеція не можетъ ни спать, ни ѣсть. Впрочемъ мы были скромны въ разсужденіи ихъ, и не сказали имъ почти ни слова о мирѣ; да и какая нужда говорить объ немъ? онъ самъ за себя говоритъ.

Дай Богъ вамъ всего добраго, господинъ Баронъ, вамъ и племени супруги вашей. Сердечно желаю, чтобы у нее было столько же любезныхъ малютокъ, сколько ихъ у Моего Тома, который самъ - четырнадцать гуляетъ въ садахъ Царскосельскихъ. . . . Къ слову пришлось сказать, что вы не узнаете садовъ нашихъ: столько Я въ нихъ перемѣнила и столько украсила! Простите, Баронъ! Будьте здоровы и служите Мнѣ всегда такъ, какъ донинѣ служили!

ЕКАТЕРИНА.

II.

*Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Великой къ
Г. Вольтеру.*

Получивши письмо ваше, Я сдѣлала непростибельный грѣхъ: оставила кучу прошеній, остановила счастье многихъ людей — такъ хотѣла Я прочесть его — и даже не раскаялась въ томъ. Но увидѣвъ необходимость возвратиться къ Своей должности, Я не нашла лучшаго средства, кромѣ того, чтобы уступить вихрю, Меня влекущему, и взявши перо, просить не шутя Г. Вольтера, чтобы онъ не дѣлалъ Мнѣ похвалъ прежде, нежели Я

заслужу ихъ. Эшаго потребуеъ его и Моя польза. Онъ скажеъ, что онъ Меня одной зависить сдѣлаться ихъ достойною; однако въ самомъ дѣлѣ по неизмѣримости Россіи цѣлый годъ не больше одного дня, такъ какъ тысяча лѣтъ предъ Господомъ. Эшимъ могу Я извинить Себя, что не сдѣлала еще сколько добра, сколько должна была сдѣлать.

На пророчество *Жанъ-Жака Руссо* буду отвѣчать тѣмъ, что во всю жизнь Мою, какъ Я думаю, очень неучтиво стану обличать его въ несправедливости. Вопъ Мое намѣреніе, — остаеъ видѣть слѣдствія его. Послѣ эшаго мнѣ хочется сказать вамъ: *молитесь за меня Богу.*

Съ великою благодарностію Я получила также вѣторую часть Исторіи ПЕТРА Великаго. Если бы тогда, какъ вы начали эшо швореніе, Я была то, что теперь, то доставила бы вамъ много и другихъ записокъ. По справедливости нельзя довольно надивиться разуму эшаго Великаго человѣка. Я хочу выдаъ подлинныя письма его, и для того приказала вездѣ собирать ихъ: тамъ изображаеъ онъ совершенно. Въ характеръ его лучше всего то, что какъ ни вспыльчивъ онъ былъ, но истина не премѣнно всегда побѣждала его — и однимъ эшимъ, кажеъ мнѣ, онъ бы достоинъ былъ, чтобы ему воздвигнуъ спашую. Сего дня въ первой разъ въ жизни Моей сожалѣю, что не умѣю писать стиховъ; не могу отвѣчать на

ваши иначе, какъ только прозою; но могу увѣришь васъ, что съ 1746 года, съ тѣхъ поръ, какъ располагаю своимъ временемъ, Я чрезвычайно одолжена вамъ. Прежде сего Я читала романы; но по случаю увидѣла ваши сочиненія — съ тѣхъ поръ не переспавала читать ихъ, и не хотѣла никакихъ другихъ книгъ, копорыя не такъ хорошо писаны и не столько полезны. Но гдѣ найти ихъ? и пошому Я всегда возвращалась къ первому виновнику моего вкуса и пріятнаго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, если Я имѣю какія нибудь знанія — то эпитъ одолжена одному ему. — Но какъ онъ изъ почтенія не позволяетъ себѣ сказать, что цѣлуешъ письмо Мое, то Мнѣ не надобно говорить изъ благопристойности, что Я восхищаюсь его пвореніями. Теперь Я читаю *Опытъ Всеобщей Исторіи*, и каждую страницу хотѣла бы знать наизусть, между тѣмъ какъ получу сочиненія Великаго *Корнелля*, за копорыя, думаю, посланъ уже и вексель.

ЕКАТЕРИНА.

12.

Отъ Г. Вольтера къ Императрицѣ.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Говорятъ, что Спарецъ Симеонъ, увидѣвъ младенца, вскричалъ въ сердечной радости: „мнѣ оспаешся только умереть, потому что я видѣлъ моего Спасителя.“ Эпитъ Симеонъ

былъ Пророкъ: онъ предвидѣлъ все, что сей Младенецъ долженъ былъ сдѣлать. А я не Иудей, ни Пророкъ, хотя также спаръ, какъ и *Симеонъ*; — я въ 1700 году не могъ бы отгадать, что разумъ, сколько же неизвѣстный Папиріарху *Никону*, сколько и святой Коллегіи, и ненавидимый Папами и Архимандритами Доминиканцами, придетъ нѣкогда въ Москву на гласъ Принцессы, рожденной въ Германіи, и что она соберетъ въ великой залѣ своей идолопоклонниковъ, Музульмановъ, Грековъ, Лашинцовъ, Лютеровъ, которые всѣ сдѣлаются Ея сынами!

Такое торжество разума есть *Спаситель мой*, и будучи въ числѣ одаренныхъ разсудкомъ, я умру преданнымъ въ сердцѣ моемъ Вашему Императорскому Величеству, благотворительницѣ человѣковъ. — Я поселился подлѣ небольшого города Женевы, гдѣ нѣтъ и двадцати тысячъ жителей; но несогласіе царствуетъ черезъ цѣлые четыре года въ семъ маленькомъ мѣстѣ въ то самое время, какъ *ЕКАТЕРИНА* Вторая, или лучше сказать, *Первая*, соединяетъ всѣ сердца въ такой Имперіи, которая гораздо обширнѣе Римскаго Государства. Удостоите Ваше Императорское Величество принять глубочайшее почтеніе, удивленіе и ненарушимую преданность стараго пустынника, отчасти Француза, отчасти Швейцара, двоюроднаго брата племяннику Аббата *Базеня*.

*Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Великой
къ Г. Вольтеру.*

Читая Энциклопедическіе вопросы ваши, Я повшоряла то, что сказала уже тысячу разъ: прежде васъ никто не писалъ такъ, какъ вы, и очень сомнительно, чтобы и послѣ васъ могъ кто нибудь сравниться съ вами. Въ такихъ мысляхъ застали меня послѣднія два письма ваши. Вы легко представите себѣ, Государь мой, какое удовольствіе они принесли Мнѣ. Никто никогда не превзойдетъ васъ ни въ стихахъ, ни въ прозѣ: Я почитаю ихъ послѣдними предѣлами Французской Литтературы, и утверждаю это. Прочитавши ваши сочиненія, хочется читать еще, и между тѣмъ получаешь отвращеніе читать сочиненія другихъ.

Когда праздникъ, данный Мною для Принца Генриха, заслужилъ ваше одобреніе, то Я почитаю его прекраснымъ. Предъ эшимъ сдѣлала Я для него другой за городомъ, гдѣ не щадили ни свѣчъ, ни ракетъ. Никто не былъ раненъ, потому что всѣ предосторожности были приняты. Ужасное несчастіе, случившееся въ Парижѣ прошлаго года, сдѣлало насъ осторожными. При томъ Я давно не помню такой веселой масленицы: съ Октября до самаго Февраля безпрестанно продолжались праздники, танцы, спектакли и проч. Не знаю, отъ прошедшей ли кампаніи показалась она

Мнѣ такою, или радость въ самомъ дѣлѣ царствовала между нами. Я слышу, что въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ иначе, хотя тамъ наслаждаются безпрерывнымъ миромъ цѣлые восемь лѣтъ. Мнѣ кажется, что причиною эшаго не то Христіанское участіе, которое принимаютъ въ несчастіяхъ невѣрныхъ; такое чувство было бы недостойно попомства первыхъ Крестовыхъ Рыцарей. У васъ во Франціи недавно случилось, что новый С. Бернардъ проповѣдывалъ крестовый походъ противъ насъ и, кажется, самъ не зналъ за что. Но эшопъ С. Бернардъ обманулся въ своихъ пророчествахъ, какъ и первый. Предсказанія его не сбылись совершенно: онъ поселилъ только вражду въ сердцахъ. Если это была цѣль его, то надобно признаться, что онъ успѣлъ; однако эша цѣль кажется недостойна только великаго Святаго. Вы, Государь мой, будучи истиннымъ Каполикомъ, увѣрьте всѣхъ своихъ одновѣрцовъ, что Греческая церковь подъ правленіемъ ЕКАТЕРИНЫ II, желаетъ добра Лапинской и всякой другой церкви, и только защищаетъ себя.

Признайшесь, Государь мой, что эша война прославила нашихъ воиновъ. Графъ *Алексѣй Орловъ* не переспаешъ производить славные подвиги; онъ послалъ восемьдесятъ шесть пѣнниковъ Алжирскихъ и Салейскихъ къ Гроссмейстеру Мальшійскому, прося его обмѣнять ихъ въ Алжиръ на Христіанскихъ не-

вольниковъ. Давно уже ни одинъ Кавалеръ Св. Іоанна Іерусалимскаго не освобождалъ столько Христіанъ изъ рукъ иновѣрныхъ.

Читали ли вы, Государь мой, письмо Графа къ Европейскимъ Консуламъ въ Смирнѣ, которые просили его пощадить этотъ городъ послѣ пораженія флота Турецкаго? Вы говорите Мнѣ о томъ, что онъ опослалъ Турецкой корабль, на которомъ находилось имѣніе, слуги и проч. одного Паши. Вотъ какъ это было: черезъ нѣсколько дней послѣ мирнаго сраженія Чесменскаго, одинъ Казначей Порты возвращался изъ Каира на корабль съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ своимъ имѣніемъ, и ѣхалъ въ Константинополь; на дорогѣ услышалъ онъ ложное извѣстіе, будто Турки разбили флотъ нашъ; онъ тотчасъ вышелъ на берегъ, чтобы прежде всѣхъ увѣдомить объ этомъ Султана. Между тѣмъ, какъ онъ бѣжалъ изо всей силы въ Стамбулъ, одинъ изъ нашихъ кораблей привелъ судно его къ Графу Орлову, который строго запретилъ, чтобы никто не входилъ въ комнату къ женщинамъ и не шогалъ грузъ корабля. Онъ приказалъ привести къ себѣ самую меньшую изъ дочерей Турки, которой было шесть лѣтъ, подарилъ ей брилліантовый перстень и нѣсколько мѣхотъ, и опослалъ ее со всею ея фамиліею и имѣніемъ въ Константинополь. Скоро послѣ того это самое происшествіе напечатано было въ газетахъ. Но до сихъ поръ еще не сказано въ нихъ, что одинъ Офицеръ, котораго послалъ

Графъ Румянцовъ въ лагерь Визирской, приведенъ былъ сперва къ Кіагъ Визирю. Кіага сказалъ ему послѣ первыхъ учтивостей: *Есть ли кто нибудь изъ Графовъ Орловыхъ въ армию?* Офицеръ отвѣчалъ ему, что нѣтъ. Турокъ спросилъ его съ шоропливостію: *гдѣ же они?* Офицеръ объявилъ ему, что двое служатъ на флотѣ, а прочіе при въ Петербургѣ. И такъ знайте, сказалъ Турокъ, я почитаю имя ихъ, и мы всѣ удивляемся тому, что видимъ. Мы особенно оказали они свое великодушіе. Я самой тотъ Турокъ, который одолженъ Графу Орлову моими женами, дѣтьми, имѣніемъ; я никогда не могу отблагодарить имъ; но если во время жизни своей могу сдѣлать имъ услугу, то почиту это за счастье. Онъ много говорилъ еще, и сказалъ между прочимъ, что Визирь знаетъ его благодарность и одобряетъ ее. Говоря сіи слова, онъ проливалъ слезы. — И такъ Турки пронужы до слезъ великодушіемъ Россіянъ, исповѣдующихъ Греческую вѣру. Картина сего поступка Графа Орлова можетъ нѣкогда составлять въ моей галлерей пару съ картиною Сципіона.

Какъ скоро сосѣдъ Мой, Государь Кишайскій, оставилъ нѣкошорыя свои несправедливости, то подданные его вступили въ торговлю съ Моими. Въ первые чепыре мѣсяца по открытіи сей коммерціи они промѣняли товаровъ на три милліона рублей. Императорскія фабрики Моего сосѣда дѣлаютъ обое

для Меня, между тѣмъ какъ онъ проситъ хлѣба и овецъ.

Вы часто говорите Мнѣ о своей старости, Государь мой; но какъ бы стары вы ни были, творенія ваши всегда одинаковы; свидѣлемъ эшаго ваша Энциклопедія, наполненная новостями. Споитъ только чипать ее, чшобы видѣть, какъ Геній вашъ дѣйствуетъ во всей силѣ своей. Судя по васъ можно сказать, что уменьшеніе дарованій, приписываемое старости, есть одинъ предразсудокъ.

Мнѣ очень хочется видѣть работу вашихъ часовщиковъ. Если бы вы основали колонію въ Аспрахани, то Я нашла бы предлогъ ѣхать посѣпить васъ. Ксташи скажу вамъ объ Аспрахани, что климатъ Таганрогской несравненно лучше и здоровѣе климата Аспраханскаго. Всѣ, которые отшуда приѣзжаютъ, говорятъ, что нельзя довольно выхвалить сего мѣста. Я расскажу вамъ объ немъ одинъ анекдотъ, подражая спарухѣ, о которой говорится въ Кандидѣ. Когда *Петръ Великій* въ первый разъ взялъ Азовъ, то захотѣлъ имѣть пристань на этомъ морѣ, и выбралъ Таганрогъ. Эша пристань была кончена. Долго потомъ сомнѣвался онъ, построитъ ли Пешербургъ на Бальшійскомъ морѣ, или городъ въ Таганрогѣ; наконецъ обстоятельства заставили его выбрать Бальшійское море. По этому мы не выиграли въ разсужденіи климата; тамъ нѣтъ почти зимы, а здѣсь она продолжается очень долго.

Вельхи, выхваляющіе умъ *Мустафы*, выхваляющъ ли также и его геройскіе подвиги? Во время этой войны Я не знаю другихъ, кромѣ того, что онъ велѣлъ отрубить голову нѣсколькимъ *Визирямъ*, и не могъ удержать черни *Константинопольской*, которая при его глазахъ была безъ всякой жалости *Посланниковъ главныхъ Державъ Европейскихъ*, между тѣмъ какъ Мой заключенъ былъ въ замкъ *Семибашенномъ*. *Интернунцій Вѣнской* умеръ отъ ранъ своихъ. Если это черты ума, то Я молю Небо, чтобъ оно лишило меня навсегда его, и оставило весь для *Мустафы* и *Кавалера Топта*, его защитника. Сей послѣдній удушенъ будетъ въ свою очередь: *Визирь Магометъ* былъ удушенъ, хотя спасъ жизнь *Султана* и былъ зять ему. — Миръ не такъ близокъ, какъ говорили газеты. Третья кампанія неизбежна, и господинъ *Али-Бей* будетъ еще имѣть время укрѣпиться. Впрочемъ если онъ не успѣетъ, то проведетъ масленицу въ *Венеціи* вмѣстѣ съ вашими изгнанниками.

Прощайте, Государь мой! будьте здоровы и продолжайте ко мнѣ свою дружбу; никто не можетъ столько цѣнить ее, какъ

ЕКАТЕРИНА.

14.

Отъ Г. Вольтера къ Императрицѣ.

Когда перунъ Царицы грозной
Надъ Мустафою возблисаль,

Тогда сей мѣхъ прекрасной, черной
 Онъ въ робкомъ бѣгствѣ поперялъ;
 А здѣсь намъ кисть изобразила
 Богиню крошости, добра,
 Что милліоны просвѣтила,
 Ихъ счастьемъ мирнымъ подаря.

Такъ сказалъ я, получивши отъ Вашего
 Императорскаго Величества шубу, которую
 изволили Вы прислать мнѣ съ Княземъ Коз-
 ловскимъ, Капиджи Пашею Вашихъ Янычаръ;
 а особливо табакерку, выточенную прекрас-
 ными и священными руками Вашими, и укра-
 шенную Вашимъ портретомъ.

Кто зрѣтъ его, кто осязаетъ,
 Не можешь зрѣніемъ себя однимъ питать;
 Въ восторгъ чувствъ его дерзаетъ ло-
 бызатъ,
 И сердце и уста огненнымъ посвящаетъ,
 Чтобы Великую хвалишь и обожать.

Но когда бывшіе у меня въ комнатѣ узнали,
 что табакерка сдѣлана собственными руками
 Вашими, то всѣ сказали вмѣстѣ со мною:

Рука, которую судьба образовала
 Любови крошкими стрѣлами управлять,
 Тѣ стрѣлы пламенны, смертельныя ско-
 вала,
 Тѣ громы мѣдные, которыми разятъ
 Враговъ — ужасные полки сыновъ Рос-
 сійскихъ,
 Къ Царю Сарматскому склоняя вѣрный
 щипъ;

Се славы трубный гласъ днесъ съ башни
Византійской

Къ народамъ радостнымъ, подвласнымъ
вамъ, гремишь:

Да побѣдитъ ЕКАТЕРИНА,

И да погибнетъ Магометь!

Что сдѣлалось бы въ то время, когда бы Императоръ Германской послалъ войска свои къ Бельграду, а Венеціанская республика открыла бы Пелопонезскія моря своими кораблями? Но Вы, Ваше Величество, Вы одни порожествовать будете. Покажись только Вашей арміи близъ Кіева, или далѣе, и я увѣрю, что всякой Вашъ воинъ будетъ героемъ непобѣдимымъ. Пусть Мустафа покажется передъ своими; но онъ сдѣлаетъ ихъ такими же, какъ и самъ.

Какая безразсудная гордость въ этой головѣ, украшенной чалмою съ перомъ брилліантовымъ! Не должны ли всѣ Европейскіе Государя отмстить Оптоманской Порты за то, что она всегда нарушаетъ право народное съ такимъ грубымъ высокомеріемъ? Не довольно того, чтобы вести войну съ сими варварами и кончить ее какимъ нибудь миромъ; не довольно того, чтобы смирить ихъ, должно навсегда изгнать ихъ въ Азію. . . .

15.

Отъ Г. Вольтера къ Императрицѣ.

Всемиловѣйшая Государыня!

Не обманываюсь ли я теперь? Весь флотъ Турокъ, любезныхъ друзей моихъ, превращенъ

въ пепелъ въ гавани Лемносской! Графъ *Алексѣй Орловъ* владѣетъ этимъ островомъ. Вошь что слышу я изъ Венеціи. Эхо извѣстій сихъ гремитъ по горамъ Альпійскимъ, и мы повтораемъ имя Вашего Императорскаго Величества и Графа Орлова. Мнѣ кажется, въ то же почти время другой флотъ Турецкой былъ сожженъ на семь моръ прошлаго года; вошь прекрасный годовой праздникъ. Теперь видимъ мы, что *Лемносъ* въ самомъ дѣлѣ былъ островъ *Вулкановъ*; эшотъ богъ пожигаетъ Вашихъ неприятелей.

Ахъ, Мустафа! Мустафа! будете ли Ваше Высочество шупить еще съ моею Императрицею? Прикажете ли вы Ей оставить пошчасъ Подолію? Станете ли сердиться за то, что Она не повиновалась повелѣніямъ вашей блистательной Поршны? Будете ли заключашъ еще въ шемницу Ея Министровъ! — Теперь Августѣйшая моя Самодержица владѣетъ вашею Крымскою Татариюю, — шеперь повелѣваетъ Она вашими областями за Дунаемъ — повелѣваетъ всѣмъ Чернымъ моремъ вашимъ. Вы неучтивы, Мустафа: вы бы должны были приѣхать на поклонъ къ Императрицѣ — и цѣловать прекрасныя Ея руки, вмѣсто шого, чтобы вести съ Нею войну. Повѣрьте мнѣ, просите покорнѣйше у Нее прощенія: эшо всего лучше. Знаете ли вы, Г. Мустафа, что моя Героиня, безпреспанно занимающаяся вашимъ пораженіемъ, имѣетъ еще время удостоивать меня письмами, — испол-

ненными ума и пріятности. Можетъ быть вы не знаете, что такое *умъ* и *пріятность*? Она удостоила меня увѣдомишь ошъ 22 Іюля и 2 Августа, что Ей будутъ обязаны Географическою картою Крыма, между тѣмъ какъ до сихъ поръ у насъ не было и посредственныхъ; — вы Турки не Географы; вы владѣете прекрасною спраною — однако она неизвѣстна вамъ. Моя Императрица заставитъ узнать ее.

Знаете ли вы по крайней мѣрѣ, гдѣ рай земный? — а я знаю. Онъ тамъ, гдѣ ЕКАТЕРИНА II; повергнитесь же со мною къ ногамъ Ея.

16.

Отъ Г. Вольтера къ Императрицѣ.

Болѣе двадцати четырехъ часовъ должны бы имѣть сушки Пешербургскія для того только, чтобы Ваше Императорское Величество имѣли время прочесть все, что къ вамъ пишушъ изъ Европы и Азіи. Но сколько времени надобно отвѣчать на все это — я не принимаю.

Я бѣдный, умирающій старикъ; я хотѣлъ было осмѣлиться писать къ Вамъ о ложныхъ извѣстіяхъ, которыя носятъ у насъ въ разсужденіи возобновленной войны Вашей съ *Мустафою*, — хотѣлъ было говорить съ Вами о супружествѣ Его Высочества, Вашего сына, о путешествіи Ея Свѣлости Принцессы *Дармштадской*, совершеннѣ которой

послѣ Васѣ не видала никогда Германія; — хотѣлъ даже сказать, что *Дидеротъ*, который не есть Вельхъ, счастливѣе всѣхъ Французовъ, потому что ѣдетъ ко Двору Вашему; хотѣлъ говорить о завѣщаніи Гельвеція, котораго послѣднія творенія посвящаютъ Вашему Величеству. Я доходилъ до такой нескромности, что намѣренъ былъ сказать, что я совсѣмъ противнаго мнѣнія о главномъ предметѣ книги его. Онъ говоритъ, что всѣ люди родятся съ равнымъ умомъ; что можетъ быть смѣшнѣе эшаго? Какое различіе между извѣстною Самодержицею и эшимъ *Мустафою*, который спрашивалъ у *Г. Сент - Приеста*: оспровъ ли Англія?

Я хотѣлъ было осмѣлиться говорить подробно о переходѣ чрезъ Дунай, — хотѣлъ спросить, гдѣ *Фальконетъ Фидій* поставитъ спашую *ЕКАТЕРИНЫ II*, единой, истинно Великой *ЕКАТЕРИНЫ* — въ Дарданеллахъ ли, или въ *Ашмейданѣ Стамбульскомъ*; но подумавши, что у нее нѣтъ ни одной свободной минуты и опасаясь обезпокоить ее, ничего не пишу теперь.

Простираю только руки свои къ Звѣздѣ Сѣверной, я слѣдую закону *Сабинянъ*: они боготворили звѣзды.

Больной старикъ Фернейской.

Отъ Императрицы къ Г. Вольтеру.

Философъ *Дидеротъ*, котораго здоровье еще слабо, останется съ нами до Февраля, и тогда возвратится въ свое отечество. Триммъ также хочетъ ѣхать къ этому времени. Я часто вижу ихъ — и мы не можемъ наговориться. Они скажутъ вамъ, какъ уважаю Я *Генриха IV*, *Автора Генриады* и многихъ другихъ сочиненій, сдѣлавшихъ честь нашему вѣку. Не знаю, весело ли имъ въ *Пешербургъ*; но Я никогда не переспала бы говорить съ ними. Нахожу въ *Дидеротъ* неиспощимое воображеніе — и почишаю его однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ людей въ свѣстѣ. Хотя онъ не любитъ *Мустафы*, какъ вы говорите, но Я увѣрена по крайней мѣрѣ, что онъ не желаетъ ему зла: эшаго не позволяетъ доброты его сердца, не смотря на превосходный разумъ его и на ту склонность, которую Я примѣчаю въ немъ въ мою пользу.

Какъ бытъ, Государь мой! надобно утѣшиться, что крестовый походъ вашъ рушился, и думать, что вы имѣли дѣло съ добрыми людьми, которыми однако нельзя приписать разума *Дидеротова*.

Какъ глава Греческой церкви, Я должна вывести васъ изъ заблужденія. Вы желали бы, чтобъ Великая Княгиня была перекрещена въ церкви святой Софіи? — Что вы говорите? нѣтъ, церковь Греческая не перекрещиваетъ:

всякое крещеніе, совершенное прочими Христіанскими исповѣданіями, почитаетъ она истиннымъ. Великая Княгиня, произнеся на Россійскомъ языкѣ символъ Православной вѣры, была принята въ нѣдро посредствомъ нѣсколькихъ крестныхъ знаменій и благовоннаго мира, что совершено надъ нею съ великою церемоніею; такой обрядъ, такъ какъ и у васъ, называется миропомазаніемъ, — тогда же дають имя. Но въ этомъ случаѣ мы гораздо скупѣе васъ: вы даете по двенадцати, а мы получаемъ одно — и для насъ довольно.

Послѣ извѣстія о такихъ важныхъ дѣлахъ, Я продолжаю отвѣчать на письмо ваше отъ 1 Ноября; теперь узнаете вы, что отрядъ нашей арміи, перешедъ Дунай въ Октябрѣ мѣсяцѣ, разбилъ многочисленный Турецкій корпусъ, и взялъ въ плѣнъ прехбунчужнаго Пашу, кошорый имъ предводилъ. Это происшествіе могло бы имѣть слѣдствія (чѣмъ вы, можете спастись, не будете довольны), но не имѣло ихъ. Такимъ образомъ мы съ *Мустафой* находимся въ такомъ же почти состояніи, какъ были за шесть мѣсяцовъ передъ этимъ — съ тою разностию, что онъ мучится одышкою, а Я здорова. Пусть этотъ Султанъ очень уменъ, но тѣмъ не менѣе побѣждали его пять лѣтъ сряду.

Прощайте, Государь мой, будьте здоровы, и вѣрьте, что никто не уважаетъ столько дружбы вашей, какъ

ЕКАТЕРИНА.

Отъ Г. Вольпера къ Императрицѣ.

Всемиловѣйшая Государыня!

За нѣсколько дней передъ этимъ Вашъ подданный, частію Швейцаръ, частію Галлъ, Вольтеръ едва не умеръ. Духовникъ мой, Католическо-Апостольско-Римской, ш. е. всеобщій скороходъ Рима, пришелъ приготовить меня къ этому путешествію. Больной сказалъ ему: „Преподобный отецъ! Богъ вѣрно осудитъ меня.“ — „За что же, доброй старичокъ?“ спросилъ у меня священникъ. — „Ахъ! отвѣчалъ я ему: меня обвинили передъ Нимъ въ неблагодарности. Я былъ осыпанъ милостями Самодержицы, Которая въ семь свѣтъ есть самый лучшій Его образъ, и болѣе года не писалъ къ Ней.“ — „Что это такое за Самодержица? сказалъ мнѣ мой негодяй.“ — „Ахъ, невѣжа! отвѣчалъ я ему: это Императрица, и эта Императрица благотворитъ отъ Камчатки до Африки.“ — „О! если это такъ, прервалъ священникъ, то ты хорошо сдѣлалъ: Она не имѣла ни минушны свободнаго времени. Не должно беспокоить самодержавной, благодѣтельной Императрицы, Которая съ утра до вечера занимается по пораженіемъ Турокъ, по дарованіемъ имъ мира; Которая покрываетъ кораблями Черное море, и увеселяется, приведя въ цвѣтущее состояніе 18 тысячъ квадратныхъ миль своего Государства. Сступай, сступай! я тебя разрѣшаю.“

Отбъ Императрицы къ Г. Вольтеру.

Въ эту зиму читала Я два новые перевода: одинъ Тасса, а другой Гомера. Всѣ очень хвалятъ тошъ и другой, но признаюсь, что ваше письмо отъ 24 Января принесло мнѣ больше удовольствія, нежели Тассѣ и Гомерѣ. Веселость и живость, копорыя видны въ немъ, заставляють меня надѣяться, что ваша болѣзнь не будетъ имѣть никакого дурнаго слѣдствія, и что вы легко проживете болѣе ста лѣтъ. Напоминаніе ваше обо мнѣ всегда для меня лестно и пріятно; чувствованія же мои къ вамъ пребудутъ навсегда непремѣнны.

ЕКАТЕРИНА.

Отбъ Г. Вольтера къ Императрицѣ.

Всемиловѣйшая Государыня!

Вчера вечеру получилъ я одинъ изъ залоговъ Вашего безсмертія: Уложеніе Вашихъ законовъ на Нѣмецкомъ языкѣ, копорымъ Ваше Императорское Величество извоили награждать меня. Съ нынѣшняго упра началъ я переводить его на языкъ Вельхской;—оно будетъ переведено на Кипайскій, на всѣ языки, —оно будетъ Евангеліемъ цѣлаго свѣта. Я правду сказалъ за тридцать лѣтъ передъ симъ, что все придетъ къ намъ отъ Звѣзды Сѣверной.

Двѣ недѣли назадъ шому, какъ я отпра-
вилъ на имя Вашего Величества, на Нѣмецкой
почтѣ, награду справедливости и теловѣко-
любія — шихой ударъ колокола, возвѣщающаго
Ваши благодѣянія роду человѣческому. Двое
насъ изъ Членовъ Берлинскаго Общества пред-
ложили каждой пятьдесятъ луидоровъ въ на-
граду шому, кто напишетъ уложеніе о уголов-
ныхъ дѣлахъ, самое близкое къ Вашимъ за-
конамъ и самое приличное шой странѣ, гдѣ
мы живемъ.

Мнѣ хотѣлось чтобы предложили на-
граду и шому, кто найдетъ самый скорый и
вѣрный способъ опослать Турокъ въ тѣ
страны, откуда они пришли; но я всегда ду-
маю, что сія тайна предоставлена первой
Особѣ рода человѣческаго, кошорая называется
ЕКАТЕРИНА II.

Повергаюсь къ спонамъ Ея, и восклицаю
при послѣднемъ издыханіи: Алла, Алла! ЕКА-
ТЕРИНА! Резулъ, Алла!

21.

*Отъ Императора ПАВЛА I къ Генералисси-
мусу, Князю Италійскому, Графу Суворову-
Рымникскому.*

Я рѣшилъ послать васъ въ Италію на
помощь Е. В. Императору и Государю — со-
юзнику и брашу моему. Суворову не нужны
ни шріумфы, ни лавры, но Отечеству нуженъ
Суворовъ, и желанія мои согласны съ жела-

ніями Франца II, который, поручая вамъ верховную власть надъ своею арміею, проситъ васъ принять это достоинство. И такъ отъ Суворова зависить исполнить обѣщанія Опечества и желаніе Франца II.

ПАВЕЛЬ.

22.

Отъ Императора ПАВЛА I къ Генералиссимусу, Князю Италійскому, Графу Суворову-Рымникскому.

Побѣждая повсюду враговъ Опечества, не доставало вамъ еще одного рода славы: преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ Вѣры, вы попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ, злобу и зависть, противъ васъ вооруженныя. Нынѣ награждаю васъ по мѣрѣ признашельности той, и спавя васъ на высшій степенъ чести, геройству предоставленной, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго Полководца сего и другихъ вѣковъ.

ПАВЕЛЬ.

23.

Отъ Римскаго Императора Іосифа, къ Генералиссимусу, Князю Италійскому Графу Суворову-Рымникскому, бывшему Генералъ-Аншефу.

Я получилъ, Господинъ Генералъ-Аншефъ, ваше письмо съ опличнымъ удовольствіемъ, и

узналъ изъ онаго о знаменишой побѣдѣ, которую состоящія подъ вашею командою войска Ея Императорскаго Величества, соединенно съ моими подъ начальствомъ Принца Кобургскаго, одержали у Фокшанъ надъ непріателемъ. Принцъ Кобургскій не можетъ довольно выхвалять вашего благоразумія и мужества, равно и храбрости всего вашего корпуса, за что я вамъ особенно обязанъ. Прошу васъ засвидѣтельствовать отъ имени моего благодарность и Главнокомандующему Фельдмаршалу, Князю Поппелкину-Таврическому, за порученное вамъ столь ревностное и успѣшное соединеніе вашихъ войскъ съ моими. Я желалъ бы имѣть болѣе случаевъ доказать отличную мою союзническую вѣрность и дѣятельное вспоможеніе Ея Императорскому Величеству. Впрочемъ будьте, Господинъ Генералъ Аншефъ, увѣрены въ совершенномъ моемъ уваженіи, какое не однократно уже оказанные вами подвиги заслуживаютъ.

Иосифъ.

24.

*Отъ Римскаго Императора Франца Вильгельма
къ Генералиссимусу, Князю Италійскому Графу
Суворову-Рымникскому.*

Любезный Господинъ Генералъ!

Съ неописаннымъ удовольствіемъ получилъ я отъ васъ пріятное извѣстіе, что вы всѣ прежнія свои побѣды увѣнчали вѣздомъ въ

Варшаву, и шѣмъ совершенно достигли цѣли неуспомимыхъ вашихъ стараній: ибо сопротивленіе остальныхъ Польскихъ войскъ конечно никакихъ новыхъ трудностей возродить не можешъ, и паче еще надѣяшся должно, что они, соединенными дѣйствіями войскъ Россійско Императорскихъ и моихъ, подъ командою Генералъ Лейтенанта Фарваша состоящихъ, на послѣдокъ вовсе испреблены будутъ. И такъ, за счастливое возстановленіе тишины и приобретенную чрезъ то вами неувядаемую славу, примите мое искреннее поздравленіе и увѣреніе во всегдашнемъ моемъ къ вамъ уваженіи. Маіору Гессену, привешему сіе пріятное извѣстіе, пожалованъ мною Орденъ за заслуги (*pour le mérite*). Впрочемъ пребываю къ вамъ благосклонный

Фр. Вильгельмъ.

25.

*Отъ Римскаго Императора Франца II къ
Генералиссимусу Князю Италійскому Графу
Суворову - Рымникскому по окончаніи Италій-
ской кампаніи.*

Блистательныя дѣянія ваши въ продолженіе сей кампаніи, и во время начальства надъ порученною ошъ меня арміею въ Италіи, приобрѣли вамъ похвалу и удивленіе цѣлой Европы. Вы оказали мнѣ и всему моему Государству важныя услуги своими побѣдами. Я навсегда запечашлю ихъ въ памяти и со-

Часть II.

19

храню къ вамъ живѣйшую признательность. Вы имѣете весьма справедливыя права на Орденъ Св. Терезіи. Вы увеличите блескъ сего Ордена, учрежденнаго въ моей арміи для ознаменованія и награжденія воинской храбрости. И шакъ примите большой крестъ въ знакъ моего высокаго почтенія и дружбы. Вы получите шакже одинъ Командорской крестъ и 6 Кавалерскихъ: первымъ украсьте Князя Багратиона, въ уваженіе его отличныхъ талантовъ и храбрости; прочіе назначены Генераламъ и Офицерамъ Руской арміи въ Италіи, коихъ вы почтете доспойнѣйшими. Вашъ выборъ увеличитъ ихъ славу. Богъ да сохранитъ васъ здоровымъ, любезный Князь, къ исполненію великихъ предпріяній для общаго блага, къ славѣ союзниковъ, къ блеску и величію Имперіи и для моего собственнаго удовольствія.

Францѣ.

26.

*Отъ Принца Кобургскаго къ Генералиссимусу
Князю Италійскому, Графу Суворову-
Рымникскому.*

Господинъ Генералъ!

Я ѣду въ слѣдующую Пяпницу къ новой моей командѣ въ Венгрію, и ничто меня при семъ опъѣздѣ столько не прогаешъ, какъ то, что я долженъ еще болѣе отдалиться отъ васъ — моего доспойнаго и почтеннаго друга. Я имѣлъ случай познать цѣну великой вашей

души; важнѣйшія происшествія основали наше дружество; и при каждомъ изъ оныхъ находилъ я довольно причинъ удивляться вамъ, какъ Герою, и уважать, какъ достойнѣйшаго человѣка. Разсудите сами, несравненный мой учитель, сколь чувствительна должна быть мнѣ разлука съ такимъ человѣкомъ, котораго по столь многимъ причинамъ уважаю и люблю. Отъ васъ только ожидаю облегченія сей тяжелой участи, продолженіемъ той же самой дружбы, коею вы меня доселѣ удостоивали, и увѣряю васъ торжественнѣйшимъ образомъ, что частыя увѣренія вашего дружества къ моему счастью необходимо нужны. Я не могу рѣшиться—и сіе было бы крайне прискорбно для меня,—проститься съ вами лично. Я ссылаюсь въ томъ на собственное ваше чувство и довольствуюсь только тѣмъ, что заклинаю васъ искреннѣйшимъ дружесвомъ, продолжая ко мнѣ свою пріязнь, которая доселѣ была основаніемъ моей воинской жизни. Впрочемъ, почтеннѣйшій мой другъ, будьте увѣрены въ неограниченной моей признательности. Вы останетесь всегда дражайшимъ изъ моихъ друзей, коего Небо мнѣ даровало, и никто не будетъ имѣть большаго права на совершенное мое уваженіе, съ которымъ всегда пребуду

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

Принцъ Кобургскій.

Къ нему же.

Милоспивый Государь мой!

Съ неограниченнымъ удовольствіемъ получилъ я пріятное извѣстіе собственно отъ васъ о взятіи крѣпости Измаильской; я пороплюсь принести вамъ о томъ мои чисто-сердечнѣйшія поздравленія: да здравствуетъ Герой Суворовъ и оружіе ЕКАТЕРИНЫ! Дай Боже, чптобы вы всегда были такъ счастливы! Я всевозможное въ томъ приму участіе, однако же не безъ соревнованія, что не могу болѣе раздѣлять лавры съ вами, любезнѣйшій другъ мой! Послѣ-завтра ѣду въ Вѣну. Живите счастливы и довольны, и не забывайте друга, который имѣетъ честь быть со всевозможнымъ уваженіемъ

Вашего Сіятельства,

*Милостиваго Государя моего,
всепокорнѣйшій слуга,
Принцъ Кобургскій.*

*Отъ Генералиссимуса Суворова къ Шарретцу,
Генералиссимусу войскъ Французскаго Короля.*

Герой Вандейскій знаменитый! защитникъ вѣры опцовъ твоихъ и прона твоихъ Государей! Богъ войны да хранитъ тебя вѣчно; да подкрѣпляетъ мышцы твои, разящія полки враговъ безчисленныхъ! Они означены пер-

спомъ сего Бога мстителя; падушъ разсѣян-
ные, какъ листвія древесныя, опшорженные
въпромъ Сѣвернымъ. И вы, бессмертные Ван-
дейцы, вѣрные блюстители чести Французовъ,
достойные ратники героя, предводимые имъ!
возспавыте падшій храмъ Бога и шронъ ва-
шихъ Государей! . . . — Да погибнуть злоб-
ные. . . да исчезнетъ племя ихъ! . . . Тогда
возродится благодѣтельный миръ, возобно-
вится древнее колѣно Лиліи, преклоненное бу-
рею; оно процвѣстетъ и возвеличится среди
васъ. Мужественный Шарретъ, честь Фран-
цузскихъ рыцарей! вселенная исполнена славы
швоей. Европа съ изумленіемъ на тебя зри-
раетъ. . . и я удивляюсь и привѣтствую
тебя. Богъ избралъ тебя, какъ нѣкогда избралъ
Онъ Давыда, для наказанія Филистимлянъ.
Чши Его предопредѣленіе: рази, и побѣда
послѣдуетъ за побою. Таковы желанія воина,
послѣдвшаго на полѣ чести. Онъ видѣлъ по-
бѣды, подтверждающія шу довѣренность, ка-
кую полагалъ онъ въ Богъ браней. Слава Ему,
какъ источнику всякой славы! Слава тебѣ,
какъ избранному Имъ!

Суворовъ.

29.

*Отъ Генералиссимуса Графа Суворова-Рым-
никскаго къ Италіанской арміи.*

Принужденъ будучи обстоятельствомъ
оставить начальство надъ храброю Италіан-

скою армією и опдѣлишь Россійскія Императорскія силы, поставляю за долгъ просишься съ Господами Генералами и со всѣми войсками, находящимися подъ ихъ командою. Свидѣтельствую первымъ искреннюю мою благодарность за неушомимое спараніе и дѣятельность, съ какою они исполняли намѣренія Государя и способствовали благу Государства въ продолженіи всего шого времени, въ кошорое я имѣлъ честь предводительствовать сею могущественною армією. Будучи признашелемъ къ ихъ благоразумной отважности, коей примѣръ показали они во всѣхъ дѣйствіяхъ, и кошорая давала имъ право бытъ начальниками надъ своими легіонами, именемъ моимъ прошу изъявить благодарность всѣмъ вышнимъ Чинамъ арміи Ихъ. Поведеніе, примѣръ, кошорый они подавали своимъ подчиненнымъ въ присутствіи непріятеля, хорошій порядокъ, и строго наблюдаемая дисциплина, дающъ имъ право на мою признашельность. Благодарю солдатъ за неушомимую храбрость и швердоссть непоколебимую, кошорыя въ шоль короткое время моего командованія доставили намъ безсмершныя побѣды. Прошу наконецъ увѣришь всю армію въ шомъ высокопочишаніи, кошорое она поселила во мнѣ. Никакое выраженіе не можешъ изъяснишь ни шого удовольствія, кошорое ощущалъ я, предводительствуя храброю и хорошо устроеною армією, ни шого сожалѣнія, съ какимъ оставляю ее. Не изгладится также въ душѣ моей впечат-

плѣніе, произведенное постоянною неустрашимостію Австрійцевъ. — Пусть будутъ они увѣрены, что я никогда не забуду той любви, той чрезвычайной довѣренности, которая украсила меня лаврами побѣдителя.

А. Суворовъ-Рымникскій.

30.

Отъ Генералиссимуса Суворова, который былъ уговариваемъ Агентами Дворовъ Лондонскаго и Вѣнскаго о новомъ соглашеніи съ Эрцъ-Герцогами.

Я оставилъ Италію прежде, нежели должно было, но я согласовался съ генеральнымъ планомъ, который я принялъ болѣе по довѣренности, нежели по удостовѣренію въ немъ. Я распоряжаю походъ въ Швейцарію, посылаю объ этомъ увѣдомленіе, переправляюсь чрезъ Сент-Готардъ и опровергаю всѣ препяшества, прошиваціяся моему переходу, приѣзжаю въ назначенный день къ мѣсту, гдѣ должно было соединиться со мною, и вижу себя въ семь случаевъ со всѣхъ сторонъ оставленнымъ; вмѣсто того, чтобъ найти армію въ хорошемъ порядкѣ и въ положеніи выгодномъ, я совсѣмъ не нашелъ ее. Положеніе при Цирихѣ, которое должны были защищать шестьдесятъ тысячъ Австрійцевъ, оставлено двадцати тысячамъ Рускихъ; и у этой арміи нѣтъ свѣспныхъ припасовъ. Гоцъ измѣнилъ Корсакову; Французы разбиваютъ его, и дѣлаются властителями

Швейцаріи. Я былъ принужденъ решироваться съ арміею въ Гризоны безъ артиллеріи, безъ съѣстныхъ припасовъ и аммуниціи, дабы соединиться съ корпусами разсѣянными; и по обѣщаніямъ ничего не было исполнено. Надъ такимъ старымъ солдатомъ, какъ я, можно посмѣяться только одинъ разъ; но онъ бы былъ слишкомъ глупъ, ежели бы позволилъ сдѣлать съ собою то же въ другой разъ. Я не могу принять планъ дѣйствій, отъ котораго не вижу никакой пользы. Я послалъ въ Пешербургъ курьера; дамъ отдыхъ моей арміи, и не предприму ничего, не получа повелѣній отъ своего Государя.

31.

*Отъ Принца де Линь къ Графу Суворову-Рым-
никскому.*

Любезный мой братъ Александръ Филипповичъ! любезный зять Карла XII, любезный племянникъ рыцаря Баярда (*), попомокъ де Блуаза и Монлюка (**)! Ты заставилъ меня проливать слезы чувствительности и удивленія. Надѣюсь съ тобою же вмѣстѣ проливать и кровь невѣрныхъ башаліономъ-каре, который никогда не остается пустъ ибо всегда будетъ

(*) Знаменитый воинъ Франциска I, Короля Французскаго.

(**) Храбрые Полководцы, бывшіе при Генрихѣ III и IV, Короляхъ Французскихъ.

наполненъ твоею благоразумною храбростію. Увидишь меня подражателемъ тебѣ, сколько возмогу, обнимая тебя опъ всего сердца — подражателемъ славъ Императрицы нашей, нашего Князя, нашей собственной. Уповашельно, скоро будешь еще чѣмъ похвалиться. Ты оправдалъ мою догадку, любезный сотоварищъ, когда слушалъ слова людей, говорившихъ о тебѣ. Кажешься, что могу ожидать и опъ тебя дружбы ко мнѣ во мзду жарчайшей моей къ тебѣ приверженности.

Де Линь.

32.

Отъ Графа Суворова Принцу де Линь.

Любезный мой дядя! отпращь Юлія Кесаря, внукъ Александровъ, правнукъ Иисуса Навина! никогда не прервется мое къ тебѣ уваженіе и дружество. Явлюся подражателемъ твоихъ ироическихъ доблестей. Съ радостію, со свойственнымъ намъ хладнокровіемъ, при содѣйствіи силы, оросимъ плодоносныя поля кровію невѣрныхъ, которою такъ она покроется, что послѣ ничего уже на ней рассти не будетъ. Плошный баталіонъ каре, развернутый фалангою, рѣшишь судьбу. Счастіе поможетъ намъ. Поженемъ колонну огромную и колыхающуюся, подобно какъ бы ударяло въ нее великое спѣнобойное орудіе. Во врапахъ, въ копорыхъ душа оставила шло послѣдняго изъ Палеологовъ

(*), будешь нашъ верхъ. Тамъ заключу тебя въ объятія и прижму къ сердцу, воскликнувъ: „Я говорилъ, что ты увидишь меня мершвымъ или побѣдоноснымъ.“ Слава обоимъ нашихъ Юпитеровъ, Сѣвернаго и Западнаго, слава Аншуанешпы (**), подобной Юнонѣ, слава обоимъ Князей нашихъ (***) и собственная наша, какъ нѣкій громъ, наполнишь насъ мудростию и мужествомъ. Клеврешъ знаменитый, имѣющій чистое сердце, чистый умъ! Ты Сюлли великаго Иосифа! Марсъ отецъ твой; Минерва родила тебя; Нимфы Циперскія тебя обожаютъ. Внушеніе изгибы сердца твоего устроены только для вмѣщенія чести и славы, прочныя владычицы вселенной. Ты, какъ осторожный Улиссъ, преданный великому Иосифу, какъ великодушный левъ, укропишь невѣрныхъ. Спрана Бельгская усердствуетъ къ тебѣ. Ты опора ея; ты будешь для нее соединителемъ между ею и пресполомъ. Имя твое сопровождаешь будешь отъ столѣтій къ столѣтію; самыя судьбы въ томъ спанутъ участвовать. Провиденіе попечется о продолженіи лѣтъ твоихъ.

1789.

Гр. Александръ С. — Р.

(*) Констаншинъ Палеологъ, послѣдній Греческій Кесарь, убитъ въ городскихъ воротахъ, при взятии Константинополя Магомешомъ II, Турецкимъ Султаномъ, въ лѣто 1453.

(**) Бывшая несчастная Французская Королева.

(***) Князь Потемкинъ и Принцъ Кобургскій.

*Отъ Князя Менъцикова къ Рейнольдъ Пашкулю,
бывшему Россійскимъ Полководцемъ и Послан-
никомъ.*

Любезный Пашкуль!

Царь читалъ письмо ваше; онъ не меньше удивленъ, какъ и доволенъ благородною гордостью души вашей, которую вы сохраняете и въ величайшихъ несчастіяхъ. Но я не скрою отъ васъ, что Августъ, Король Польскій, предупредилъ Царя. Государи вѣрятъ Государямъ; васъ изобразили ему невѣрнымъ Министромъ, который обманываетъ ихъ обоихъ. Царь повѣрилъ. — Вы ужасаетесь, Пашкуль! Дѣло важно; надобно, чтобъ онъ самъ узналъ истину. Онъ скоро будетъ писать къ вамъ. Теперь сердце его разшерзано: онъ лишился ужаснымъ образомъ храбрѣйшаго изъ своихъ Полководцевъ, лучшаго изъ вашихъ друзей — Князя Александра Бековича.

Повѣрьте мнѣ, если вы невинны, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, то будете опомнены. Впрочемъ я сдѣлаю для васъ все то, чего бы и самъ ожидалъ отъ васъ въ подобномъ случаѣ. Я самъ имѣю много непріятелей. Въ чемъ не подозрѣваютъ меня! сколько разъ былъ я жертвою неблагодарныхъ, которыхъ успроилъ счастье! Я на одинъ только шагъ спою отъ пропасти. Къ счастью, Царь никому не вѣритъ; онъ самъ все хочетъ знать, видѣть, слышать и судить обо всемъ. Сынъ его презираетъ

меня; стрѣльцы гнушаются мною; Патріархъ почищаетъ меня единственнымъ виновникомъ своего паденія; Духовенство опасается и проклиняетъ меня; Бояре ненавидящъ, не смотря на то, что по видимому за всё благодѣянія мои оказываютъ мнѣ привязанность свою. Во всемъ винящъ меня: если мы проиграемъ сраженіе, если у Царя не достаетъ ни войскъ, ни денегъ, то всё говорящъ, что я внушилъ ему употребить солдатъ на другое, а деньги истратилъ на себя. Они даже осмѣливаются обвиняющъ меня и въ построеніи Петербурга, какъ бы основаніе города въ такомъ Государствѣ, которое извѣстно только невѣжествомъ своимъ, было пресупленіе. Такъ, другъ мой! я окруженъ зависниками, врагами, и для меня самого будетъ чудно, если я избѣгну ссылки.

И такъ успокойтесь, любезный Пашкуль! Царь не изъ тѣхъ обыкновенныхъ Государей, которыхъ можно легко обмануть. Онъ вспунился какъ за свои права, такъ и за вашу невинность; вы воспоржествуете надъ своими врагами, и чѣмъ больше вы испытывали несчастій, тѣмъ блистательнѣе будетъ ваша слава.

Вильна.

Александръ Меншиковъ.

18 Апрѣля, 1706.

Отъ Рейнольда Паткуля къ ПЕТРУ Великому,

Всемилоствѣйшій Государь!

Меня оклеветали предъ Тобою. Могъ ли я измѣнить Тебѣ? Мнѣ всегда казалось, что довольно заслужить Твое уваженіе, чтобы не быть подозрѣваему Тобою. Какъ! я хотѣлъ заключить союзъ между Данією и Швецією для того, чтобы вооружить ихъ противъ Тебя? я хотѣлъ примирить Тебя съ Карломъ XII для того, чтобы тайными пронырствами ускорить паденіе Августа? И такъ вопъ мое преслупленіе!

Можно ли выдумать чтонибудь лживѣе и гнуснѣе? Мнѣ спарался о перемиріи съ Карломъ, чтобы погубить Августа? Неужели, Государь, Ты точно этому повѣрилъ? Могъ ли я подумать вступить съ нимъ въ переговоры, хотя бы то было для Твоей славы и его выгодъ? Что мнѣ сдѣлалъ Августъ? за что погубить его? Бывало ли когда, чтобы Посланникъ спарался о сверженіи съ престола союзника своего Государя? Есть конечно, есть самые подлые, порочные Министры; но такія чудовища не были никогда ни Твоими, ни моими друзьями.

Вспомни, Государь! какимъ путемъ дошелъ я до Твоего сердца, чѣмъ заслужилъ Твое уваженіе и милость. Не стану выхвалять себя; но если Паткуль былъ достоинъ Тебя, если Ты почтилъ его своею довѣренностію, и лю-

билъ его какъ друга, по сего уже и довольно. Вспомни, Государь! пошъ день, въ который Ты привсей арміи своей удостоилъ меня разговоромъ; когда уговаривалъ меня оставишь Польскій Дворъ, гдѣ враги окружали меня; когда Ты просилъ меня, чѣмъ я предводительствовалъ Твоими войсками, и назвалъ меня своимъ Полководцемъ.

Тебѣ извѣстно, на какихъ условіяхъ я предложилъ Тебѣ свои услуги. „Государь! сказалъ я: буду зависѣть отъ одного Тебя; во время войны и мира стану поступать по Твоимъ приказаніямъ, а Ты будешь слушаться моихъ совѣтовъ. Не хочу ни чиновъ, ни богатства; мнѣ довольно одного Твоего дружества.“ — Объявая мнѣ все это, какимъ Ты тогда почиталъ меня? Съ того самаго дня сдѣлалъ ли я чтонибудь такое, чтобы навлечь на себя Твое подозрѣніе? Двѣ полныя побѣды, испытанное посложнство, непоколебимая вѣрность: вотъ на чемъ основалъ я Твою довѣренность и почтеніе отъ моихъ гонимелей!

Все подвержено переменѣ, — скажешь Ты, Государь! — часно и испытанный человѣкъ дѣлается безчестнымъ и подлымъ; бывають обшожательства. . . . — Но ихъ нѣтъ для честнаго человѣка. Кто можетъ когданибудь позабыть свои обязанности, пошъ давно уже переспалъ уважать ихъ. Честнаго человѣка ничто не можетъ соврапить съ пуши: ни блескъ величія, ни богатство, ни верховная власъ, ни самая любовь его Монарха. Скорѣе

солнце перемѣнишь свое теченіе, нежели онъ позабудешь долгъ свой. Вошь прямо честный человѣкъ! таковъ и Пашкуль. Для чего мнѣ не опдашь себѣ справедливости, когда никто изъ смертныхъ, никто изъ прежнихъ друзей моихъ не хочетъ того сдѣлать? Пусть придутъ сюда подлые доносители, осмѣлившіеся очернить меня; и если присутствіе мое не заспазитъ ихъ устыдиться, если они не восшрепещутъ: то пусть опрубятъ мнѣ тогда голову — и попомство, не смотря на невинность мою, пусть обвиняетъ меня въ измѣнѣ, въ подлости и преступленіи; я на все согласенъ.

Разсмотри, Великій Государь! всю жизнь мою, и не найдешь ни одного поступка, который бы не относился къ моей славѣ. Едва я вышелъ изъ колыбели, какъ отецъ мой далъ мнѣ въ руки мечъ и училъ управлять имъ. Съ двенадцати лѣтъ я вездѣ за нимъ слѣдовалъ, и самъ Карлъ XI не рѣдко завидовалъ ему, что имѣетъ такого сына. Скоро я лишился его: смерть, оставляя злыхъ, всегда рано похищаетъ добрыхъ. Мнѣ кажется, что я теперь вижу его умирающаго на рукахъ моихъ, покрытаго ранами на полѣ сраженія, плавающего въ крови своей. — „Я умираю, другъ мой! сказалъ онъ: оставляя тебя одного сражаешься съ бѣдствіями жизни. Люби своего Государя, служи опечеству, почиай законы, берегись ласкашелей, будь вѣренъ. . .“ Онъ скончался; я былъ въ опчаяніи; но, ахъ! я больше былъ тогда достоинъ сожалѣнія: я

пережилъ свободу моего опечества. Смерть его была первымъ знакомъ моихъ несчастій. Съ самаго того плачевнаго дня Липва, Швеція, весь свѣтъ упрекаетъ меня въ томъ только, что я свято хранилъ долгъ свой, и жертвовалъ своими удовольствіями, спокойствіемъ и самыми лучшими днями моей жизни для славы своего опечества. Чтожь было за то моею наградою? смертоносный приговоръ и вѣчное изгнаніе. Отверженный Швеціею, восемь лѣтъ скитался я по горамъ Швейцарскимъ, и сіи восемь лѣтъ были потеряны для славы!

Наконецъ на Рижскихъ границахъ раздался звукъ трубы военной: я полетѣлъ туда подъ Августовыми знаменами. Не стану, Государь, описывать Тебѣ поведеніе мое при Дворѣ его: оно Тебѣ извѣстно. Лучшая моя похвала состоитъ въ томъ, что Ты удостоилъ меня своимъ дружесствомъ. Ты не изъ числа тѣхъ Государей, которые избираютъ въ Министры свои подлыхъ льстецовъ, орудіе спрасей и отголосокъ ихъ слабостей. Тебѣ нужны истинные граждане; когда не находишь ихъ въ Опечествѣ своемъ, то самъ идешь опыскивать ихъ въ спранахъ дальнихъ, и тѣмъ подаешь полезный урокъ равнымъ Тебѣ.

Пріятно мнѣ прославлять Тебя, Государь! Не страшись похвалъ моихъ, я не изъ числа придворныхъ. Съ той минушы, какъ Ты удостоилъ меня довѣренностью своею, назвалъ меня другомъ своимъ, и раздѣлил со мною тягость трудовъ своихъ — Пашкуль почи-

пашеть себя достойнымъ всеобщаго уваженія. Но я забылъ, что Паткуль теперь заключень въ темницъ; мнѣ вообразилось, будто въ Кремль съ Тобою разговариваю.

Мнѣ не нужно прощенье. Пусть разсмотрятъ поступки мои и скорѣе рѣшатъ мою участь. Не знаю, какое-то тайное, ужасное предчувствіе приводитъ меня въ трепетъ. Гдѣ честолюбіе, зависть и злоба поржествуютъ, тамъ гибнетъ невинность, спраждаютъ добродѣтели. Чувствую, что безъ суда осуждёнъ буду, и не надѣюсь больше на права свои. Но Ты Царь, — Ты долженъ вступиться за Твои права; не опкажи мнѣ въ томъ. Это будешь первою милостью, которую у Тебя проситъ несчастный Паткуль.

Зоненштейнская крѣпость.

Сентября 1706.

35.

Отъ Г. Вольтера къ Графу Шувалову.

Ваше Сіятельство!

Я послалъ къ вамъ начертаніе Исторіи о Россійской Имперіи въ царствованіе Петра Великаго, со времени Михаила Романова до сраженія при Нарвѣ. Въ немъ находящся погрѣшности, кои вы легко замѣшите. Имя претьяго Посла, который находился при Императорѣ въ его путешествіяхъ, есть неправильное. Онъ не былъ Канцлеромъ, какъ то объявляютъ ле-Форшовы записки, кои въ семь

Часть II.

20

мѣспѣ неисправны. Къ вамъ, Государь мой, послалъ я сіе легкое начертаніе единствѣнно для того, чѣшобъ получить отъ васъ наставленія, въ разсужденіи погрѣшностей, кои могъ я учинить. Трудъ сей принять вы конечно не будете имѣть времени, но вамъ будетъ весьма легко доставить мнѣ нужныя поправленія.

Я снабдилъ себя, Государь мой, всѣмъ тѣмъ, что было писано о Петрѣ Великомъ, и признаюсь, что я ничего не нашелъ, что могло бы подать мнѣ свѣденія, копорыя желалъ бы имѣть. Ни одного слова нѣтъ о заведеніи рукодѣлій и художествъ, о сообщеніяхъ рѣкъ, о народныхъ упражненіяхъ, о монетныхъ дворахъ, о законовѣдѣніи, о сухопутныхъ и морскихъ войскахъ. Это ничто иное есть, какъ весьма недоспащочныя собранія нѣкоторыхъ манифестовъ и публичныхъ сочиненій, кои не имѣютъ никакой связи съ тѣмъ, что Петръ I учинилъ важнаго, новаго и полезнаго; однимъ словомъ, что заслуживаетъ быть извѣстнымъ всѣмъ народамъ, по въ самомъ дѣлѣ никому не извѣстно. И такъ осмѣливаюсь повторить вамъ: ничто не сдѣлаешь вамъ болѣе чеспи, ничто не будетъ достойнѣе царствованія Императрицы, какъ сооруженіе великолѣпнаго памяшника во славу Ея родителя. Ничего болѣе не буду дѣлать, какъ шокмо распоряжаясь камни сего важнаго зданія. Справедливо, что Исторія о семъ великомъ Мужѣ должна быть необыкновеннымъ образомъ написана. На сіе употреблю всѣ мои старанія.

Впрочемъ соблюдать буду съ величайшею исправностію все то, чего истина и благопристойность пребуютъ. Спану посылаю къ вамъ каждую рукопись, коль скоро будетъ она окончана, и ласкаюсь, что мое поведеніе и моя ревность не будутъ противны вашей Августѣйшей Самодержицѣ, подѣ покровительствомъ которой буду стараться безпрестанно, какъ скоро нужныя записки будутъ мнѣ доставлены.

11 Августа 1757.

Вольтеръ.

Ферней.

36.

*Отъ него же къ Князю Голицыну, бывшему
Россійскимъ Посломъ въ Парижѣ.*

Господинъ Князь!

Благополучно испытанное Императрицею прививаніе оспы, и Ея ко врачу своему великодушіе по всей Европѣ возгремѣли. Давно уже удивляюсь мужеству Ея и презрѣнію предразсудковъ. Я не думаю, чтобы Мустафа былъ духъ, могущій Ей прошивоборствовать: ни одинъ Философъ не назывался Мустафою. Можетъ быть, скажутъ мнѣ, что прежде сего вѣка не было Философа, именуемаго Екатериною; но я желаю также, чтобы именовалась Она Томирою, и чтобы дала изрядную пощину нынѣ владѣющему частію Кировыхъ областей. Я имѣлъ честь объявить Ей, что если Она возьметъ Константинополь, то я, съ Ея

дозволенія, поѣду поселиться близъ Пропон-
 пиды (*); поелику не возможно мнѣ, семидесяти
 пяти-лѣтнему старику, бороться съ морозами
 Бальшійскаго моря.

Я думаю, что есть Князь вашего имени,
 кошорый будешь повелѣвать войскомъ про-
 шиву Музульмановъ. Имя Голицына есть доброе
 предзнаменованіе для славы Россійской. — Не
 вѣрю чипанному мною въ Вѣдомостяхъ, будто
 бы Французскіе пушкари пошли служить въ
 Опшюманскомъ войскѣ. Французы въ послѣд-
 нюю войну напрасно перяли пруды свѣи; какъ
 же они осмѣлятся дѣйствовать прошиву Ека-
 терины - Томиры?

Имѣю честь быть и прог.

25 Января
 1769.

Вольперѣ.

37.

Отъ него же къ Г-ну Сумарокову, извѣстному
 Россійскому Стихотворцу.

Государь мой!

Ваше письмо и ваши сочиненія служатъ
 неоспоримымъ доказательствомъ, что дарова-
 ніе и вкусъ во всякой спранѣ бывающъ. Утвер-
 ждавшіе, что Стихотворство и Музыка были
 ограничены въ умѣренныхъ спранахъ, весьма
 обманулись. Если бы спрана имѣла толико

(*) Въ древнія времена такъ называлось Мраморное
 море.

могущества, то Греція производила бы еще Платоновъ и Анакреоновъ такъ, какъ она производитъ тѣ же плоды и цвѣты; Италія имѣла бы Гораціевъ, Виргиліевъ, Аріостовъ и Тассовъ; но въ Римѣ нынѣ видимъ только крепныя ходы, а въ Греціи одни палочные удары. И такъ необходимо надобно, чѣмъ Государи любили и ободряли науки, и сами были бы свѣдуши въ оныхъ. Они перемѣняютъ климатъ, и посреди снѣга произращаютъ розы.

Сіе самое дѣлаетъ ваша безподобная Самодержица. Я буду почищать, что письма, коихъ Она удостоиваетъ меня, приходятъ ко мнѣ изъ Версаліи, и что ваше получено отъ одного изъ моихъ сотоварищей, Членовъ Французской Академіи. — Князь Козловскій, вручившій мнѣ Ея письмо и ваше, изъясняется такъ какъ вы — и этому я удивлялся во всѣхъ Россійскихъ Господахъ, приѣзжавшихъ посѣпить меня въ моемъ уединеніи. Вы имѣете предомно удивительное преимущество: я ни одного слова на вашемъ языкѣ не знаю, а вы мой совершенно разумѣете.

Стану отвѣчать на всѣ ваши вопросы, въ коихъ, подъ видомъ сомнѣнія, довольно видно ваше знаніе. Поспавляю себѣ за честь быть одного съ вами мнѣнія. Такъ, Государь мой! почищаю Расина безпрекословно лучшимъ изъ нашихъ трагическихъ Стихотворцевъ, который одинъ говорилъ сердцу и здравому разсудку, который одинъ былъ истинно вы-

сокъ безъ всякой надменности, и произвелъ въ словъ неизвѣстную до него прелесть. Онъ одинъ изобразилъ любовь прагическую; ибо прежде его Корнель хорошо изъяснялъ сію страсть въ одномъ только Сидѣ, а Сидъ не его произведеніе; во всѣхъ же почти другихъ сочиненіяхъ любовь представлена смѣшною или скучною.

Согласно такъ же съ вами думаю о Кинольпѣ: это великій человѣкъ въ своемъ родѣ. — Со времени Реньярда, родившагося съ дарованіемъ дѣйствительно комическимъ, и копорый одинъ весьма походилъ на Мольера, мы имѣли токмо нѣкоторый родъ чудовищъ. Сочинили, неспособные выдумать даже поря дочную шушку, хотѣли сочинять комедіи, единственно для полученія денегъ. Они, не имѣя довольно силы въ разумъ, чпобъ сочинять трагедіи, не имѣя довольно веселаго духа писать комедіи, не умѣя даже изобразить слугу, написали прагическія приключенія подъ мѣщанскими названіями. Сказываютъ, что въ сихъ сочиненіяхъ есть нѣкоторая привлека тельность, когда ихъ хорошо играютъ; это можетъ быть; но я никогда не могъ читать ихъ. Сіи уродливыя произведенія не суть ни трагедіи, ни комедіи. Когда нѣтъ лошадей, то и пѣмъ очень счастливы, что лошаки возятъ.

Лѣтъ съ двадцать я не видалъ Парижа. Меня увѣдомляли, что тамъ уже не играютъ Мольеровыхъ сочиненій. Причина, по моему мнѣнію, та, что всякъ знаетъ ихъ наизусть;

почти всѣ хорошія изреченія сдѣлались тамъ пословицами; впрочемъ естъ продолжительно-сти, завязки иногда слабыя, а развязки рѣдко остроумныя. Онъ хотѣлъ только изображать природу, и былъ безъ сомнѣнія величайшій ея живописецъ.

Вошъ, Государь мой, по чистосердечное признаніе, коего вы опъ меня пребуеша. Миѣ прискорбно, что вы походите на меня слабымъ вашимъ здоровьемъ; по счастію, вы моложе, и долѣе будете дѣлать честь вашему Опечесству. Чпожъ касается до меня, то я уже мершвъ для моей опчизны.

Имѣю честь быть, и прог.

26 Февраля 1769.

Вольтерѣ.

38.

Отъ него же къ Графу Воронцову.

Государь мой!

Письмо ваше было миѣ доставлено Княземъ Козловскимъ. Оно послужило не малымъ облегченіемъ моихъ болѣзней, дѣлающихъ меня слѣпымъ. Всѣ милости, коими ваша неподражаемая Императрица почтила меня, и то, что шворипъ Она для испинной славы, производяшъ во миѣ желаніе жить. Счастливы шѣ, кои долгое время будушъ зрѣшъ Ея прекрасное царствование! Но нынѣ Она, подобно Петру Великому, на нѣкоторое время въ законоположе-

ніи своемъ оспановлена Турками, врагами законовъ и художествъ.

Ничто, по мнѣнію моему, не было такъ удивительнымъ, какъ то, что Она учинила въ Польшѣ. По избраніи Короля, и припомъ очень добраго, учредила тамъ терпѣніе ино-вѣрія; возвратила людямъ естественныя ихъ права — и вопъ мерзкіе Турки, не знаю кѣмъ поощренныя (вѣрояпно своимъ Алкораномъ), разспроили всѣ мои надежды видѣть Польшу освобожденною отъ судилища Папскаго Нунція!

И такъ, Государь мой, если бы вы были Миниспромъ въ Конспаншинополѣ, вмѣстѣ того, чшобъ бытъ онымъ въ Гагѣ, то Капиджи-Паши спрятали бы и васъ въ Семибашенный замокъ. Очень желалъ бы я знать, какое удовольствіе имѣють Христіанскія Державы отъ того, что въ Стамбульскомъ Диванѣ ежедневно Посламъ ихъ даютъ по носу щелчки. Неужели никогда не прогоняютъ сихъ варваровъ по ту сторону Босфора? Я не люблю рабства: оно дорого стоить. Но для меня не было бы противно видѣть нѣсколько окованныхъ Турецкихъ рукъ, занимающихся обработываніемъ вашихъ пространныхъ равнинъ Казанскихъ и исправляющихъ корабельную работу на Ладожскомъ озерѣ.

Всѣ Государи, безъ сомнѣнія, суть подобія божества; столько говорятъ имъ о томъ въ посвященіяхъ книгъ и въ сказываемыхъ предъ ними проповѣдяхъ, что непременно надобно, чшобъ сіе сколько нибудь было спра-

ведливо; но мнѣ кажется, что Мустафа столько на божество походитъ, сколько быкъ Аписъ походитъ на Юпитера. Турки достойны того, чтобы ими управлялъ толь глупый человекъ; но сей человекъ, при всей глупости своей, прольетъ кровавыя рѣки. Пусть онъ въ нихъ утонетъ!

Вошъ прекрасное время — если не обманываюсь — для славы вашей Имперіи. Ваши войска побѣдили Прусаковъ, коими побѣждены Австрійцы, побѣдившіе Турковъ. Вы имѣете искусныхъ Генераловъ; а слабоумный Мустафа жалуется великимъ Визиремъ перваго простяка своего серала. Сей великій Визирь препоручаетъ войска въ управленіе своимъ разсыльщикамъ. Если сіи люди станутъ вамъ прошивуборствовать, то я весьма удивленъ буду.

Не менѣе того удивляюсь, что Христіанскіе Государи толь худо разумѣютъ свои выгоды. Симъ прекраснымъ случаемъ должно бы воспользоваться Нѣмецкому Императору. И для чего Венеціане не пользуются успѣхомъ вашего оружія, чтобы возвратить Грецію, которую я во время молодости моей видѣлъ у нихъ во владѣніи? Но для таковыхъ предпріятій потребны деньги, флотъ, искусство, расторопность; а всего эшаго иногда не достаешь. Наконецъ я надѣюсь, что вы безъ помощи другихъ будете хорошо защищаться.

Съ удовольствіемъ и удивленіемъ вижу, что сіе нападеніе ни мало не смущаетъ души той великой особы, которую называютъ

Екатериною: Она изволишь писать ко мнѣ прекрасныя письма, какъ будто бы у Нее не было другаго дѣла; Она упражняется въ изящныхъ художествахъ, о коихъ Оппоманы даже не слыхали, и опправляесть войска свои въ походъ съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ велѣла привить себѣ оспу. Если Она не будетъ совершенно побѣдоносною, то Провиденіе будетъ въ томъ неправо. Желаю, чѣмъ вы, по прошествіи двухъ лѣтъ, были въ Спамбулѣ Великимъ Эфендіемъ.

Примише, Государь мой, искреннія увѣренія въ нѣжномъ почитаніи, которое вамъ на всю свою жизнь посвятилъ

26 Февраля 1769.

Вольтеръ.

Ферней.

39.

*Отъ Иосифа II, Римскаго Императора,
къ Фельдмаршалу Лассію.*

Любезный мой Маршалъ Лассій!

Одна невозможность, препятствующая мнѣ начертать сіи спроки слабою моею рукою, принуждаетъ писать ихъ чужою. Смертъ быстрыми шагами спѣшитъ разлучить насъ. Я почелъ бы себя слишкомъ неблагодарнымъ, еслибъ оставилъ здѣшній міръ, не повторивъ вамъ теперь, любезный другъ, всѣхъ чувствъ благодарности, коими обязанъ вамъ по столькимъ причинамъ, и которыя имѣлъ я удоволь-

спвіе изъявишь предъ цѣлымъ свѣтомъ. Такъ, если я и успѣлъ что нибудь, то симъ обязанъ вашему усердію: вы образовали, просвѣтили, научили меня познавать людей, да и вся армія обязана вамъ же искусствомъ и силою. Надежность вашихъ совѣтовъ во всѣхъ обстоятельсвахъ, личная приверженность ко мнѣ, неизмѣнявшаяся ни въ какомъ случаѣ, важномъ или маловажномъ, — все сіе, любезный мой Маршалъ, лишаетъ меня возможности достойно возблагодарить васъ. Я видѣлъ ваши слезы обо мнѣ проливаемые: слезы великаго и мудраго человѣка служатъ величайшею похвалою. Прощайте, любезный другъ! обнимаю васъ со всею нѣжностію искреннаго друга. Если я жалѣю о чемъ, оставляя здѣшній міръ, то единственно о маломъ числѣ друзей, между которыми вы занимаете первое мѣсто. Не забывайте меня, вашего нѣжнаго, вѣрнаго друга

Вѣна, 19 Февраля 1790.

Іосифа.

40.

Отъ Фридриха II къ Римскому Императору
Іосифу II.

Доказательства дружбы, которую Ваше Императорское Величество мнѣ оказывать благоволило, для меня неоцѣненны: ибо по истинѣ никто Васъ споль высоко не почитаетъ, и ежели смѣю сказать, никто споль много не любитъ, какъ я. Ежели непредвиди-

моя причины дѣлають разность во мнѣніяхъ
 полипическихъ предметахъ, но не перемѣ-
 няють однакожь чувствованій, запечатлен-
 ныхъ къ Вамъ въ моемъ сердцѣ. И какъ Ва-
 шему Императорскому Величеству угодно,
 чѣмъ говорилъ я Вамъ съ обыкновенною моею
 откровенностію о трудныхъ предметахъ, со-
 ставляющихъ нынѣ главную цѣль нашихъ упра-
 жненій: то и гоповъ исполнишь желаніе Ва-
 шего Величества, съ тѣмъ однакожь условіемъ,
 чѣмъ вы приняли мое чистосердечіе съ та-
 кою же благосклонностію, какъ и прежде.
 Прошу Васъ напередъ не думать, чѣмъ я,
 ослѣпленъ будучи глупымъ честолюбіемъ, воз-
 мнилъ сдѣлаться судіею Государей. Пламенные
 страсти погасли уже въ моихъ лѣтахъ, и не
 принадлежать болѣе къ сему времени; равнымъ
 образомъ и разумъ мой положилъ предѣлы
 пространству моей дѣятельности. И такъ,
 когда принимаю участіе въ новѣйшихъ прои-
 шествіяхъ Баварскихъ, то происходитъ сіе
 отъ того, что оное дѣло сопряжено съ инте-
 ресомъ всѣхъ Нѣмецкихъ Имперскихъ Князей,
 къ числу которыхъ и я принадлежу. Что же
 я сдѣлалъ? Я разсмащивалъ законы, государ-
 ственное Нѣмецкое усѣановленіе, спашью
 Вестфальскаго мира о Баваріи; все сіе сравни-
 валъ со случившимся происшествіемъ, дабы
 увидѣть, можно ли сіи законы и союзы согла-
 сить съ завладѣніемъ Баваріею; но долженъ
 признаться, что вмѣсто искомаго и желаннаго
 мною согласованія, нашелъ совсѣмъ прошивное.

Впрочемъ будыте удостовѣрены Ваше Императорское Величество, что я никогда не смѣшиваю дѣлъ съ Вашею Особою. Вамъ угодно только со мною шупить. Нынь, Государь, вамъ не надобно учителя: каждое званіе, какое бы Вы на себя ни приняли, исправите съ успѣхомъ; Небо одарило Васъ самыми рѣдкими способностями. Вы изволили памятовать, что Лукуллъ не предводительствовалъ еще никогда до того войскомъ, какъ Римскій Сенатъ послалъ его въ Понтъ. Едва лишь онъ туда прибылъ, тотчасъ явилъ опытъ своего искусства разбиіемъ Мидридаша. Ежели Ваше Императорское Величество выиграете побѣды, то буду я первый возвѣститель Вашей славы; но присовокупляю къ сему, что побѣды сіи не будутъ надо мною! Есмь и пребуду съ величайшимъ высокопочипаніемъ и совершеннѣйшею преданностію

Г о с у д а р ь !

*Вашего Императорскаго Величества
вѣрный братъ*

Ф р и д р и х ъ .

41.

*Отъ Римскаго Императора, Иосифа II
къ Фридриху II.*

Дружеское письмо, которое Ваше Величество ко мнѣ писалъ изволили, внутренно меня прогаешъ, и ежели бы то высокое по-

членіе, и истинное, смѣю сказать, дружество, копорыя всегда имѣлъ я къ Особѣ Вашей, могли еще болѣе усугубиться, по сіе письмо весьма къ сему было бы удобно. Я сообщу Ея Императорско-Королевскому Величеству заключающіяся въ ономъ мысли, достойныя столь великаго Мужа, какъ Ваше Величество. Могу васъ напередъ обнадежить, что Ея Величество дала уже Кобенцелю нужныя наставленія, чѣмъ выслушать всѣ примирительные договоры и на оныя согласиться, ежели они только будутъ приличны и возможны, какъ въ разсужденіи того, чѣмъ Ея Величество должна сама себѣ, шакъ и въ разсужденіи того, чѣмъ она обязана своимъ владѣніямъ; дабы не только для настоящаго времени, но и для будущихъ временъ опдалить опъ обоюдныхъ нашихъ владѣній все, что можетъ служить поводомъ къ бѣдствіямъ войны. Сколь бы прудно дѣло сіе ни казалось, однакожъ можно будетъ, если только прямо захошашъ произвести его въ дѣйство; и оба мы пріобрѣтемъ гораздо справедливѣйшую славу, нежели какую могутъ намъ доставить всѣ наши побѣды. Моленія всѣхъ нашихъ подданныхъ, сохраненіе столь многихъ людей, будутъ для насъ прекраснѣйшими побѣдоносными знаками, какіе только пріобрѣсти можно, и копорыхъ цѣну шѣ только чувствовашъ могутъ, кои, подобно Вамъ, знаютъ прямо, что значить способствовать счастью человѣческому!

Между тѣмъ, какъ Ваше Величество говорите со мною о средствахъ къ приобрѣтенію мира, кажется мнѣ, что ополчаесть Вы пропиву моего разума: ибо чрезъ мѣру лестныя похвалы, которыя мнѣ приписываете, могли бы вскружить мнѣ голову, ежели бы не зналъ я довольно хорошо, чего еще не доспаетъ мнѣ въ разсужденіи опыта и способностей. Но сколь я по свойству моему ни опдаленъ опытомъ всякаго щеславія и похвалъ, долженъ однакожъ Вамъ признаться, что не могу равнодушенъ быть къ уваженію и похвалѣ столь добраго судіи, какъ Ваше Величество. Прошу Васъ быть удостовѣреннымъ въ величайшихъ и совершеннѣйшихъ чувствованіяхъ высокопочитанія и искреннѣйшаго дружества, которыми посвятилъ я Вамъ на всю мою жизнь, и съ которыми есмь

Вашего Величества
вѣрный братъ Іосифъ.

42.

*Отъ Людовика XVI Короля Французскаго, къ
Фридриху II Королю Прусскому о смерти
Кардинала Флери.*

Любезный братъ! лишившись Кардинала Флери, на котораго въ управленіи дѣлъ моихъ возлагалъ я всю довѣренность, и о мудрости и познаніяхъ коего никогда жалѣть не престану, — спѣшу самъ возобновить Вашему

Величеству увѣренія, какія онъ давалъ моимъ именемъ, и какія часпо я препоручалъ ему повторыть въ изъявленіе совершенной дружбы, коею я исполненъ къ Особѣ Вашего Величества, и въ доказательство искренняго и непремѣннаго моего желанія совѣщиваться съ Вами обо всемъ, что можетъ касаться до общей нашей пользы. Я не могу сомнѣваться, чтобы Ваше Величество не сооществовало съ своею стороны моему желанію. Вы можете быть увѣрены, что во всѣхъ случаяхъ найдете во мнѣ равныя расположенія къ споспѣшествованію Вашей славы и Вашей пользы, и къ показанію, что я есмь, и проч.

Людовикъ.

43.

Отъ Фридриха II къ Маркизу д'Аржансу.

Мнѣніе швое, любезный мой Маркизь, о слогѣ Писателей гораздо основательнѣе, нежели разсужденія о Полишикѣ; однако есть еще много, на что можно оповѣстиваться. 1) Я думаю, что слогъ мой скорѣе можно узнать по нѣкошорымъ грамматическимъ погрѣшностямъ, нежели по обороту выраженій. 2) Есть довольно людей, кои думаютъ и пишутъ свободно; для чегожъ не хочешь ты, чтобы подозрѣвали Женевскаго Руссо и шоль многихъ другихъ неизвѣстныхъ мнѣ писателей, что шворенія ихъ столь же неосновательны, какъ и сіи? 3) Не можно ли думать, что важныя

дѣла, которыми я слишкомъ занимаюсь, не позволяютъ мнѣ перепать времени на писаніе бездѣлицъ? 4) Письма Кипайскія не заключаютъ въ себѣ ничего дерзостнѣйшаго, какъ и Персидскія. Письмо Г-жи Помпадуръ походитъ болѣе на сочиненіе праздной Парижанки, нежели на сочиненіе Нѣмца, управляющаго арміею. Наконецъ, любезный мой Маркизь, если бы нужно было тягаться по дѣлу моему въ судѣ, то я еще довольно имѣлъ бы причинъ къ оправданію своему передъ моими судіями. Не письмо Г-жи Помпадуръ виною продолженія войны: она совсѣмъ не знаетъ, что я пому причиною, и въ Парижѣ никто меня въ этомъ не подозрѣваетъ; есть еще и другія причины, коихъ подробное исчисленіе было бы слишкомъ длинно и пространно. И такъ ты согласишься, что можно напередъ узнавать слѣдствія причинъ случайныхъ; а изъ сего можешь ли заключать, что всякая гадашельная наука есть неблагодарная и обманчивая? И въ семъ-то ремеслѣ принуждаю себя упражняться. Я бы лучше хотѣлъ плавать по пространному Океану безъ мачтъ и компаса. Малая твоя опытнось въ успроеніи Европейской полипики могла тебя въ семъ удословѣрить. Спо разъ въ день проклиная себя; но сіе мнѣ ни мало не помогаетъ. Поздравляю тебя, любезный мой Маркизь, что ты вступаешь въ число стихотворцевъ, а у меня походъ оппнאלъ совсѣмъ къ стихамъ охоту: она пропала, и я не могу написать ни одной строчки, до-

колѣ обстоятельствъ наши не будутъ благопріятнѣе нынѣшнихъ.

Тучи сходятся и предвѣщаютъ походъ: гроза еще въ облакахъ кроется; но избави Боже того мгновенія, въ которое она грянетъ! Прощай, любезный мой Маркизь. Желаю тебѣ всего того, чего не достаешь мнѣ къ счастію, спокойствію, тишинѣ, довольствію и здравію. Болѣе пишешь мнѣ нѣчего. Крѣпость силъ моихъ изнемогаетъ; счастіе, здоровье, веселость и юность меня оставляютъ; я уже ни къ чему болѣе не гожусь, какъ для населенія царства Прозерпины. Если тебѣ надобно что нибудь труда оправишь, то мнѣ препоручи это дѣло.

Разсуждай о чувствованіяхъ моихъ, любезный мой Маркизь, какъ тебѣ угодно. Я вижу, что мы не согласны въ своихъ мнѣніяхъ, и что начала наши весьма различны между собою. Ты прилѣпленъ къ жизни подобно Сибариту; а я взираю на смерть какъ Стоикъ. Никогда не увижу того мгновенія, которое принудитъ меня заключить миръ невыгодный; никакія убѣжденія, никакое краснорѣчіе не могутъ преклонить меня къ подписанію моего безчестія. Или погребу себя подъ развалинами моего опечесства, или, если утѣшеніе сіе кажется еще весьма сладко судьбѣ, меня гонящей, окончу самъ свои несчастія, когда уже не достанетъ у меня болѣе силъ сносить оныя. Я поступилъ, да и продолжаю поступать слѣдуя внутреннему внушенію разума и тому чество-

люблю, кои управляютъ стопами моими; поведеніе мое пребудетъ всегда сообразно симъ началамъ.

Посвятивъ юныя лѣта моему опцу, а зрѣлый возрастъ моему отечеству, кажется мнѣ, я приобрѣлъ довольное право располагать своею старостию. Я тебѣ о семъ уже говорилъ и еще поже повтораю: никогда рука моя не подпишетъ поноснаго мира. Я рѣшился въ семъ походѣ на все опваживаться и предпринимаю самыя опчаянныя мѣры, чтобы имѣть успѣхъ, или конецъ славный.

Я сдѣлалъ нѣкоторыя примѣчанія о воинственныхъ дарованіяхъ Карла XII; но не изслѣдывалъ, должно ли ему было умерщвить себя, или нѣтъ. Мнѣ кажется, что, по взятіи Спиральзунда, онъ бы поступилъ благоразумно, когда бы себя на шопъ свѣтъ опправиль; но хотя бы онъ сіе сдѣлалъ, или нѣтъ, примѣръ его не составляетъ для меня правила. Генрихъ IV произошелъ опъ знашнаго дома, который назидалъ его счасіе; ему умерщвлять себя было не для чего. Лудовикъ XIV былъ великой Государь, онъ имѣлъ великія пособія и сохранялъ себя опъ опасности; я же хотя и не имѣю равныхъ ему силъ, но честь мнѣ любезнѣе, нежели ему; и я, какъ уже сказалъ тебѣ, никому не послѣдую. Опъ сотворенія міра счишаемъ мы, кажется, пять тысячъ лѣтъ; думаю, что число сіе слишкомъ мало опноительно къ лѣтамъ вселенныя. — Бранденбургъ стоялъ еще гораздо прежде, нежели я произо-

шелъ на свѣпъ; онъ также будетъ стоять и послѣ моей смерти. Государства поддерживаются размноженіемъ рода человѣческаго, и доколѣ будутъ шудиться о умноженіи существъ, дополѣ чернь будетъ управляема Министрами или Государями. Эшо почти все одно: нѣсколько болѣе глупости и нѣсколько болѣе благоразумія — различіе сіе споль мало, что цѣлостъ народа едва примѣшши можно. И такъ не предспавляй мнѣ, любезный мой Маркизь, сего древняго обычая придворныхъ, и не воображай себѣ, чтобы предразсудки самолюбія и щеславія могли обольспить меня, или сколько нибудь перемѣнили мои мысли о свѣпѣ. Имѣя пятьдесятъ лѣтъ, сколько можно сыскашь причинъ къ презрѣнію жизни?

Мнѣ ничего болѣе не оспается, какъ токмо старость немощная и болѣзненная, печали, безпокойствіе, оскорбленія и шруды. По истинѣ, если бы ты хорошенько вникнулъ въ мое состояніе, то бы менѣ спалъ порицать мои предпріятія. Я лишился всѣхъ друзей и любезнѣйшихъ моихъ сродниковъ; прешерпѣваю всевозможныя несчастія; не оспается мнѣ никакой надежды; вижу непріятелей надо мною ругающихся, и гордость ихъ уже готовится попрасть меня своими ногами. Ахъ, Маркизь!

Когда погибло все, надежды больше нѣтъ,
Поносна жизнь тогда, — и должно умереть.

Отъ Фридриха II къ Г. Кондорсету.

Чувствительнѣйше благодарю васъ за спараніе ваше о доставленіи мнѣ учителей, въ коихъ наша Академія великую терпитъ нужду. Я знаю, что пребудетъ время, какъ для выбора людей, такъ и для того, чтобы уговорить ихъ заступить мѣста, имъ предлагаемыя; однако надѣюсь, что вы мнѣ доставите людей искусныхъ, за что я вамъ весьма буду благодаренъ.

Теперь приступаю къ опредѣленію о законахъ, кои Г. Беккарій столь хорошо изъяснилъ, и о коихъ вы писали съ нимъ согласно. Я совершенно одного съ вами мнѣнія, что судьи не должны быть поропливы въ подписываніи своихъ приговоровъ, и что лучше спасти виноватаго, нежели погубить безвиннаго. Впрочемъ, дознавъ самымъ опытомъ, думаю, что не должно пренебрегать тѣхъ побужденій, коими люди управляются, то есть, наказаній и награжденій. Бываютъ такіе случаи, гдѣ лютость злодѣя заслуживаетъ лютое наказаніе. Убийцы и зажигатели, на примѣръ, заслуживаютъ смертную казнь, потому что они присвоили себѣ тиранскую власть въ человѣческой жизни и ихъ собственности. Признаюсь, что вѣчное заоченіе есть наказаніе жесточайшее смерти; но оно не столь поразительно, какъ то, которое совершается предъ глазами народа: ибо такіа зрѣлища производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели напоминаніе о му-

ченіи тѣхъ, кои въ шюрмахъ спрадають. Я въ своемъ Государствѣ сдѣлалъ все, что только могъ, для исправленія правосудія и для изпребленія злоупотребленій въ судилищахъ. Ангелы могли бы въ этомъ совершенно успѣть, если бы захотѣли принять на себя трудъ сей; но не имѣя никакого сношенія съ духами, мы приуждены употреблять для услугъ своихъ людей, намъ подобныхъ, кои навсегда пребудутъ весьма далеки отъ ихъ совершенства.

Фридрихъ.

45.

Отъ Фридриха II къ Г. Вольтеру.

Государь мой! вы меня одолжаете чувствительнѣйшимъ образомъ: я получаю пакетъ на мое имя, узнаю надпись и печать; распечатываю, нахожу Меропу; читаю, восхищаюсь, удивляюсь, и чувствую такую къ вамъ обязанность, какой на свѣтѣ болѣе быть невозможно. Меропа есть наилучшая изъ всѣхъ трагедій, какія только по сіе время находятся. Порядокъ въ ней соблюденъ со всею мудростию; ужасъ умножается при каждомъ явленіи, и матерняя горячность, соравненная съ любовію холодною, меня плѣнила совершенно. Признаюсь вамъ, что гласъ природы для меня кажется безконечно убѣдительнѣе всѣхъ выраженій подлой спраспи. Въ стихахъ всюду блистаетъ благородство, чувствованія изобра-

жены съ достоинствомъ; словомъ: расположе-
 ніе сего сочиненія, изображеніе нравовъ, въ-
 роющіе, развязка — все сдѣлано столь сча-
 стливо и превосходно, что лучше желать не
 оспается. — Вы одни только въ свѣтѣ мо-
 жете сочинять такія творенія, каково есть
 Метропа. Она меня плѣнила, она меня восхи-
 щила, и я не пересталъ бы говорить о ней,
 если бы ваша скромность опъ сего меня не
 удерживала. Хотя и не могу опплатить вамъ
 равнымъ, но не могу не изъяснить вамъ моей
 благодарности. Пожалуйте примите сей пер-
 сень, который къ вамъ препровождаю въ
 знакъ воспоминанія того удовольствія, кото-
 рое мнѣ сія неподобная трагедія доставила.
 Если бы вы и ничего не сдѣлали, кромѣ Ме-
 ропа, то и сего одного сочиненія довольно бы
 для преданія имени вашего вѣкамъ позднѣй-
 шимъ; творенія ваши содѣлали бы двадцать
 великихъ Мужей достойными безсмертныхъ
 славы. Чувствительнѣйше благодарю васъ за
 ваше вниманіе, которое вы мнѣ при всякомъ
 случаѣ показываете. Остаюсь все позади васъ,
 и сожалею, что не могу изобразить вамъ про-
 странства тѣхъ почтительныхъ чувствован-
 ній, съ коими пребываю

Вашъ усерднѣйшій и преданнѣйшій другъ.

Отъ Фридриха II къ Маркизу де Шатлеть.

Огорченія добраго Вольтера чувствительно меня пронули, Государыня моя! Я почитаю друзей моихъ, и все, что касается до нихъ, прогаешь меня сполько, какъ будто бы касалось до самого меня; но не люблю такихъ друзей, которые поступаютъ подобно спокойнымъ Эвменидамъ въ оперѣ, когда друзья ихъ пребываютъ помощи. Я хочу вступить за доспойнаго Вольтера, хотя онъ и не просилъ меня о томъ; для сей причины буду писать съ слѣдующею почтою къ Маркизу Шешарди, и употреблю всѣ мои силы, чтобы возвратить спокойствіе такому чловѣку, который сполько прудился для удовольствія моего.

Вольтеръ долженъ наслаждаться удовольствіемъ, презирая непріятелей своихъ; вошь дѣйствительно все то, что онъ для себя можешь сдѣлать. Онъ весьма уничижилъ бы себя, если бы вступилъ съ ними въ споръ; и его перо слишкомъ благородно, чтобы сражаться прошивъ такого оружія, которое допольнолько имѣетъ силу, пока злость и безуміе подкрѣпляютъ его; почему мнѣ весьма пріятно, что онъ молчать вознамѣрился.

Вы, Государыня моя, наступаете на меня со стороны Физики, и я ни чѣмъ не могу спасшися, кромѣ бѣгства. Въ познаніи Натуры я сдѣлалъ столь малые успѣхи, что буду весьма остерегаться вступать въ споръ съ

вами. Впрочемъ съ охотою уступаю, что въ напурѣ есть много такихъ вещей, которыя опъ насъ сокрыты, и которыя, вѣроятно, навсегда будутъ таинственными.

Безъ дальняго труда я нашелъ бы утѣшеніе, что не знаю скорой силы воздуха, сдѣленія частей и проч., еслибъ имѣлъ счастье узнать васъ лично. И такъ повѣрьте: для меня шѣмъ болѣзненнѣе слышать, что вы будете на предѣлахъ земель родителя моего, что не могу воспользоваться сею близостию. Не знаю, что за отражающая сила устремляетъ меня противъ воли въ Пруссію; но чувствую при томъ, что есть во мнѣ и такая сила, которая направила бы меня совсѣмъ инымъ путемъ. Будьте въ семъ увѣрены, Государыня моя, какъ и въ чувствованіяхъ, съ которыми есмь

Вашъ преданнѣйшій слуга.

47.

Отъ Фридриха II къ Г. д'Аламберту.

Небольшое путешествіе, которое составляло триста Французскихъ миль, не позволяло мнѣ, любезный мой Анаксагоръ, вскорѣ написать вамъ отвѣщствовашь. Я весьма радъ, что вы довольны изображеніемъ Вольперовымъ. Всякой по возможности силъ своихъ спарается предать безсмертію имя его. Хотя фарфоръ самъ по себѣ и не довольно долговѣченъ для того человека, котораго онъ изо-

бражаетъ; но художники наши, воспламененные усердіемъ къ достоинству подлинника, употребили все свое искусство и силы для содѣланія памятни его безсмертною; и я поспѣваю себѣ за честь, что въ Берлинѣ опдали справедливость превосходнѣйшимъ дарованіямъ. Если ты думаешь, любезный мой, что я мечтаю управлять Европою, то весьма ошибаешься. Я живу какъ пустынный миролюбивѣйшій изъ смертныхъ. Воспокъ успокоенъ; Съверъ послѣ жестокой войны опдыхаетъ, и Галлы, сколько мнѣ извѣстно, не имѣютъ никакой причины опасаться возмущеній. Я удивлялся поведенію младшаго вашего Короля, котораго безпокойства, проницательность злыхъ людей возженные, не поколебали, и который не уступилъ зловреднымъ покушеніямъ нѣкоторыхъ хулишелей правленія. Сей опытъ его великодушія содѣлаетъ впредь его царствование благополучнымъ. Люди, склонные къ переменамъ, его испытывали; онъ прошиву ихъ устоялъ, поддержалъ своихъ Министровъ, и съ сихъ поръ никто уже не опважился на шаковыя предпріятія.

Я завожу теперь сто восемьдесятъ училищъ какъ Протестантскихъ, такъ и Капюлическихъ, и почишаю себя Ликургомъ или Солономъ въ разсужденіи сего непросвѣщеннаго народа. Вообрази себѣ, каково это: въ сей несчастной странѣ права собственности неизвѣстны; вмѣсто всѣхъ законовъ, сильнѣй-

шій, не опасаясь наказанія, утѣсняетъ слабаго; но это уже кончилось, и впредь все приедено будетъ въ лучшій порядокъ. Прощай, любезный мой Анаксагоръ! ты сдѣлаешь весьма спасительное дѣло, если вздумаешь когданибудь посѣпить опшельника безпечнаго; однако я тебя не принуждаю. Ты живешь въ такомъ Государствѣ, гдѣ сполько дѣлъ и заботъ, что непремѣнный Секретарь Академіи не все то можетъ дѣлать, чтобы ему хотѣлось.

Фридрихъ.

48.

Отъ Фридриха II къ Г. д'Аламберту.

Послѣ письма, предъ симъ мною къ тебѣ писаннаго, я еще дважды боленъ былъ подагрою. Это нѣсколько жестоко; однако теперь я разбранился съ сею негодною болѣзнію, которая по видимому совсѣмъ меня оставила. Я съ прискорбіемъ извѣстился, что тебя беспокоитъ простуда; но брэнная наша машина вмѣстѣ съ лѣтами ослабѣваетъ, и истощеваясь нечувствительно, готовится ко всецѣлому своему разрушенію. Впрочемъ моя подагра кланяется швоей простудѣ. Я желаю и надѣюсь, что ты скоро отъ нее избавишься.

Прошедшая зима была у насъ жестока. Барометръ въ шѣ дни, въ кои была величайшая стужа, восходилъ до 18 градусовъ, двумя болѣе, нежели 1740 года; но такая стужа про-

должалась только три дня. Какъ хлѣбъ, такъ и плодоносныя деревья отъ сего ни мало не повредились, и въ самую ошпепель, воспослѣдовавшую 20 Февраля, плошины на Рейнѣ, Эльбѣ, Одерѣ и Вислѣ остались невредимы. Впрочемъ болѣзни своей не приписываю немѣренности погоды: когда человѣкъ молодъ, то ни спужа холоднаго, ни зной жаркаго пояса не производить перемѣны въ тѣлѣ крѣпкомъ и здоровомъ. Мнѣ хотѣлось знать, сколько времени желѣзные часы, употребляемые на колокольняхъ, прослужить могутъ. Знаюки меня увѣрили, что это уже много, когда они двадцать лѣтъ прослужатъ. И такъ не достойно ли удивленія, что нашъ родъ, коего органы и тѣло составлены изъ брѣни, сопротивляется долговременнѣе, и живеть впрое и болѣе сихъ часовъ, составленныхъ изъ вещества столь швердаго? Сверхъ того мы страдаемъ, а часы не ощущаютъ никакого болѣзненнаго чувствованія при своемъ поврежденіи; напротивъ того мы наслаждались удовольствіями въ нашей юности, и при самой старости разумные люди все еще находятъ, чѣмъ увеселять себя.

49.

Къ нему же.

Есть у насъ пословица, любезный мой
Аламбертъ: одно несчастіе влетѣтъ за со-

бою другое, и сіе весьма справедливо. Не умѣлъ бы я, можетъ быть, сказать сему достаточной причины; однакожь при всемъ томъ доказываетъ опытъ, что часто сіе случается. Госпожа Жофрень впала въ разслабленіе, и какъ видно изъ примѣствъ, она будетъ чахнущъ до самой зимы, а тогда сдѣлается съ нею ужасной параличъ, который опъ насть ее на всегда похищитъ. Я соболѣзную объ ней опносихельно къ тебѣ и учености, которую она почишала; но ты знаешь, любезный мой д'Алаамберствъ, что она не безсмершна. Если въ точности разобрать дѣло, мертвыхъ оплакивать не слѣдуетъ, а развѣ только друзей, которые ихъ лишаются. Жизнь человѣческая споль многимъ подвержена зоключеніямъ, что сей роковой минуствъ, оканчивающей ихъ спраданія, болѣе должно радоваться, нежели дню рожденія; но обращаться въ семъ случаѣ къ самому себѣ прискорбно по истинѣ. Сердце должно раздираться опъ горести, когда придетъ время распаваться на всегда съ тѣми, кои заслуживали наше почтеніе своею добродѣштелію, довѣренность нашу своею честностию и привязанность не знаю какимъ-то сродствомъ, встрѣчающимся въ нашихъ нравахъ и образѣ мыслей. Я совершенно одного съ тобою въ томъ мнѣніи, что въ наши лѣша не можно уже заводить новую дружбу: надобно ее снискивать въ юности, утверждать привычкою и сохранять взаимнымъ добродушіемъ. Но прошло наше время вступать въ

такіе союзы. Молодые люди не могутъ поступать согласно съ образомъ нашихъ мыслей. Всякое порожденіе имѣетъ свое собственное воспитаніе, и потому надобно держаться своихъ равесниковъ; а когда сіи насъ оставляютъ, то заблаговременно должно приготавливаться за ними послѣдовать. Знаю, что чувствительныя души могутъ быть приведены въ крайнее сокрушеніе потерей друзей своихъ; но сколь также сладкими наслаждаются они при жизни удовольствіями, какія навсегда неизвѣсны пребудутъ жестокимъ сердцамъ и душамъ неживотвореннымъ (хотя сомнѣваюсь, чтобы таковыя существовали)! Но всѣ сіи размышленія, любезный мой д'Аламбертъ, ни сколько не утѣшаютъ. Должно намъ довольствоваться тѣмъ, что отъ насъ зависитъ. Когда приходишь на меня скука, я читаю третью книгу Лукреція, и это облегчаетъ меня. Правда, сіе средство на время только боль унимаетъ; но мы, для уврачеванія душевныхъ скорбей, другихъ пособій не имѣемъ.

50.

Къ нему же.

Я возвратился съ границъ Сармапскихъ, и весьма доволенъ, что добрался до своей хижины. Предоставлю Принцу Сальму и красавцамъ съ красными каблучками разпространять въ свѣтъ шумъ о своихъ именахъ и шалостяхъ. Старость моя ошдаляетъ меня

отъ ихъ сообществъ. Она велишь мнѣ провождать остатки дней моихъ со старыми своими друзьями: съ новыми не споишь и шруда зашѣвать знакомство. Чистая такой приступъ, не подумай пожалуй, что у меня новыя какія нибудь печали: право нѣтъ ничего такого. Но я вижу, что Парки допрядаютъ нить дней моихъ. Ежедневная опытность научишь примѣчашъ постепенное разрушеніе существа нашего. Частицы, вылетающія посредствомъ нечувствительнаго испаренія, различные ущербы нашего тѣла, какъ то: кровопусканія и проч., приучаютъ насъ умирать ежечасно; привыкши же перять части самихъ себя, можно равнодушно взирать на все цѣлое разрушеніе состава нашего; но когда воображеніе угасаетъ, память измѣняетъ, глаза тупѣютъ или вовсе закрываются: тогда большая часть людей, подспрекаемыхъ самолюбіемъ, вопіютъ прошиву времени, похищающаго у нихъ сія собственности, кои почищали они неподверженными поврежденію. Удивленіе, съ коимъ они взирали всегда на мнимыя совершенства свои, раждаетъ въ нихъ посмѣянія достойное прискорбіе о потерѣ нѣкоторыхъ крашкременныхъ существу ихъ принадлежностей; но не помнятъ того, что они были!

Печаль твоя, которую я примѣчаю изъ послѣдняго письма твоего, меня чувствительнѣе прогаѣтъ. Кажется, что ты также ропщешь прошиву сложенія своего и счастья. Мы оба стары и оба близки къ концу пути нашего. Надобно стараться кончить его весело. Если бы мы были безсмертны, то позволивъ было бы намъ сокрушаться о несчастіяхъ; но нишъ жизни нашей коротка, и мы никакъ не должны прилѣпляться къ предметамъ, которые вскорѣ навсегда исчезнутъ изъ глазъ нашихъ. Ты говоришь, любезный мой Анаксагоръ, что не имѣешь той крѣпости и тѣхъ силъ, какія имѣлъ на 17-мъ году; и я также. Это участь стариковъ. Я забываю даже имена друзей своихъ: силы ума моего ослабли, ноги едва бродятъ, глаза худо видятъ, и я имѣю также свои заботы, какъ всѣ прочіе; однакожь весь этотъ соборъ слабостей и печалей не препятствуетъ мнѣ веселиться, и я, кажется, сохраняю веселый свой видъ и тогда, когда погребать меня станутъ. И такъ старайся и ты удалить отъ себя все то, что нарушаетъ спокойствіе жизни. Помни, что жизнь наша не иное что есть, какъ сонъ, который, какъ скоро проходитъ, ничего по себѣ не оставляетъ. Предвижу съ прискорбіемъ, что мнѣ должно опречься удовольствія еще съ тобою видѣться, и что бесѣда наша будетъ состоять

шолько въ помѣ, что чернымъ спанемъ не-
спришь бѣлое. Но это лучше, нежели ничего.
И такъ ты будешь писаць, а я буду шѣмъ
пользоваться.

52.

Отъ Фридриха II къ Иоардану.

Любезный Иоарданъ! мы путешествуемъ
около прехъ недѣль. Здѣсь такъ жарко, какъ
будто бы сидимъ на солнцѣ, и такая пыль,
что облака дѣлають насъ невидимыми для
всѣхъ въпереди идущихъ. При всемъ томъ
мы продолжаемъ путь какъ Ангелы, то есть:
безъ сна и почти безъ вды. Если сіе продол-
жится, то мы всѣ закрубѣемъ, и способности
наши прищупаются, и силы ума испощаются.
Но я теперь въ сравненіяхъ, и весьма не ксшапи
пеку тебя на Гиперборейскихъ лучахъ.

Парочку новоспей. Мы всѣ находимся въ
добромъ здоровьѣ. Король подарилъ мнѣ кон-
ской заводъ, который нынѣ приноситъ ошъ
десяти до двенадцати тысячъ доходу, а чрезъ
нѣсколько лѣтъ можетъ приносить ошъ ше-
стнадцати до осьмнадцати. Я увѣренъ, что
сей подарокъ и для тебя пріятенъ, потому
что и ты получишь часточку; и тогда я увижу
прекраснѣйшихъ моихъ Прусскихъ лошадей въ
библіотекѣ швоей въ книги превращенными.

Прости, любезный Иоарданъ. Не забывай
шѣхъ, которымъ коловрашная и непоспоян-
ная судьба опредѣлила блуждать по странамъ
Часть II.

съ Гиперборейскими сосѣдными народами, и
воздыхашь о пищинѣ и спокойствіи. Почте-
ніе мое мыслящимъ, дѣйствительно мысля-
щимъ Берлинскимъ существамъ.

53.

Отъ Фридриха II къ нему же.

Любезный Іоарданъ! ты премилой человѣкъ
въ свѣтѣ. Каждый день получаю отъ тебя
новыя піесы, — ты присылаешь мнѣ Вольше-
ровы письма, да и самъ пишешь прекрасныя.
Я ничего не могу послать тебѣ за споль хо-
рошія вещи: ибо сія споль въ лошадяхъ изо-
бильная и споль хорошо воздѣлываемая и на-
селенная земля не производить ни единого
мыслящаго существа. Увѣряю тебя, что ежели
пробуду здѣсь долго, то потеряю и послѣдній
человѣческой смыслъ, котораго имѣю нѣ-
сколько. Но, благодаря Бога, зло сіе преду-
преждено! Въ Субботу отпѣвжаю до восхож-
денія дневной планеты, и думаю бытъ во
Впорникъ въ Берлинѣ прежде, нежели земля
во вседневномъ своемъ печеніи потеряетъ
всемирное око изъ виду.

Это въ самомъ дѣлѣ прекрасно, и я по-
спорю съ Госпожею Скудери, какъ и съ Го-
сподами Сарразиномъ, Бальзакомъ и Вуашю-
ромъ, что они въ жизни своей не наслажда-
лись прекраснѣйшимъ Фебомъ. Теперь шу-
жусь надъ предисловіемъ къ Генріадѣ, и на-
дѣюсь, что ты будешь имъ доволенъ. Здѣсь

нашелъ я просторное поле для сплетенія похвалъ; но я пишу только правду и такія истины, которыя принесутъ сочинителю удовольствіе и не оскорбятъ нѣжности публики.

Тебѣ съ Цезаріономъ въ Берлинѣ въ тысячу разъ лучше, нежели мнѣ здѣсь. Я лучше согласился бы умереть, нежели быть въ сихъ мѣстахъ. Не знаю, что такое пресупило мою стихотворческую силу, и не нахожу, согласна ли сія земля съ здравомысліемъ, или взиралъ ли когда на нее богъ стихотворства благосклоннымъ окомъ; но что вещество дѣйствуетъ здѣсь сильно надъ духомъ, сіе чувствую довольно. Въ Субботу полечу отсюда подобно камню, изъ праща брошенному. Прости, любезный Іоарданъ. Я твой слуга, и повергаюсь въ пѣнь твоей учености, подобно горлицѣ, скрывающейся въ дуплѣ дерева для избѣжанія сильной бури и смертоносныхъ когтей хищнаго ястреба.

54.

Къ нему же.

Пишу къ тебѣ изъ лагеря, гдѣ окружающая опасность приводитъ въ искушеніе мужество наше. Куда тысячи пигмеевъ Марсовой службы, иначе гусарами именуемыхъ, подѣзжаютъ по двадцати разъ въ день для пожеланія намъ доброй ночи, откуда морширы и бойни производятъ адское пламя на Бригъ,

въ семъ лагерѣ спраха, гдѣ все угрожаетъ смертію, живемъ мы въ мирѣ и спокойствіи. Не все, что блещишь, есть золото.

Ты видишь, Государь мой, изъ всего хорошаго, о чемъ имѣю честь писать къ тебѣ, сколь много можешь дѣйствовать робость. Я ласкался доселѣ, но безъ причины, что ты оживишь меня нѣкоторымъ явленіемъ; но мы столько опстоимъ опъ опасностей, что я сомнѣваюсь, получу ли тебя такъ скоро. Сказываютъ, будто твоя послѣдняя поѣздка причинила тебѣ столь великіе припадки, что Бреславскіе врачи принуждены были употребить всевозможныя крѣпительныя для прекращенія тѣхъ дѣйствій, какія великая осторожность твоя произвела надъ сложеніемъ твоимъ.

Ты знаешь уже, что Бригъ сдался; мы нашли его кругомъ обоего рода окопами обнесеннымъ. — Радуйся, что ты счастливо избѣгъ главнаго штурма; иначе тыбъ уѣхалъ, можешь быть, въ рай на бомбѣ. Ахъ, бѣдный Іоарданъ! что сказала бы тогда библіотека твоя, прекрасный Горацій, Маргонъ де ла Блоннъ, и проч.?

Чтобъ не отвлечь тебя отъ прилѣжнаго ученія, я кончу сіе письмо, которое, можешь быть, кажешь тебѣ длиннымъ, и увѣряю, что впредь буду по болѣе вычернивать. Будь увѣренъ, что, не смотря на сіи малые упреки, какіе теперь тебѣ сдѣлалъ, я почитаю тебя въ моемъ лагерѣ столько, сколько возможно

въ Поршикѣ и Лицеѣ, и моя милость при
достоинствахъ друга не думаетъ о недоспа-
нкахъ труса. Прощай.

55.

Отъ Фридриха II къ нему же.

Любезный Тоарданъ! ты думаешь, что мы
уже въ сраженіи, о которомъ не благоволишь
твое мужество? Ты думаешь, что наше хра-
брое войско, будучи разпалено чрезмѣрною
яростію, разсѣиваетъ всюду по симъ полямъ
всадниковъ и гусаровъ? Такъ! шакъ, господинъ
Философъ! Удобнѣе сдѣлать сто догадокъ,
прежде нежели получишь малое преимущество
надъ однимъ бдительнымъ непріателемъ. По-
дожди, когда солнце возведешь для насъ пре-
красную зарю, и когда луна будетъ благо-
склонна. Кормчій ожидаетъ всегда благопріят-
ной минушы для сянтія якоря, и безопасную
приспаны оспавляетъ тогда, когда Эоль на-
дуваетъ паруса.

Такой благопріятной минушы ожидаемъ
и мы для счастливаго совершенія своего дѣла.
Наши приготовленія не сдѣлаютъ больше про-
маха, и думаю, что мнѣ не меньшею будушь
обязаны благодарностію, хотя пущусь и на
вѣрную игру.

Мы имѣемъ здѣсь прекрасный видъ. Си-
лезія представляетъ плѣнительнѣйшій ланд-
шафтъ; мужественное и многочисленное вой-

ско, которое споишь въ ней, служишь ей не малымъ украшеніемъ.

Проси, другъ мой, Іоарданъ! Поклонись отъ меня Философіи, и скажи ей, что увижусь съ нею на зимней кварширѣ. Увѣрь и изящныя науки, что я имъ назначаю шамъ мѣсто свиданія. Ежели я пресѣкъ обращеніе мое съ ними на нѣкоторое время, то пресѣкъ не навсегда, а только для того, чтобы по окончаніи похода возобновишь оное съ большимъ вкусомъ и удовольствіемъ.

Вашего правосудія, вашей учености, Философіи, а особливо похвальнаго обхожденія, есмь и буду

великой другъ и обожатель.

56.

Отъ Фридриха II къ нему же.

Любезный Іоарданъ! что мнѣ описать къ тебѣ отсюда? Новостей нѣтъ. Мы въ дорогѣ, идемъ блокировать Бриннъ; въ Гедингенъ взяли при сна человѣкъ въ плѣнъ, а возьмемъ и больше, и будемъ продолжать войну съ большимъ прежняго жаромъ. Суди теперь самъ, буду ли я въ Берлинъ и близокъ ли миръ? Сей годъ, думается мнѣ, окажется большія происшествія, нежели прошедшій. Дѣла запусываются часъ отъ часу болѣе. Думаю, что человѣческая мудрость совершенно не въ состояніи судить о нихъ основательно при столь крипическомъ положеніи. Время сни-

мешъ завѣсу, копорою покрышы шеперь про-
исшеспія, и тогда откроюшся новыя явленія.
Въ Вѣнѣ видѣли комету, и всѣ говорятъ тамъ,
что она предзнаменуетъ счастье. Я же съ
моей стороны не вѣрю тому, и думаю, что
гороскопы надобно устремлять не на небо, но
на землю. О предпріятіяхъ и успѣхахъ судить
не иначе можно, какъ только по хорошимъ и
счастливымъ мѣрамъ, изъ здраваго разсуж-
денія почерпнушымъ, и по скорой и прилич-
ной рѣшимости.

Будь здоровъ, любезный Іоарданъ. Кажется,
я замучилъ тебя болшовствомъ моимъ, но не
дружесствомъ и почтеніемъ. Прощай.

57.

Отъ Фридриха II къ нему же.

Фридрихъ Іоардану здравія желаетъ. Наши
проклятые Французы поршятъ все, что я
привожу въ порядокъ. Императоръ и Король
Французскій избрали добрыхъ воронъ для
войны въ Баваріи. Они даютъ Кевенгуллеру
переходить чрезъ Дунай при своихъ глазахъ.
Не можно перечесъ всѣхъ погрѣшностей,
какія они сдѣлали. Чтожъ выйдетъ изъ сего?
То, что все бремя войны упадетъ на меня.
Изрядное утѣшеніе дѣлать завоеванія для дру-
гихъ! Принцъ Карлъ пошелъ къ Молдавіи для
нападенія на Фельдмаршала фонъ Броглю, ко-
торый стоить при Фрауенбергѣ. Вель-Иль въ
Дрезденѣ, а Саксонцы на своихъ границахъ.

Какая пуганница! Вотъ критическое время сего года! Черезъ двѣ недѣли явленіе сіе объяснится.

Увѣдомь меня, что говорятъ о послѣднемъ сраженіи. Гремятъ ли оно, принимаетъ ли народъ участіе въ немъ, вѣрятъ ли, что армія моя въ состояніи побивать непріятелей, и приписываютъ ли мнѣ знанія въ военномъ искусствѣ? словомъ, увѣдомь меня обо всемъ, что касается до сего предмета.

Богъ знаетъ, когда мнѣ можно будетъ бесѣдовать съ тобою въ очаровательномъ уединеніи, и говорить разумно, удалясь вихрей и суешности большаго свѣта. Опасаюсь, чтобы сіе желанное время не далѣе отсрочало, нежели какъ думаю; а между тѣмъ я читаю и думаю много. Можешь быть ты найдешь меня умнѣе прежняго; но лучше ли? и самъ не знаю.

Поклонись опъ меня другу моему, копорый боленъ и сердцемъ и тѣломъ. Скажи Польницу, что не отвѣчаю ему для того, что дѣлъ много; но письма его пріятны, и онъ не худо сдѣлаетъ, ежели будетъ писать ко мнѣ чаще.

Прости, любезный Іоарданъ. О почтеніи, дружествѣ и о всѣхъ чувствованіяхъ преданнѣйшаго слуги твоего не говорю ничего.

58.

Отъ Фридриха II къ нему же.

Фридрихъ Іоардану здравія желаетъ. Наконецъ настала минута нашего отъѣзда въ

Богемію, въ которой наши Офицеры комплексовали команды свои и кошельки, въ которой мы били Авспрійцевъ, и изъ которой выгнали бы ихъ, еслибъ сохраненіе Прусской крови не предпочиталъ щещіной славѣ низпровергнувъ несчастную госпожу и разоренную землю. Съ сими благополучными предзнаменованіями возвращусь въ мое опечесство, гдѣ ничто больше не прерветъ продолженія народнаго мира и спокойствія, кромѣ наглости и насилія моихъ сосѣдовъ. Я чувствительнѣе къ одобренію, какое ты приписываешь моему поведенію, и надѣюсь, что вѣтреная, легкомысленная и безразсудная чернь начнетъ имѣть по крайней мѣрѣ хотя нѣкоторую довѣренность ко мнѣ, и не будетъ почищать пакъ глупымъ, какъ почищала сначала.

Изъ осьмидневнаго пруда не можно судить о способностяхъ человѣка, а особливо въ дѣлахъ. Публика не знаетъ пружинъ ихъ; она обо всемъ имѣетъ грубыя понятія и ослѣпляется предразсудками. Она вѣритъ неосновательнымъ городскимъ слухамъ, и на сихъ споль бездѣльныхъ понятіяхъ созидаетъ систему, и думаетъ, что правленіе дѣлаетъ весьма худо, когда не слѣдуетъ ей. Но ежели сравнишь ложные поступки, какіе учинилъ бы полищикъ, слѣдуя слѣпо совѣтамъ ея, съ разными оборошами управляющихъ дѣлами; то увидѣли бы, что первой дѣлаетъ преглупыя ошибки, а вторые слѣдуютъ разумной и

связной системою. Но какъ большая часть людей неразумны, что и невозможно, чтобы они судили хорошо о поведеніи ихъ, коихъ ни намѣренія, ни средства имъ не извѣстны.

Жалко, что дѣйствія штатскихъ людей подвержены суду великаго множества такихъ цѣнителей, которые столько же мало могутъ судить, сколько оныя рѣшительные люди, коихъ праздность и злословіе дѣлаютъ политиками. Но сіи досады весьма маловажны для человека, посвятившаго себя Государственной службѣ. Ты жалуешься на заботы, имѣя подъ своимъ смотрѣніемъ около двадцати нищихъ; а я предводительствую и кормлю миллионы, но не жалею. Ты лѣнивъ, и теперь только примѣшилъ, что удобнее управлять Парнасскими дѣлами, нежели общими.

Противъ сего нравоученія я не могу сказать ничего. Однако прими увѣренія мои въ искреннемъ почтеніи и во всѣхъ ихъ чувствованіяхъ, съ которыми есмь и буду

Фридрихъ.

59.

Отъ Принцессы Гонзагъ къ ея пріятельницѣ.

Твое письмо неслыханно меня пронуло: въ немъ видна вся душа твоя; она сама перомъ твоимъ водила. Такъ, милая! она одна умѣетъ шакъ истинно выражать чувства; умъ можешь украшать ихъ словами, но слова всегда холодны. Изъявленіе твоей радости о моемъ

бракъ такъ живо представляеть мнѣ движенія моего сердца, что я, читая, мысленно на себя смотрѣла, мысленно себя слушала. Сія пріятная мечта дружбы сближаетъ насъ вопреки разстоянію. Сколько разъ брала я перо прежде моего отъѣзда! какъ много хотѣла тебѣ сказать! Но приближеніе той минуты, которая должна была рѣшить мою судьбу, такъ волновало душу мою, что я ничего не могла дѣлать — только чувствовала. Живыя впечатлѣнія радости восхищаютъ душу за предѣлы счастья.

Обрядъ нашего бракосочетанія совершился съ прогашельною важностію. Авиньйонскій Архіепископъ далъ намъ брачное благословеніе въ церкви своей, украшенной цвѣтами, подобно храму Гименея. Но въ эту самую минуту залилась я слезами, живо почувствовавъ потерю нѣжнѣйшаго отца, лучшаго изъ людей. Всѣ раны души моей раскрылись; казалось, что я снова потеряла его. Сердце мое просило, искало его; я смѣшивала его имя съ именемъ моего супруга. Какое положеніе! Не было ли оно печальнымъ предчувствіемъ? Въ самомъ счастьи одна горечь занимала мою душу.

Черезъ часъ послѣ церемоніи мы поѣхали; свадебнымъ нашимъ пиршествомъ былъ сельской обѣдъ, дорогою, въ чистомъ полѣ, на пріятномъ лугу, гдѣ пріятные ручейки извивались. Пшеницы, цвѣшны, зефиры, прелестной

видъ природы — все, казалось, праздновало нашъ бракъ. Наше путешествованіе было довольно счастливо до самыхъ Альпійскихъ горъ; но путь овладѣлъ нами ужасъ. Пошребны очень живыя краски, чѣмъ изобразить сіи дикія мѣста, гдѣ необразованная природа едва выходитъ изъ хаоса.

Мы шли по слѣдамъ Аннибала. Если тогда Альпійскія горы не были присупнѣе, то жаль мнѣ Карфагенскаго полководца, его арміи и слоновъ. Чѣмъ дѣлать путь величайшему изъ Героевъ, и самому Аннибалу? Подобныя трудности не такъ легко побѣдишь, какъ людей и государствъ. Лукавство и хитрость должны опасаться здѣсь безъ всякаго дѣйствія.

Вообрази, другъ мой, цѣпь горъ, простершихся подлѣ моря на 160 миль; вершина ихъ въ облакахъ перьяется. Однѣ безплодны, голы и усѣяны скалами; другія, увѣнчанныя густымъ лѣсомъ, пересѣкаются глубокими долинами. Смотри, какъ мы въ носилкахъ взбираемся на сіи страшныя горы пропинами излучистыми. Съ одной стороны пропасть, съ другой грозная стихія, яростнымъ ревомъ зовущая къ себѣ ужасную смерть. Иногда были мы на верху горъ посреди облаковъ, иногда въ безднахъ; вездѣ пропасти, спремнины; только бури не доспавало въ нашемъ странствіи. На другой день небо стало сумрачно; черныя облака предвѣщали грозу. На вершинѣ горы было еще свѣтло; мы видѣли, какъ буря сосставля-

лась подъ нашими ногами. Солнце еще свѣсило, но казалось блѣдно и печальнѣе мглы, — попомъ совсѣмъ зашмилось. Облака расшворились, вѣспры завыли, и дождь въ попопъ превратился; градъ сыпался, молнія блиспала надъ головами нашими; громъ глухо раздавался по долинамъ. Мы почти не знали, куда шли при сверканіи молніи, на краю пропащей, всходя и спускаясь по огромнымъ скаламъ. Наши носильщики, изъ кошорыхъ каждаго поддержи-вали двое другихъ, иногда прыгали съ камня на камень, иногда съ трудомъ передвигали ноги, — и носилки наши, казалось, висѣли на воздухѣ между спрашными пропащами и моремъ, кипѣвшимъ въ безднахъ. Я прешала на каждомъ шагу; не смерти боялась — нѣтъ! никогда я такъ живо не чувспвовала, что въ опасности присущствіе милыхъ людей опдѣ-ляеиъ насъ опъ самихъ себя: одинъ супругъ мой былъ у меня передъ глазами.

Дикая природа видна тамъ во всей суровости своей; тамъ нѣтъ слѣда челоѣческаго, хоия подъ ногами города и деревни. Съ трудомъ можно найти убѣжище опъ грозы или во время ночи. Первыя двѣ провели мы въ пашушей хижинѣ; на прешій день увидѣли маленькой домикъ у подошвы горъ, и сошли къ нему. Можно ли было ожидать привѣшли-вости въ поль дикихъ мѣстахъ? Лишь только мы расположились опдыхаиъ, добрые люди изъ сосѣдняго города явились предложииъ намъ всѣ услуги спраннопріимства, съ такою учии-

востію, копорая происходишь отъ челоѣколюбія, отъ добраго сердца, и потому всегда душѣ пріятна. И шакъ мы провели два дни въ Онегліи, городкѣ, принадлежащемъ Генуезской республикѣ, гдѣ, какъ нельзя лучше, угощили насъ.

Пріятность и плодородіе, видимыя у подошвы сихъ горъ, составляющъ прекрасную и удивительную противоположность съ суровостію и безплодіемъ ихъ вершинъ. Померанцевые лѣса; холмики, увѣнчанные оливковыми деревьями; долины, покрытыя благовонными травами и кустарниками; блистательные цвѣты, копорыми украшена земля и благоухаетъ воздухъ; города и деревни, поселенныя или въ долинахъ, или на холмахъ, или на равнинѣ по берегу моря; красота, великолѣпіе сей каршины, копорая продолжается отъ Нисы до Генуи, достойны самой природы столь милой и щедрой въ мѣстахъ, гдѣ вѣчная весна царствуетъ.

По крупнымъ тропинкамъ добрались мы до Савоны, гдѣ ненастливое время задержало насъ. Въ ожиданіи ясной погоды обходила я церкви. Въ одной замѣтила каршину, дающую понятіе о вкусѣ новѣйшихъ Испаліанцевъ. На ней изображены Адамъ и Евва въ томъ райскомъ саду, гдѣ Богъ сотворилъ ихъ; шущъ дерево съ плодомъ, искусившамъ Евву своею красотою, и змій, уговаривающій ее съ весьма ласковымъ видомъ. Они безъ сомнѣнія еще невинны, потому что на нихъ нѣтъ плащя, грѣхомъ вы-

мышленнаго. Невинность вездѣ хороша, особливо во храмѣ. Но на сей разъ лучше бы изобразишь ихъ виновными; по крайней мѣрѣ это было бы приспойнѣ. Сладоспращіе и суевѣріе — вотъ девизъ Ишпаліянцевъ!

Гроза утихла, облака разнеслись, ивилось солнце: намъ можно было опсправиться въ пушъ. Наконецъ въ Сеспри сѣли мы въ карету, оставивъ носилки, эпошъ несносный экипажъ, который упоминаешь, а не покоишъ челоуѣка. Я согласилась бы лучше иди пѣшкомъ, нежели пряспись по дорогѣ, окруженной спремнинами. Идучи, я только успала бы, а не имѣла въ глазахъ горестной картины людей, служащихъ вмѣсто скошоевъ.

Прости. Обнимаю тебя отъ всего сердца.

Гонзагб.

60.

*Отъ Англійской Королевы Елисаветы къ
Адмиралу Геварду.*

Господинъ Адмиралъ!

Извѣстіе, полученное нами отъ Генераловъ нашихъ о происшедшемъ въ предпріятной противъ Гишпанскихъ береговъ экспедиціи, имѣвшей шоль благополучные успѣхи, произвело въ насъ радость для многихъ причинъ; особливо пошому, что намъ донесено, что нарочитая часть сей преславной побѣды, одержанной нами надъ Гишпанцами, принадлежишъ

вашей храбрости, благоразумнымъ поступкамъ, искусству и шрудолюбію вашему, такъ какъ и прилѣжності прочихъ вашихъ доброжелателей, сражавшихся подъ вашимъ руководствомъ; и вы изъявили въ семъ случаѣ шолікую мудрость, что приобрѣли себѣ почтеніе опъ всего нашего народа и великую славу во всемъ свѣшѣ. Все сіе преисполнило сердце наше веселіемъ; и мы за благо разсудили засвидѣтельствовать вамъ своєю благодарностью, ощущаемую нами за шоль великія оказанныя вами услуги. Не имѣя къ сему шеперь инаго случая, посредствомъ котораго можно бы оную изъявить, кромѣ письма нашего, приспущаемъ къ сему охотно: ибо вы изъ него увидите, въ какомъ почтеніи вы у насъ обрѣтаешесь, въ ожиданіи шого, какъ мы можемъ сіе доказать на самомъ дѣлѣ. Но мы не знаемъ, съ чего начать, дабы изъяснить чувство сердца нашего, ощущающаго великія ваши достоинства. Не токмо мы, но даже и чужестранные народы знаютъ, что ревность и посшшность, съ которыми Шшашы засвидѣтельствовали оное участіе въ предпріятіи, имѣющемъ по себѣ шоль важныя для насъ слѣдствія, не позволяющъ намъ сомнѣваться, что доброжелательство, изъявленное нами Соединеннымъ Провинціямъ, и услуги, полученные ими опъ насъ, употреблены не вопще. Впрочемъ мужество ваше, великодушіе, искусство, оказанныя вами въ сей экспедиціи, и рѣдкое благоразуміе въ поступкахъ, ясно изъ-

являющъ, что вы и весь народъ вашъ доспойны почтенія и мужества всѣхъ Государей, которые охотно помогли бы вамъ противъ непріятелей, желающихъ утѣснить васъ. Но благодареніе и дружба, засвидѣтельствованныя вами къ сроднику нашему Графу Эссексу, вѣжливости и ласки, употребленныя къ нему отъ васъ съ самаго его въ сію землю возвращенія, и помощь, данная ему вами тогда, когда буря охватила корабль его отъ флота, въ ночную пору и во время очевидной гибели, когда вы спасли его благоразумнымъ вашимъ распоряженіемъ, и препроводили благополучно даже до самаго порта въ Плимутъ — довольно доказывающъ великодушіе ваше и твердость въ величайшихъ опасностяхъ, такъ какъ и совершенную принципиальность, всегда предупреждавшую несчастія, въ которыя сей Графъ безъ васъ неминуемо впалъ бы, и которыя лишили бы насъ славы столь великія побѣды. Благодарность, которую мы чувствуемъ за всѣ сіи услуги, весьма увеличиваетъ обязанность нашу къ вамъ, и столь сильно объемлетъ душу нашу, что мы не могли уже больше медлить, чтобъ не засвидѣтельствовать вамъ того чрезъ сіе письмо, которое просимъ васъ сообщить всѣмъ нашимъ доброжелателямъ, служившимъ подъ руководствомъ вашимъ, и обнадежить ихъ именемъ нашимъ, что когда мы изъявили уже дружество къ вашему опечесиву въ крайнѣйшихъ его нуждахъ, то нынѣ мы склонны болѣе

прежняго къ изъявленію нашего почтенія вашему народу, шолікимъ мужествомъ и храбростію ознаменованному, и наконецъ мы ощущаемъ въ себѣ къ Соединеннымъ Провинціямъ такую чувствительность, какую только Государыня имѣть можетъ; съ чѣмъ навсегда и пребываю вамъ доброжелательствующая

Елисавета.

61.

Отъ Французскаго Императора Наполеона Бонапарте, бывшаго первымъ Консуломъ Французской Республики, къ Англійскому Королю Георгу III.

Призванный желаніемъ Французской націи занять первое мѣсто въ Республикѣ Французской, я почишаю нужнымъ, вступивъ въ исполненіе должности моей, обратиться прямо къ Вашему Величеству. Война, опустошающая уже болѣе чешырехъ лѣтъ всѣ части свѣта, неужели должна быть вѣчною? Какъ могутъ двѣ самыя просвѣщеннѣйшія націи въ Европѣ, имѣющія болѣе могущества и силы, нежели сколько пребуешь ихъ безопасность и независимость, приносить въ жертву мнѣнію суешнаго величія благо, соединяющее въ себѣ внутреннее благоденствіе и счастье семействъ! Неужели не чувствуютъ онѣ, что миръ равно славенъ, какъ и нуженъ? Сіи ощущенія не могутъ быть чужды сердцу Вашего Величества, владѣющаго вольною націею съ тѣмъ только,

чтобъ содѣлать ее счастливою. Ваше Величество усмотрите изъ сего признанія, что истинное мое желаніе состоятъ въ томъ, чтобъ споспѣшествовать всѣми силами къ возстановленію общей пишины, и чрезъ то избѣгнуть тѣхъ обрядовъ, которые нужны, можетъ быть, для сокрытія зависимости слабыхъ Государствъ, но въ сильныхъ не иное что показываютъ, какъ взаимное желаніе обманывать другъ друга. Франція и Англія, обманываясь въ своихъ силахъ, могутъ долго еще къ несчастію всѣхъ націй, удерживать мину своего совершеннаго истощенія: однакожъ, смѣю сказать, участь всѣхъ просвященныхъ націй соединена съ окончаніемъ войны, запущивающей цѣлый свѣтъ.

Наполеонъ Бонапарте.

62.

Отъ Г. Вольтера къ Польскому Королю Станиславу.

Я всегда долженъ только благодарить Ваше Величество. Я узналъ Васъ по однимъ благошвореніямъ, которыми пріобрѣли Вы прекрасное свое пишло. Вы просвѣщаете, украшаете и облегчаете свѣтъ, подаете правила и примѣры. Я старался пользоваться издали тѣми и другими, сколько могъ. Надобно, чтобы каждый въ хижинѣ своей дѣлалъ соразмѣрно столько добра, сколько Ваше Величество дѣлаете въ обласняхъ своихъ: Вы воздвигли

*

прекрасныя Королевскія церкви; я спрою деревенскія. *Диогенъ* капалъ бочку свою, когда Аѳиняне строили флоты. Если Вы помогаете многимъ несчастнымъ, то мы, малые люди, должны помогать хотя немногимъ. Обязанность Государей и частныхъ людей состоятъ въ томъ, чтобы каждый въ своемъ состояніи дѣлалъ добро, какое только можетъ. Последняя книга Вашего Величества, присланная мнѣ отъ Васъ чрезъ любезнаго брата *Менца*, есть новая услуга, которую Ваше Величество дѣлаете роду человѣческому. Если когда нибудь будетъ какой безбожникъ въ свѣтѣ (чего я не думаю), то Ваша книга постигнетъ ужасное невѣжество этого человѣка. Философы нашего вѣка къ счастію предупредили спаранія Вашего Величества: Вы благословляете Бога — безъ сомнѣнія за то, что послѣ *Декарта* и *Ньютона* нѣтъ ни одного безбожника въ Европѣ. Ваше Величество удивительнымъ образомъ опровергаете мнѣніе ихъ, которые некогда думали, что одинъ случай могъ способствовать образованію сего міра. Безъ сомнѣнія Вы чувствуете чрезвычайное удовольствіе отъ увѣренности, что нѣтъ ни одного философа нашихъ временъ, который бы не почивалъ случай словомъ безсмысленнымъ. Чѣмъ болѣе дѣлаютъ успѣховъ въ Физикѣ, тѣмъ болѣе признаемъ повсюду десницу Всемогущаго. Продолжайте, Всемилостивѣйшій Государь, помогать своею властію и краснорѣчіемъ; продолжайте показывать свѣту, что

люди могутъ быть счастливы только тогда, когда философы будутъ ихъ Государями, а Государи будутъ имѣть многихъ философовъ въ своихъ подданныхъ. Ободрайте Вашимъ могущественнымъ гласомъ шѣхъ гражданъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ и разговорахъ участь только любви къ Богу, Монарху, отечеству; постыдите сихъ безразсудныхъ людей, преданныхъ мятежу — шѣхъ, которые начинаютъ обвинять въ безбожии всякаго, кто только не ихъ мнѣнія о нѣкоторыхъ вещахъ.

Съ нѣжнѣйшею и почтипшельнѣйшею признательностію буду всегда помнить, Всемиловитѣйшій Государь, о шѣхъ счастливыхъ дняхъ, которые провелъ я въ чертогахъ Вашихъ; буду помнить, что Вы были удовольствіемъ обществу, между шѣмъ какъ дѣлали счастливыми своихъ подданныхъ, и что если почитаютъ за счастье только зависѣть отъ Васъ, то всякой почтетъ величайшимъ счастьемъ къ Вамъ приближаться.

Желаю, чтобы жизнь Вашего Величества, полезная свѣту, простерлась за предѣлы обыкновенные. Орепѣ-Зебѣ и Мулей Измаилѣ жили болѣе ста пяти лѣтъ. Если Богъ даруетъ шоль продолжительную жизнь Государямъ невѣрнымъ, то чего не сдѣлаетъ Онъ для Станислава благодѣтельнаго?

Отъ Принца де Линя къ Маркизѣ К. . . .

Любезная Маркиза!

Я въ Москвѣ. Этошъ городъ, дающій понятіе по нѣкоторымъ отношеніямъ о Испани, похожъ на чепыре и и пашъ сошъ замковъ знасныхъ господъ, сѣзжающихся въ нихъ изъ деревень для общежитія. Загляните въ географическія карты, словари и путешествія обо всемъ, касающемся до Москвы, и скажите, правду ли я вамъ сказалъ; однакожъ вы нигдѣ не найдете того, что знашнѣйшія Особы въ Государствѣ, накучивъ Дворомъ, приѣзжаютъ сюда за тѣмъ, чшобы свободно жить и говорить. Императрица почти не знаетъ, да и не хочешъ знать объ нихъ; она не любитъ блюстителей наружнаго благоустройства, исполненныхъ внутренняго коварства. „Чшо вы думаете объ этихъ господахъ?“ спросила она у меня. Я отвѣчалъ Ей, глядя на прехъ или чепырехъ пресстарѣлыхъ Камергеровъ, Генералъ - Аншефовъ и прочихъ: о! Ваше Величество! это самыя почтенныя руины. — „Они не очень любятъ меня, сказала Императрица: я не нравлюсь имъ, быть можешъ, и пошому, чшо я виновата передъ нѣкоторыми изъ нихъ, или чшо они не правы передо мною.“

Императрица перемѣнилась въ образѣ своего обращенія; къ шому же и Цесарь оставлъ насъ. Пріятная мечта исчезла, и насту-

пила печальная сущесшвенность. А. Орловъ осмѣлился донести Ея Императорскому Величеству, что въ нѣкоторыхъ Губерніяхъ началъ появляться голодъ. Немедленно всѣ пиршества прекращаются; обозы съ хлѣбомъ заступаютъ мѣсто барокъ, нагруженныхъ апельсинами. Легкое облако внезапно помрачило ясность и спокойствіе, блиставшее на челѣ Великой Екатерины. Она удалилась въ кабинетъ съ двумя своими Министрами, и прежняя улыбка блеснула на устахъ Ея тогда уже, какъ спала опять садиться въ карету.

Если бы вы узнали здѣшняго Архіепископа, то чрезвычайно бы его полюбили, а онъ васъ. Его зовутъ *Платономъ*, но гораздо превосходнѣйшимъ того, котораго нѣкогда называли *божественнымъ*. Доказательствомъ, что онъ Платонъ земной, послужило мнѣ то, что когда онъ выходилъ изъ своего саду, а Княжна Голицына подошла къ нему просить благословенія, то сорвалъ розу, и съ нею благословилъ ее.

Когда бы я былъ Рошфуко или Альбанъ, то спалъ бы практовать съ вами о земледѣліи и государственныхъ доходахъ; но не имѣя чести быть ни тѣмъ, ни другимъ, не нахожу себя къ тому способнымъ. Правда, я довольно трудился надъ государственными доходами, пошому что вѣрно сдѣлалъ страшный убытокъ казнѣ въ разсужденіи стерлядей богатой Волги, Астраханскихъ плодовъ, Кіевскихъ винъ и вареньевъ.

Мнѣ кажется, что я или завтра, или послѣ завтра увижу васъ. Проѣхавъ болѣе 1800 верстъ, осталось не болѣе 1200 до того мѣста, гдѣ могу найши васъ. Теперь скоро надѣюсь увидѣшь любезную Маркизу, или пишу къ ней изъ Константинополя, если обстоятельства не перемѣнятся. Но я ничего не говорю вамъ о сердцѣ своемъ. Ваше служить ему долѣе; билетъ взять, по чему знать? Но хотя бы и не былъ взять, то развѣ случай не можешь доставить мнѣ выигрышнаго? Не правда ли, что я начинаю уже бредить излишнія нѣжности? Однако это не прилично ни мнѣ, ни вамъ; это уже похоже на романическую спрану, въ которой мы оба легко заблудимся. Она была бы прелестна, еслибъ мы были въ ней вмѣстѣ. Лучше бытъ Татариномъ, нежели варваромъ, коимъ вы часно бываете для толпы, васъ окружающей. Я вездѣ люблю спранническое препровожденіе времени, обожая прелестную Маркизу, однакожь съ тѣмъ, чтобъ вездѣ бытъ свободнымъ: бытъ Австрійцемъ во Франціи, Французомъ въ Австріи, тѣмъ и другимъ въ Россіи — единственное средство вездѣ нравиться, и бытъ нигдѣ независимымъ.

Наступаетъ минута, въ которую мы должны расстаться съ очарованіемъ для испины и съ Востокомъ для Сѣвера. Но сердце мое всегда будетъ для васъ находиться на Югѣ. Каково вамъ кажется это острое выра-

женіе? Не согласишесь ли вы по крайней мѣрѣ, что оно имѣетъ много проспошы и напуральности?

Москва. 1787.

де Линь.

64.

Отъ Лорда Нельсона къ супругѣ его.

Дражайшая Фанни!

Происшедшаго съ кораблемъ Вангвардомъ не могу я назвать проспымъ словомъ: *слугай*. Вмѣсто того твердо я вѣрю, что благость Всемогущаго симъ способомъ хопѣла предпоспавишь предѣлъ моей высоконапряженной суешности, и съ покорностію лобызаю жезлъ сей. Уповаю, что чрезъ то сдѣлаюсь лучшимъ Офицеромъ, подобно какъ ощущаю, что спалъ я чрезъ то лучшимъ человѣкомъ. Представъ себѣ, что въ Воскресенье ввечеру при захожденіи солнечномъ, суешной человѣкъ ходилъ въ своей каютѣ взадъ и впередъ; онъ имѣлъ вокругъ себя всю эскадру, которая обращала вниманіе на своего предводителя, кошорымъ желала ко славѣ направляема бытъ, и къ кошорому имѣла твердую довѣренность. Гордая Французская эскарда, въ равномъ числѣ судовъ соспоющаяся, опустила бы предъ нимъ паруса, и доставила бы изъ себя богашую добычу. — Подумай далѣе! въ Понедѣльникъ поушру, при солнечномъ восхожденіи, у сего гордаго, надменнаго человѣка корабль лишился

мачтъ, весь флотъ его былъ разсѣянъ, и самъ онъ пришелъ въ такое состояніе, что и малый Французской корабль былъ бы для него явленіе непріятное. — Но Всемогущему благоудно было привести насъ въ безопасную пристань, откуда — хотя и отказали намъ во всемъ помъ, на что человекъ имѣетъ право — Вангвардъ чрезъ три дни вышелъ въ море опять военнымъ Англійскимъ кораблемъ.

Нельсонъ и Бронтъ.

65.

Отъ Лорда Нельсона къ своимъ Адмираламъ, Капитанамъ, Офицерамъ и солдатамъ.

Лордъ Нельсонъ по причинѣ дѣйствительно худаго состоянія своего здоровья принужденъ, оставя флотъ, возвратиться въ Англію. Не можешь однако сего сдѣлать, не сказавъ предварительно Адмираламъ, Капитанамъ, Офицерамъ и солдатамъ, сколь искренне признаетъ онъ всю ту любовь, кою они имѣли къ нему, и сколько онъ глубоко ею проникнутъ. Не можешь онъ обойтись, чтобы громогласно не восхвалилъ того, сколь славно и исполненно чести они его въ часъ сраженія подкрѣпляли, и честь своего Короля и опечества утвердили. Даже Лордъ Нельсонъ твердо увѣренъ, что они сдѣлали бы еще больше, и опечеству своему приобрѣли бы величайшую славу, когда бы больше представилось къ тому случаевъ. — Вице-Адмиралъ обнадеживаетъ ихъ, что онъ

возвѣстишъ всему Адмиралтейству о ихъ образцовомъ и достойномъ похвалы поведеніи. Если по волѣ Божіей Адмиралъ опять получитъ возстановленіе своего здоровья: то будешь гордиться тѣмъ, что вторично вступишъ съ ними на путь чести и славы, и можешь имъ способствовать въ томъ, чтобъ имя нашего Короля содѣлать у всего свѣта любезнымъ и уважаемымъ.

Нельсонъ и Бронтъ.

66.

Отъ Вольтера къ Г-ну Даліону, находившемуся въ С. Петербургѣ, въ качествѣ Министра отъ Французскаго Двора.

Милосливый Государь!

Покорнѣйше прошу васъ поднести Ея Императорскому Величеству, Россійской Монархинѣ, мою Генріаду, и обратить Ея вниманіе на приписку, которая находится при книгѣ на первой страницѣ.

Это еще не все, Милосливый Государь! надобно, чтобы здѣсь имя Господина Маркиза Даржансона опять за меня ходатайствовало. Посылаю къ вамъ книгу о Невтоновой Философіи. Вы чувствительнѣйше меня одолжите, если соизволите вручить оную Господину Секретарю Академіи. Имѣя честь быть Членомъ Академій: Лондонской, Единбургской, Берлинской и Булоньской, желаю удостоеніемъ той же чести отъ С. Петербургской Академіи.

быть одолженнымъ вашему покровительству. Это, можешь быть, подало бы мнѣ случай въ хорошую лѣпную пору приѣхать ко Двору вашего пребыванія, и хвалиться тѣмъ, что видѣлъ славную Елисавету. Я пѣлъ Елисавету Англійскую; чегожъ не могъ бы сказать о той Елисаветѣ, которая, превосходя ее въ щедрости, не уступаетъ ей въ прочихъ добродѣтеляхъ!

Не могу ли еще быть одолженнымъ вами? За нѣсколько лѣтъ предъ симъ я сочинилъ Исторію Карла XII, основываясь на запискахъ, что до главныхъ происшествій надлежитъ, весьма хорошихъ, но въ которыхъ были погрѣшности въ разсужденіи подробнаго описанія дѣяній сего Монарха; нынѣ имѣю исправнѣйшія записки, и даже лучшія тѣхъ, коими пользовался Г. Норбергъ. Мнѣ хотѣлось бы помѣстить оныя въ Исторіи Петра Великаго. Образъ мыслей моихъ влечетъ меня къ великому Императору, Законодателю, Основателю городовъ и — дерзаю сказать — своей Имперіи.

Если бы достойная Дщерь Императора Петра Великаго, которая вмѣщаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели Родителя своего съ добродѣтелями своего пола, соизволила одобритъ мое намѣреніе, и указала бы сообщить мнѣ подробныя извѣстія о славныхъ и любопытныхъ дѣяніяхъ покойнаго Императора; то тѣмъ она доспавила бы мнѣ средства воздвигнуть памятникъ славы Его на такомъ языкѣ, на ко-

шоромъ нынѣ говоряшъ почти при всѣхъ Дворахъ Европейскихъ.

16-го Декабря,
1745 года.

Вольтеръ.

67.

Отъ Вольтера къ Лорду Гервею.

Милордъ!

Не сердись на меня, что я прошедшій вѣкъ называю вѣкомъ Людовика XIV. Очень знаю, что Людовикъ XIV не имѣлъ чести быть Государемъ - благодѣтелемъ Беля, Невтона, Галлея, Адиссона, Драйдена; но въ вѣкъ Леона X одинъ ли сей Папа все сдѣлалъ? Не спарались ли и другіе Государи образовашъ и просвѣщивъ родъ человѣческій? Однакожь имя Леона X взяло верхъ, потому что онъ болѣе другихъ ободрялъ искусства. Какой же Монархъ въ семъ болѣе оказалъ услугъ человѣчеству? Какой Монархъ болѣе распочалъ благодѣній, болѣе опличался изящностію вкуса, болѣе основалъ прекрасныхъ заведеній? Конечно, онъ не сдѣлалъ всего, что могъ сдѣлать: ибо онъ былъ человѣкъ; но сдѣлалъ болѣе, нежели кто-либо другой: ибо онъ былъ человѣкъ великій. Сильная причина, заставляющая меня оплично почищать Людовика, состоишь въ томъ, что всѣмъ извѣстные пороки его не помѣшали ему прославиться болѣе всѣхъ своихъ современниковъ, и что — не смотря на вопли миліона людей, изгнанныхъ имъ изъ Франціи, и

поэтому очернявшихъ имя его — вся Европа уважаетъ Лудовика и ставитъ его на ряду съ величайшими и добрейшими Государями.

Назовите мнѣ, Милордъ, Монарха, копорый болѣе привлекъ къ себѣ искусныхъ чужестранцовъ, и который болѣе ободрялъ заслуги своихъ подданныхъ! Шестидесять челоѣкъ иностранныхъ ученыхъ, въ одно время получившихъ отъ него награды, безъ сомнѣнія крайне удивились, что Лудовикъ о нихъ знаетъ.

„Король, не будучи вашимъ Государемъ — такъ писалъ къ нимъ Министръ Кольберъ — хочеть быть вашимъ благодѣтелемъ; онъ поручилъ мнѣ послать къ вамъ приложенный вексель, въ залогъ своего почтенія.“ Богемецъ и Дашчанинъ получили письма изъ Версаліи. Тильемини отъ щедротъ Лудовика XIV построилъ домъ во Флоренціи; онъ изобразилъ има Короля на передней сторонѣ зданія, а вы не хотите, чтобы оно сіяло надъ семнадцатымъ столѣтіемъ!

Его дѣянія должны служить вѣчнымъ примѣромъ для Монарховъ. Онъ поручилъ воспитывать сына своего и внука краснорѣчивѣйшимъ и ученѣйшимъ Мужамъ въ Европѣ; далъ мѣста сыновьямъ Петра Корнеля: двумъ въ военной службѣ, одному въ духовной; возбудилъ рождающійся талантъ въ Расинѣ подаркомъ, весьма важнымъ для челоѣка неизвѣстнаго и недостаточнаго. Когда Геній Расиновъ созрѣлъ и достигъ совершенствъ, въ то время дарованія, которыя часто заграждаютъ

путь къ форшунѣ, открыли ему доступъ къ сей богинѣ. Онъ получилъ еще болѣе: пользовался благосклонностію, даже пріязнію такого Монарха, котораго каждый взглядъ былъ благодѣяніе. Расинъ участвовалъ въ путешествіяхъ, предпринимаемыхъ въ Марли (1688 и 1689), чего многіе изъ придворныхъ щетно добивались; онъ спалъ въ одной комнатѣ съ Королемъ, которому во время болѣзни читалъ образцовыя свои произведенія Витійства и Поэзіи — произведенія, украшавшія славное царствованіе Лудовика.

Такая благосклонность, оказываемая съ разборчивостію, воспаляетъ великіе умы, и рождаетъ соревнованіе. Похвально основывать заведенія и подкрѣплять ихъ; но занимать одними заведеніями иногда значить то же, что готовить пристанище для человѣка бесполезнаго и для человѣка великаго, принимаешь въ одинъ улей и пчелу и шмеля.

Лудовикъ XVI обо всемъ забоился. Онъ покровительствовалъ Академіи; опличалъ тѣхъ, которые спарались опличаться; не испощалъ всѣхъ благодѣяній своихъ для награжденія одной какой-нибудь науки, одного искусства, подобно многимъ Государямъ, которые одобряютъ не то, что достойно ободренія, но то, что имъ нравится; обращалъ вниманіе свое и на Физику и на древности. Войны, которыя онъ велъ съ Европою, не упоминали его; строилъ крѣпости, управляя четырьмястами тысячь солдатъ, занимался сооруже-

ніемъ обсерваторіи, приказывалъ провести меридіанъ отъ одного края Королевства до другаго — подвигъ единственныи въ свѣтѣ! Онъ повелѣвалъ печашать въ своихъ черпкахъ переводы хорошихъ Авшоровъ, Греческихъ и Лашинскихъ; посылалъ Геометровъ и Физиковъ во глубину Африки и Америки для приобрѣшенія новыхъ познаній.

Вспомните, Милордъ, что безъ путешествія и опытовъ, сдѣланныхъ по его повелѣнію Учеными, посланными въ 1672 году въ Кайенну, и безъ Пикаровыхъ измѣреній, Невтонъ не прославился бы своими открытіями о приращеніи. Вообразите, что Кассиній и Гугеній, оставя отечество, приехали во Францію подъ покровъ благодѣтельнаго Лудовика XVI. Не думаете ли, что самые Англичане не обязаны ему? Скажите же, при какомъ Дворѣ Карлъ II приобрѣлъ столько вкуса, научился такой вѣжливости? Хорошіе писатели Лудовика XIV не были ль вашими образцами? Не изъ нихъ ли мудрый Адиссонъ, который отличался самымъ шочнымъ вкусомъ, — не изъ нихъ ли часто извлекалъ превосходныя кришки? Епископъ Бюрне признается, что изящный вкусъ, занятый во Франціи придворными Карла II, произвелъ у насъ великую перемену даже въ проповѣдяхъ, не смотря на различіе исповѣданій: такую власть имѣетъ здравый разумъ! Скажите, не по книгамъ ли, въ вѣкъ Лудовика сочиненнымъ, учились всѣ Нѣмецкіе Принцы? При какомъ Дворѣ въ Германіи не

было Французскаго театра? Какой Государь не старался подражать Лудовику XIV? Какой народъ не соображался съ Французскими модами?

Вы ссылаешесь на примѣръ Петра Великаго, который насадилъ искусства въ Своемъ Государствѣ, и былъ творцемъ новаго народа; говорите, что вѣкъ Его не названъ вѣкомъ Петровымъ, и тѣмъ хотите доказать, что онъ не долженъ минувшій вѣкъ называть именемъ Лудовика XIV. Разница очевидна (*). Петръ I, научась между народами чуждыми искусствамъ, перенесъ ихъ въ Свое Отечество; Лудовикъ XIV просвѣтилъ чужеземцовъ; все, даже погрѣшности его были полезны людямъ. Протестанты, оставившіе владѣнія его, принесли къ вамъ ту самую промышленность, которая обогащала Францію. Неужели вы считаете ни за что фабрики шелковыя и хрустальныя? Наши бѣглецы усовершенствовали оныя въ Англіи; вы приобрѣли то, чего мы лишились.

(*) Лудовикъ XIV не помрачилъ славы Петра Великаго. Вольеръ, желая превознести своего Героя, напрасно дѣлаетъ сравненія. Выхваляя луну, не надобно бы говорить о солнцѣ. Сказавши, что Петръ насадилъ искусства въ своемъ Государствѣ и былъ творцемъ новаго народа, онъ сказалъ все. Гоненія Лудовика XIV на Протестантовъ до сихъ поръ почипающія черными пятнами въ Исторіи сего Монарха, который конечно не для блага народовъ приписывалъ своихъ подданныхъ и выгонялъ ихъ изъ отечества. — И. В. Е.

Наконецъ, Милордъ, Французской языкъ сдѣлался почти общимъ. Кто сему причиною? При Генрихѣ IV былъ ли онъ въ помѣ употребленію? Нѣтъ конечно; тогда по большой части говорили по Италіянски и по Испански. Наши знаменитые Писатели произвели сію перемѣну. Но кто покровительствовалъ сихъ Писателей? кто ободрялъ и занималъ ихъ работою? Кольберъ, вы скажете. Соглашаюсь съ вами и утверждаю, что Министръ раздѣляетъ славу съ своимъ Государемъ. Но что бы сдѣлалъ Кольберъ при другомъ Государѣ, при вашемъ на примѣръ Вильгельмѣ, который ничего не любилъ, при Карлѣ II, Королѣ Испанскомъ, и при многихъ другихъ?

Повѣрите ли, Милордъ, что Лудовикъ XIV преобразилъ вкусъ при Дворѣ во многихъ художествахъ? Онъ выбралъ Люлли въ свои музыканты, и опиялъ привилегію у Ламбера, попому что Ламберъ былъ человекъ посредственный, а Люлли съ превосходнымъ талантомъ. Онъ умѣлъ оплечать умъ опъ генія; задавалъ стихотворцу Кино матерію для оперъ; назначалъ предметы для живописца Лебрена; защищалъ Боало, Расина и Мольера опъ ихъ непріятелей; одобрялъ искусства изящныя и полезныя, и всегда съ намѣреніемъ; ссужалъ суммами Ван-робе для пользы мануфактуръ; выдавалъ милліоны денегъ Индійской Компаніи, имъ образованной; опредѣлялъ всегдашнія жалованья ученымъ людямъ и храбрымъ Офицерамъ. Въ его царствованіе совершились вели-

кія дѣла; но сего не довольно: онъ самъ былъ виновникомъ оныхъ. И такъ, Милордъ, повольше мнѣ воздвигнушь во славу его памятникъ, копорый посвящу пользѣ человѣческаго рода.

Я почишалъ Лудовика XIV не только пошому, что онъ дѣлалъ добро Французамъ, но болѣе пошому, что былъ благодѣтелемъ людей. Пишу не въ качествѣ подданнаго, но какъ человѣкъ; хочу изобразить минувшее сполнѣше, не одного Короля. Не люблю такихъ исторій, въ копорыхъ повѣспвуется только о приключеніяхъ Государя, какъ будто ничего другаго не было на свѣтѣ; однимъ словомъ — мнѣ болѣе хочется писать исторію великаго вѣка, нежели исторію великаго Монарха.

Пелиссонъ могъ бы написашъ краснорѣчивѣе, нежели я; но Пелиссонъ получилъ за то деньги, и былъ придворный. Я не придворный и не бралъ денегъ, слѣдственно остается говорить правду.

1740 года.

Вольтеръ.

68.

Отъ Жан-Жака Руссо къ Мальзербу.

Государь мой!

Я давно бы изъявилъ вамъ благодарность за ваше послѣднее письмо, если бы скорость моего ошвѣша была соразмѣрна съ шѣмъ удовольствіемъ, копорое оно мнѣ сдѣлало. Но

*

сверхъ того, что мнѣ очень трудно писать, я хотѣлъ оставить васъ въ покоѣ на первые шумные дни Нового года. Хотя не могу не оскорбляться тѣмъ, что случилось (*); однакожь искренно радуюсь тому, что вы, зная все, не перемѣнили вашего добраго мнѣнія о моемъ характерѣ. Оно будетъ для меня надеждою, когда увидите, каковъ я подлинно.

Причины, которыми вы изъясняете всѣ мои поступки съ того времени, какъ я имѣю въ свѣтѣ нѣкоторое имя, дѣлающъ мнѣ, можетъ быть, излишнюю честь, но безъ сомнѣнія гораздо ближе къ истинѣ, нежели догадки господъ Авшоровъ, обожающихъ славу и судящихъ по своему характеру о моемъ. Я столько привязанъ ко многому, что не могу быть очень привязанъ ко мнѣнію публики; столько люблю свое удовольствіе и независимость, что не могу быть рабомъ тщеславія, какъ они думаютъ. Кто фортуна и надеждъ быть счастливымъ въ свѣтѣ никогда не жертвовалъ пріятнымъ свиданіемъ или ужиномъ, тотъ конечно не пожертвуетъ своимъ благополучіемъ желанію удивить людей; и человекъ, который имѣя нѣкоторый талантъ, могъ скрывать его до сорока лѣтъ, не сойдетъ съ ума и не заключивъ на всю жизнь въ пустынь, единственно для того, чтобы прослыть мизантропомъ.

(*) Это относится къ тогдашнимъ ссорамъ Жан-Жака съ Дидеротомъ и прочими.

Хотя я всею душою ненавижу злобу и несправедливость, однакожь эта спрасъ не принудила бы меня бѣжать отъ людей, если бы мнѣ дорого стоило разстаться съ свѣтомъ. Нѣтъ, причины мои не такъ благородны, и ближе ко мнѣ. Я родился съ любовію къ уединенію; и чѣмъ болѣе узнавалъ людей, тѣмъ болѣе она возрастала. Мнѣ пріятнѣе быть съ мысленными существами, нежели съ дѣйствительными; и общество, которое воображаю себѣ въ шихомъ уединеніи, еще болѣе отвращаетъ меня отъ всѣхъ Парижскихъ обществъ, мною оспавленныхъ. Вы почитаете меня жертвою меланхоліи и несчастія; ахъ! какъ ошибаетесь! Въ Парижѣ былъ я таковъ; въ Парижѣ черная желчь ѣла мое сердце, и горечь ея излилась въ книгахъ, мною шамъ сочиненныхъ. Сравните же ихъ съ новыми плодами моего уединенія, и скажите, не ясно ли изображается въ послѣднихъ какое-то свѣшное, непришворное спокойствіе души, по которому необманчиво можно судить о внутреннемъ состояніи Автора? Вы могли заключить противное изъ того мучительнаго волненія, въ которомъ я былъ не давно (*); но не шеперешняя жизнь моя, а разспроенное воображеніе — гошное всего пугаться, все увеличивать до крайности — произвело эту ужасную

(*) Руссо думалъ, что злые люди умышляютъ выдать, по смерти его, безбожныя книги подъ его именемъ; мучился, и сходилъ почти съ ума.

поску. Всегдашніе успѣхи сдѣлали меня чувствительнымъ ко славѣ; и найдется ли чловѣкъ, который, имѣя сколько нибудь благородную душу, могъ бы безъ ужаснаго опчаянія думать, что послѣ его смерти выдадутъ, подъ его именемъ, вмѣсто хорошей и нужной книги, сочиненіе вредное, безславное для его памяти? Думаю, что такой припадокъ сумасшествія еще болѣе разширитъ мое слабое здоровье; но если бы это случилось со мною въ Парижѣ, то не отвѣчаю за слѣдствіе, и собственная моя воля могла бы освободить нашуру отъ остальнаго дѣла.

Долго самъ я не зналъ истинной причины моего всегдашняго отвращенія отъ свѣта, и думалъ, что оно происходитъ отъ досады на *либденность цѣлы* моего, которая мѣшала мнѣ показывать въ разговорахъ, что я сколько нибудь его имѣю, и что мѣсто мое въ обществѣ должно быть не послѣднее. Но когда, измаравъ довольно бумаги, я былъ увѣренъ, что меня не назовутъ уже глупцемъ ни за какую глупость, когда всѣ искали моего знакомства, когда общее уваженіе превзошло самую дерзкую надежду моего самолюбія: я и тогда не могъ перенести свѣта; не могъ никакъ находить въ немъ удовольствія, и заключилъ, что отвращеніе мое происходитъ отъ другой причины, и что мнѣ надобны совсѣмъ иныя наслажденія.

Какая же, наконецъ, эта причина? Духъ независимости, котораго ничто преодолѣть не

могло, и передъ которымъ почести, богатство и самая слава для меня ничто. Впрочемъ онъ происходишь не столько отъ гордости, сколько отъ лѣни, удивительной, невѣроятной; все пугаетъ ее; малѣйшія должности общепіи ей несносны; сказать слово, написать письмо, побывать у кого нибудь, есть для меня мука, какъ скоро необходимость того требуетъ. Вотъ для чего обыкновенныя связи съ людьми мнѣ прошивны, а искренняя дружба мила: ибо она не знаетъ должностей, слѣдуетъ сердцу, и только. Вотъ для чего боюсь всегда благодѣній: ибо всякое благодѣніе требуетъ признательности, а я чувствую сердце свое неблагодарнымъ единственно отъ того, что благодарность есть долгъ. Коротко сказать, для особеннаго моего счастья нужно мнѣ не столько исполнять волю свою, сколько ни въ чемъ не принуждать ее. Дѣятельная жизнь ни мало не прельщаетъ меня; соглашусь лучше ничего не дѣлать, нежели дѣлать что нибудь принужденно; и не рѣдко казалось мнѣ, что я могъ бы въ Басиліи жить довольно счастливо, не имѣя никакой обязанности.

Въ молодости я заботился иногда о своемъ благосостояніи, имѣя въ предметъ у себя ничто иное, какъ уединеніе и покой для старости. Но лѣнливые люди шрудятся только порывали, и слѣдственно безъ успѣха: такъ и со мною случилось. Когда же здоровье мое разстроилось, я нашелъ въ болѣзняхъ оправданіе для главной моей снраси; сказалъ себѣ, что

безумно спудисься для такихъ лѣтъ, до которыхъ вѣрно не доживу; все оставилъ, и спѣшилъ только наслаждаться. Вотъ истинная причина моего уединенія, которое нашимъ Авторамъ кажется дѣйствиємъ тщеславія. Но тщеславіе пребудетъ постоянства, или, лучше сказать, упрямаго шепѣнія, совершенно противоположнаго моему природному характеру.

Вы скажете, Государь мой, что такая лѣность не очень согласна со многими книгами, сочиненными мною въ теченіе десяти лѣтъ, и съ тѣмъ славолубіємъ, которое заставило меня издасть ихъ въ свѣтъ. Чѣмъ отвѣчать на это возраженіе, надобно продолжитъ письмо мое, и слѣдственно кончить его. Я возвращусь къ своему предмету, если просная искренность моя вамъ угодна, потому что съ открытымъ сердцемъ не могу писать другимъ слогомъ. Изобразю себя безъ прикрасъ и безъ скромности; покажусь вамъ, каковъ я кажусь самому себѣ, и каковъ я подлинно, потому что живучи съ собою, всякой долженъ себя знать; а видя, какъ другіе изъясняютъ мои дѣла, вижу, что они не имѣютъ обо мнѣ понятія. Кромѣ меня, никто меня не знаетъ. Вы согласитесь, когда все скажу.

Пожалуйте не возвращайте мнѣ писемъ моихъ; сожгите ихъ, не для меня, а для того, что онѣ не стоютъ сбереженія. Не безпокойтесь также и объ тѣхъ, которыя въ рукахъ у Дюпена. Если бы надлежало испребить слѣды

всѣхъ моихъ дурачествъ, по мнѣ пришлось бы выручать много писемъ; а я не пронусь и пальцемъ для этого. Съ хорошей и дурной стороны не боюсь показаться къ почномъ своемъ видѣ. Знаю свои большіе недостатки, и живо чувствую всѣ мои пороки; но умру съ полною надеждою на вышнюю Благость и въ совершенномъ увѣреніи, что изъ всѣхъ людей, мнѣ извѣстныхъ, никто не былъ лучше меня.

Р у с с о.

69.

Отъ Беля къ Шафтсбурѣ.

Милордъ!

Здоровье мое все еще въ худомъ состояніи. Съ нѣкошораго времени мучусь я сухимъ кашлемъ, кошорой можно назвашъ почти наслѣдственнымъ въ нашей фамиліи. Грудь моя болитъ; и я, лежа на постелѣ, страдаю отъ слабости, боли и безсонницы, а болѣе всего отъ праздности, къ кошорой я не очень привыченъ.

Ни мало не беспокоитъ меня приближеніе конца моего. Будучи не въ состояніи работать, не могу быть очень привязанъ къ одному существованію. Другое горе лежитъ у меня на сердцѣ, и только вамъ могу открыть его. Теперь уже на вѣрное предвижу, что я оставлю сей свѣтъ, не нашедши того, чего во всю свою жизнь искалъ я съ такою ревностію. Вы конечно давно уже знаете, Милордъ,

что я хотѣлъ истины, — истины, которой дальнѣйшее изысканіе должно мнѣ теперь оставить.

Когда есть Богъ, то отъ чего происходитъ зло въ мірѣ? — Какая есть невидимая и непонятная связь между тѣломъ и душою? — Какіе суть всеобщіе законы тѣлеснаго міра, и какое сношеніе имѣютъ они съ происшествіями? — Вотъ какіе важные вопросы остаются у меня еще безъ отвѣта при концѣ жизни?

Просните, Милордъ, жалобамъ умирающаго, который все еще почиталъ себя счастливымъ, пока онъ могъ надѣяться. Теперь нахожусь я въ той сценѣ жизни моей, въ которой могу обозрѣть все ея печеніе. Развязка меня обманула; я ожидалъ совсѣмъ иной — и сіе ожиданіе утѣшало меня въ моихъ горестяхъ и печаляхъ. И пакъ мнѣ можно думать, что весь планъ жизни моей былъ не хорошъ. Можетъ быть, надлежало бы мнѣ знать съ самаго начала, что истина есть вымышленная богиня, которая ни мало не чувствуетъ приносимыхъ ей жертвъ; которая не награждаетъ и не заслуживаетъ ихъ. Тогда бы не побоялся я душевнаго рабства, и охотно бы наложилъ на умъ свой цѣпи принятой системы; тогда для совершенной свободы разума моего, которая казалась мнѣ столь драгоценною и къ изслѣдованію истины столь необходимою, не оставилъ бы я перваго своего опечеснѣва

не лишился бы удовольствія жить посреди моихъ ближнихъ родственниковъ и друзей, не пожертвовалъ бы всѣмъ домашнимъ благополучіемъ, и могши жить безужно, покойно, безопасно и въ пріятномъ обществѣ, не избралъ бы шрудной, зависимой, уединенной и заботливой жизни; во Франціи былъ бы я Каполикомъ, въ Голландіи Предеспинашистомъ, и вездѣ бы соглашался со мнѣніемъ сильныхъ и великихъ; я былъ бы другомъ всякому, и во всякомъ нашелъ бы себѣ друга.

Но можетъ быть я опъ собственной своей вины не пріобрѣлъ того увѣренія, которое теперь могло бы меня успокоить. Можетъ быть спалъ я не въ надлежащемъ мѣстѣ для того, чтобы свѣтъ увидѣшь,—свѣтъ, видимый (какъ говоряшь) многими другими людьми. Можетъ быть, я умышленно ослабилъ. . . . Умышленно? Нѣтъ, Милордъ! вы конечно не сомнѣваетесь въ моей честности. Вы меня знаете, и припомъ имѣете такое сердце, которое можетъ почувствовать затрудненія испытателя, не находящаго никакого твердаго основанія для своего успокоенія. Благо немыслящему человѣку, который безпрепятственно наслаждается счастьемъ своего увѣренія! Какъ часто приходилъ я въ искушеніе завидовать его самодовольствію, когда мнѣ встрѣчалось какое-нибудь сомнѣніе, которое ночью не давало мнѣ засыпать, будило меня рано по утру, терзало въ уедине-

ніи, а въ обществѣ придавало мнѣ видъ мечтателя или глупца!

Когда сомнѣніе было слѣдствіемъ особливаго рода моихъ упражненій, то я не знаю, какимъ образомъ можно было мнѣ избѣжать онаго. И шеперь еще увѣренъ я въ томъ, что искашель истины долженъ выслушать всѣ споры; что ему не надобно смотрѣть на родъ и санъ учителей; что онъ со всѣхъ сторонъ долженъ разсматривать предметъ оной, дабы узнать его совершенно и пріобрѣсти разумное увѣреніе. Сія метода можетъ конечно поколебать старыя системы, въ которыхъ мы жили такъ спокойно; можетъ запускать разумъ въ разныхъ мнѣніяхъ, и такимъ образомъ удалитъ отъ насъ то увѣреніе, котораго мы искали. Но если другой путь для испытателя? Не должно ли ему учиться и сравнивать? Я учился и сравнивалъ; употребилъ на то всю жизнь свою — и въ чемъ же успѣлъ? — О Милордъ! примирише меня, если можете, съ самимъ собою! Сообщите мнѣ хотя искру отъ свѣта вашего счастливаго увѣренія, которое прежде (ахъ! можетъ быть, не совсѣмъ справедливо) называлъ я именемъ пріятной мечты.

Бель.

Отъ Шафтсбури къ Белю.

Любезный другъ!

Какъ бы хотѣлось мнѣ прежде возвратить вамъ здоровье, а потомъ уже, по старому нашему обыкновенію, философствовать съ вами! Но будемъ дѣлать, что можемъ, если не можемъ всего, чего хопимъ.

Какъ! ужели жизнь, проведенная въ изысканіи истины, однимъ словомъ, *ваша* жизнь не есть лучшее приготовленіе къ спокойной смерти? Ужели должно вамъ при смерти раскисаваться въ томъ, что вся жизнь ваша была посвящена сему благородному предмету?

Какихъ вопросовъ еще не могли вы рѣшить? Зависитъ ли отъ ихъ рѣшенія расположеніе жизни нашей? Развѣ еще не знаете вы, что Богъ всемогущъ, мудръ и благъ? не знаете, что въ добродѣтели состоитъ высочайшее благо? — Если бы вы еще въ семъ не были увѣрены, то не удивило бы меня ваше безпокойство. Но ужели должно вамъ проникнуть во всѣ политическія таинства Божественнаго правленія для того, чтобы почувствовать въ душѣ своей сіе счастливое увѣреніе? Ужели мы не повѣримъ, что Богъ есть хорошій Правитель, пока слѣдствіе или конецъ не оправдаетъ всѣхъ мѣръ Его? Я съ своей стороны, полагаясь на Его свойство, вѣрю, что все въ царствѣ Его должно быть благо,

и почишаю все злое за одинъ призракъ, который исчезнетъ, когда обозримъ весь планъ Его правленія. Вы, любезный другъ, также хорошо думали о Богѣ; зло, примѣченное вами въ мірѣ, признавали вы за чуждое, вредное расшѣніе, которое посѣяно врагомъ добраго, и которое Богъ спарается испреблѣть. Видите, что мы оба рѣшили нѣ сомнѣнія, которые беспокоили насъ въ семъ важномъ розысканіи—и хощя различнымъ способомъ, однакожъ истина, въ которой мы для своего спокойствія имѣли нужду, и мнѣ и вамъ въ удѣлъ досталась. Нашедши сію истину, оставимъ въ нерѣшеніи многіе замѣшенные феномены въ царствѣ нашуры и Благадаши. Весь міръ можемъ мы почишати книгою мудраго, писанною тайными буквами, къ которымъ намъ должно угадать ключъ. Одинъ, читая книгу Нашуры, и доходя до явленій въ нашей солнечной системѣ, принимаетъ за ключъ движеніе земли, а другой движеніе солнца: оба они, читая книгу по своему, находятъ въ ней доказательство премудрости ея Творца.

Вообще знаемъ мы, какое есть намѣреніе божественнаго плана; но какимъ образомъ исполненіе соглашается съ цѣлю? Сіе часто бываетъ для насъ таинствомъ. Первое читаемъ мы въ мысленномъ мірѣ, который къ намъ ближе: ибо мы находимъ его въ своей внутренности; а второе въ чувственномъ мірѣ, въ которомъ видимъ только наружную

скорлупу. Испытатель старается соединить объемы своего познания, и переходитъ изъ одного міра въ другой. Если находишь онъ затрудненія, которыя кажутся непреодолимыми: то не лучше ли будетъ еще остаться при томъ, что онъ признаетъ вѣрнымъ, и въ разсужденіи прочаго не беспокоиться?

Знаю, что не всѣ тѣ, которые занимаются философствованіемъ, думаютъ такъ скромно; напрошивъ того, многіе почли бы за великую спесь, не рѣшивъ въ минушу самаго труднѣйшаго вопроса. Люди сего рода боясь узнавать мысли другихъ людей, если не знаютъ напередъ, что они съ ними одно думаютъ. Слава и временное счастье имъ дороже святой истины. Наука, подобно добродѣтели, есть для нихъ то, что горькое лѣкарство для дѣшей, которыя не понимаютъ, какъ можно принять его безъ лозы или безъ сахара. Но кто любитъ истину только для истины, тотъ радостно обниметъ все то, что общаетъ приблизить его къ оной, хотя бы для сего и надлежало ему навѣки проститься съ какимъ нибудь мнѣніемъ, которое было для него пріятно.

Но не успрашимся, если сіе заставитъ насъ сомнѣваться во многихъ вещахъ, о которыхъ другіе говорятъ рѣшительно. Будучи увѣрены въ главное, то есть: во всѣхъ тѣхъ истинахъ, отъ которыхъ зависитъ расположеніе жизни нашей, можемъ мы спокойно

смотримъ, какъ мнѣнія Догматиковъ (относительно къ предметамъ любопытства) одно другое опровергающъ; можемъ спокойно ожидать, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, и приставать по къ той, по къ другой партіи, слѣдуя собственному своему разсудку. Я думаю, что сіе состояніе духа есть для насъ лучшее. Хотя то, что приобрѣли мы чрезъ важныя свои розысканія, составляетъ весьма немного; но сіе немного есть самое нужнѣйшее, и ничто не можетъ насъ лишить онаго. Во всемъ прочемъ пойдемъ мы по широкому, гладкому пути, на кошоромъ, смотря по нуждѣ, можемъ и въ право и въ лѣво уклоняться.

И такъ, любезный другъ мой, перестаньте жаловаться на самого себя, и повѣрьте, что Философъ долженъ быть въ разсужденіи истины точно въ такомъ расположеніи, въ какомъ вы теперь. Горе ему, если голова его такъ наполнена правилами и мнѣніями, что въ ней уже никакого мѣста для сомнѣнія не остается! Или вы думаете, что тотъ въ самомъ дѣлѣ совершенно увѣренъ, кто боится самаго малѣйшаго сомнѣнія? Нѣтъ, любезный другъ! многіе прищворяются увѣренными. Они спрашались утонуть, предавшись спремительной рѣкѣ разсудка, и лучше хотѣли хвататься за всякую вѣтвь слабыхъ гипотезъ, нежели собственною своею силою держаться на поверхности воды. Такъ думаютъ и самые ревностные суевѣры, и самые дерзостные изъ вольнодумцевъ. И тѣ

и другіе боятся саомалѣйшимъ сомнѣніемъ поколебать свою систему, чтобы наконецъ, къ спыду ихъ, она совсѣмъ не разрушилась. И такъ одинъ вѣришь всякимъ нелѣпостямъ, а другой ничему не вѣришь.—Если вы о сихъ людяхъ можете сказать, что они нашли истину, то я не жалѣю о васъ, что вы не нашли ее.

Но вы нашли сію истину, — истину, которую человѣкъ постигнуть можетъ—не ту, копорая со Всевѣдущимъ обитаетъ: ибо смершныя очи не могутъ объять ея сіянія. Слабой, блѣдной лучъ ея, копорый изъ неизмѣримаго ошдаленія едва, едва освѣщаетъ шествіе наше по полямъ ночи, есть все то, что мы опъ свѣта ея снесши можемъ, — все то, что намъ дано опъ сей истины. Удивляться ли, сокрушаться ли намъ, когда при такомъ неясномъ свѣтѣ мы иногда заблуждаемся, или не бываемъ увѣрены въ пущи правомъ?

Истина не есть такая близкая цѣль, до копорой бы человѣкъ доспигалъ единожды навсегда. Она есть для него ничто иное, какъ совершеннѣйшее познаніе. Какъ скоро душа наша почувствуетъ нужду въ знаніи, какъ скоро ошущимъ въ себѣ желаніе рѣшимъ нѣкоторыя изъ безчисленныхъ проблемъ, предлагаемыхъ намъ натурою при каждомъ взорѣ—рѣшимъ тѣ, копорыя болѣе другихъ до насъ касаются: то безпокойный духъ нашъ всячески старается преодолѣть трудности из-

слѣдованія, въ надеждѣ найши полный свѣтъ и непрерывное спокойствіе по ту сторону сихъ мрачностей. Суешная надежда! новыя сомнѣнія приводятъ насъ въ замѣшательство; новыя проблемы возбуждаютъ наше любопытство. И такимъ образомъ манитъ насъ одна цѣль за другою; мы идемъ всегда съ новыми желаніями, копорыя никогда не бывають совершенно щещны, но никогда же и не исполняются совершенно; идемъ, и вдругъ видимъ себя при концѣ жизни, но не при концѣ нашего изысканія. Вотъ общая судьба всѣхъ искашелей истины, и ваша, любезный другъ! Неужели будете жаловаться на Всевышняго, что Онъ далъ вамъ сіе спремленіе къ истинѣ? Ужели скажете, что оно дѣлаетъ васъ несчастнымъ для того, что оно безконечно? Вы будете лучше думать о Богѣ, думая лучше о себѣ. Развѣ другъ мой Бель не выше мапраса, копорый на корабль своемъ плыветъ по Океану, никогда не беспокоясь о томъ, какимъ образомъ сей корабль по волнамъ кашился, какъ великіе часы міра въ безпредѣльномъ пространствѣ водъ показывають ему время, и какъ зришельная труба открываетъ на небѣ шопъ пуль, копорымъ корабль его по морямъ земли плыть долженъ? — Вотъ вся загадка! Радостные виды спокойствія, копорымъ надѣмся насладиться при свѣтѣ истины, ведутъ насъ отъ одного шруднаго изслѣдованія къ другому. Смерть заснигаетъ насъ прежде, нежели мы находимъ сіе спокойствіе; но довольно,

что существо наше становившися возвышеннѣе и благороднѣе отъ распространенія силъ и познаній нашихъ.

Не отвергните сего утѣшенія, на которое вы имѣете такое неоспоримое право! Вы конечно помирись съ собою, когда осмѣлились справедливо оцѣнить свои достоинства. Примите наконецъ искреннѣйшее увѣреніе въ моемъ сердечномъ къ вамъ почтеніи; и если сіе увѣреніе будетъ послѣднее, которое вы въ здѣшной жизни можете принять отъ меня; если по сию сторону гроба вамъ уже не можно будетъ доказывать мнѣ свою дружбу: то да исполнится хотя послѣднее мое земное желаніе, чтобы вы еще въ семъ мірѣ вкусили въ совершенствѣ то спокойствіе, которое въ оной жизни васъ ожидаетъ!

Шафстбурги.

71.

Отъ Фонтенеля къ Доктору Юнгу.

Любезный Докторъ!

Письма мои нечувствительно превращающіяся въ правила нравственности. Правда, изящность вкуса отъ того терпится, но любомудріе выигрываетъ, и этого довольно, чтобы оправдать въ моихъ глазахъ всю сію кучу стоическихъ бредней. — Такъ, любезный Докторъ! я ни мало не жалю, для чего не родился чувствительнымъ. Движенія сердца чѣмъ меньше имѣютъ вліянія на разумъ, тѣмъ

*

онъ удобнѣе разсматриваетъ людей, кои, между нами сказать, не заслуживая сожалѣнія, ни къ чему другому не годятся.

Зенонъ сказалъ, что безспасный чело-
вѣкъ есть образцовое произведеніе Природы.
Зенонъ былъ великій Философъ, и еслибъ онъ
не имѣлъ спраспи учредитъ секту, то былъ
бы моимъ героемъ, не смотря на то, что
жилъ за двѣ тысячи лѣтъ. На вѣсахъ при-
роды тяжестъ зла столь несоразмѣрна съ тя-
жестію добра, что по справедливости, чтобы
быть человекомъ, надобно желать быть не-
чувствительнымъ.

Какъ ни велико впрочемъ мое философ-
ское безспасіе, однакожъ не простирается
до того, чтобы попушить во мнѣ чувство-
ваніе усердія и почтенія, коими преисполненъ,
и проч.

Парижъ. 11 Янв. 1741.

Фонтенель.

72.

Отъ Доктора Юнга къ Фонтенелю.

Другъ мой!

Супруга моя и дѣти находятся на краю
гроба; изнеможенная скорбію душа моя нахо-
дитъ одно дружество доспапочнымъ напол-
нить пустошу природы. Чувствительное сердце
есть гибельный даръ Божества.

Чувствительное сердце. . . . Но нѣтъ! я
могу нести бремя несчастій, могу чинить союзъ

дружбы, не бывъ дерскимъ хулителемъ. О Фонтенель! для чего ты утверждаешь, что нечувствительность ведетъ къ верховному благу? Самое сердце твое не прошивоборствуетъ ли холодной Философіи, которая имѣетъ въ виду уничтоженіе твоихъ чувствованій? Нѣтъ! скорѣе соглашусь вѣришь природѣ, нежели пустымъ софизмамъ. Мой другъ! ты чувствителенъ: ибо любишь добродѣтель.

Мудрый Зенонъ надѣется ли найти благополучіе въ совершенномъ равнодушіи? Какія удовольствія для него остаются, когда гордый умъ его разрушаетъ всѣ связи, соединяющія его съ чувствительными существами? когда уединенная мысль его при самомъ зарожденіи исчезаетъ безъ сообщенія; когда стѣсненная его душа ежеминутно умираетъ въ пусынь, самою же ею содѣланною? Нѣтъ, нѣтъ! человекъ не можетъ быть счастливъ, ежели помнитъ все, его окружающее; это часть, колеблющаяся вмѣстѣ съ цѣлымъ составомъ. Счастіе не создается въ особливости: его только раздѣлять можно съ другими.

Да и гдѣ человекъ безъ страстей? Тотъ, кто щеславится опчужденіемъ отъ нихъ, имѣетъ по крайней мѣрѣ страсть любоумдрія. Разумъ Стоика враждуетъ съ сердцемъ, но чувствованія въ немъ не истреблены; вся душа его находится въ одномъ разумѣ.

Другъ мой! время убѣлило власы наши; драма жизни нашей касается развязки, и гробъ

нища подъ ногами нашими отккрыта. На что лжеумспиваніями ускоряшь минути разрушенія? Нечувствительность иссушаетъ наши органы гораздо сильнѣе, нежели разрушающее время; желашь хладнаго равнодушія, значить желашь учаспи бездушнаго трупa.

Здѣсь не могу не удивляться странности судебъ нашихъ! Ты, Фоншенель, коего геній воспарялъ во святилище природы, — ты, который цѣлую половину столѣтія употребилъ на просвѣщеніе людей, — ты, который самую завись въ первый еще разъ заставилъ чинить твои подвиги, ты желаешь смерти; но я, который во все продолженіе жизни своей изъ оправляющей чаши пилъ горести — я, пережившій свои сочиненія, по одиѣмъ только несчастіямъ и твоей дружбѣ извѣстный моимъ согражданамъ, я хочу жить! Ты вырываешься изъ объятій счастья, бѣгущаго по слѣдамъ твоимъ; а я силюсь продолжашь помилельное чувствованіе бытія моего!

Страспи сутьъ душа нравственаго міра; человекъ можетъ уничтожить оныя не болѣе, какъ и разрушить вѣчные законы движенія, которое, производя шаготѣніе планетъ однихъ на другія, преняшствуетъ вселенной пасль во владычество безмолвнаго, мрачнаго ничтожества.

Не противоборствуй, другъ мой, побужденію Природы; не придавай ободреніемъ твоимъ важности древнимъ парадоксамъ. Какая нужда

тебѣ представлять изъ себя Зенона? Развѣ ты не Фонпенель?

Страсти для меня всегда гибельны; но между ими есть одна надежда, препятствующая мнѣ проклинаать ихъ. Въ юности былъ я пристрастенъ къ славѣ; — о! еслибъ я могъ быть столь же пристрастнымъ и къ добродѣтели! Теперь ощущаю по крайней мѣрѣ стремленіе къ дружбѣ. Сердце никогда не обманываетъ меня, возбуждая пламенные чувствованія, — и проч.

Лондонъ, 23 Января, 1741.

Юнѣб.

73.

Отъ Госпожи Франквилъ къ Жан-Жакъ Руссо.

Любезный другъ!

Письмо мое не должно разсердить васъ: оно есть дѣйствіе не власти, а свободы. Вы пишете ко мнѣ, когда хотите; для чего же не пишете и мнѣ, когда хочу? Сравненіемъ особенныхъ выгодъ своихъ рѣшимъ, могу ли безъ пресупленія желать равенства въ дружеской связи нашей. Выгоды, которыя общество даетъ моему полу, служатъ замѣною тѣхъ, которыя Натура даетъ вашему: и такъ оставимъ ихъ. У васъ — геній, рѣдкій, удивительный; у меня — сердце простое и доброе. Вы видите истину разумомъ: я нахожу ее чувствомъ. Ваша благодѣтельность, неиспощимая въ способахъ, можетъ все, чего

хочешъ: моя же, неиспощимая въ желаніяхъ, хочешъ всего, что можешъ. Вы наслаждаетесь справедливо славою: мое достоинство со- споишь въ помѣ, чтобы не имѣть славы, и я никакой не имѣю. Вы достойны монумента: я достойна соорудить его вамъ. Вы могли бы править вселенною, утвердивъ навѣки за- конъ разума: я могла бы сдѣлать счастли- вымъ хорошаго человѣка. Вашъ умъ обнимаетъ все важное: я умѣю цѣнить васъ. Фортуна въ слѣпотѣ своей дала вамъ не такой жребій, на который вы имѣли бы право: я безъ ослѣпле- нія наслаждалась ея дарами, и лишилась ихъ безъ сожалѣнія. Вы чувствительнѣе всѣхъ му- щинъ: я не превосходя, можешъ быть, чув- ствительностію всѣхъ другихъ женщинъ, по крайней мѣрѣ васъ нѣжнѣе. Вы не презрѣли жертвы моей: я не принесла ее безъ гордости. Вы любите во мнѣ себя: я люблю въ васъ только васъ, и мы оба справедливы. Правда, что вы меня старѣе; но какъ вѣкъ нашъ есть время красоты, то муштина въ 50 лѣтъ ра- венъ съ женщиною тридцатилѣтнею. Мнѣ ка- жется, славный другъ мой, что каждый изъ насъ въ своихъ отношеніяхъ имѣетъ равное право на уваженіе честныхъ людей.... И такъ пишу къ вамъ, когда мнѣ хочется, не опре- дѣляя времени для вашего отвѣта.

Франквилъ.

31 Марта, 1764.

Отъ ней же къ нему же.

Любезный Жан - Жакъ!

Сердечно благодарю васъ за то, что вы, не смотря на ваши огорченія, вздумали увѣрить меня въ непремѣнной дружбѣ своей. Но что для васъ зло, то не можетъ быть для меня удовольствіемъ; и я не хотѣла бы, чтобы вы такимъ образомъ заслуживали мою благодарность. Давно уже молчаніе стоить мнѣ дорого; и когда вы наконецъ считаете меня другомъ своимъ, то буду говорить искренно.... Уважаю слабость вашу. любезный Жан-Жакъ, но внутренно удивляюсь ей. Не надлежало ли вамъ готовить душу свою къ перпѣнію, когда вы посвятили перо свое истинѣ? Зная, какъ хорошо людей, какъ могли думать, чтобы они не возненавидѣли челоуѣка, осуждающаго ихъ нравы своею жизнію, и разящаго предразудки своими твореніями? Путь, вами избранный, ведетъ не къ спокойствію, а къ славѣ; вы это знали, — и рѣшительно, смѣло ступивъ на ея высочайшую степенъ, ужели не находите въ себѣ нужной твердости, чтобы великодушно сносить ея бѣдствія? Когда Авторъ Эмиля чистъ совѣстію передъ Богомъ, то можетъ ли онъ робѣть своихъ непріятелей? Не вамъ, а только любящимъ васъ, только мнѣ позволено жаловаться на злобу вашихъ гонителей: моя чувствительность не имѣетъ защиты, а ваша должна быть тверда

и невредима подъ эгидою великихъ истинъ, опкрытыхъ вамъ Небомъ и Геніемъ. Мнѣ не стыдно признаюсь, что судьба моего друга раздражаетъ меня прошивъ его ревности и любви къ истинѣ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы имѣли болѣе спокойствія въ жизни и менѣе славы въ свѣтѣ. Знайте, что я люблю васъ и плѣняюсь вашими паланшами; однакожъ, не смотря на то, нахожу, что вы сами причиною зла, которое терпите отъ жестокости людей. Новыя творенія ваши сколько ли благодѣтельны для счастія другихъ, сколько онѣ пагубны для вашего? Эмиль перемѣнилъ не свѣтъ, а только судьбу Автора. Ясность, которою вы озаряете понятія, до нынѣ темныя, болѣе ослѣпляетъ, нежели просвѣщаетъ людей обыкновенныхъ. Правда, что нѣкоторыя добрыя сердца воспользуются сѣменами добродѣтели, щедрою рукою разсыпанными въ семъ важномъ твореніи; но можно ли сравнить эту пользу съ угнетеніемъ чловѣка великодушнаго, и съ правомъ, даннымъ теперь всякому, быть клеветникомъ его?... Сохрани меня Богъ, чтобы я такими мыслями хотѣла опиятъ у васъ внутреннее утѣшеніе, единственное и великое! Вы сдѣлались бы истинно несчастнымъ, ежели бы могли усомниться въ справедливости и силѣ причинъ, заставившихъ васъ объявить войну обыкновеннымъ мнѣніямъ и предразсудкамъ; теперь вамъ останется только или совершенно пожертвовать само-

любимъ, или продолжатъ сію войну. Одно страданіе моего сердца, къ вамъ привязаннаго, заставляешъ меня осуждать авторскую опроверженность моего друга. Жалю, что опеченство ваше столь неблагодарно прошивъ своего знаменитаго гражданина; а еще болѣе жалю, что вы принуждены были опкрышь всей Европѣ тиранство его чиновниковъ, хваливъ прежде ихъ добродѣшель, и сказавъ, что надобно молчать и гнушаться Хамовымъ преступленіемъ. Простите, любезный Жан-Жакъ! Не думаю, чшобы вы могли огорчиться моею искренностію; а если можете, то хорошо, по крайней мѣрѣ, узнать это во время.

25 Февраля, 1765.

Франквиль.

75.

Отвѣтъ Жан - Жака Руссо.

Милоспивая Гусударыня!

Я чиналъ ваше письмо съ великимъ вниманіемъ, соображалъ всѣ обстояшельства, всѣ идеи; это было важнымъ дѣломъ для моего сердца. — Вы льстили мнѣ во время моего благополучія, и сдѣлались искреннею во время бѣдствій моихъ: несчастіе для чего нибудь полезно. — Я безъ сомнѣнія люблю истину; но если бы, къ несчастію, случилось мнѣ видѣшь друга въ сосшояніи, подобномъ моему, и если бы нельзя было сказать ему ни какой

ушѣшишельной истины, но я солгалъ бы съ радостію. — Всегда можно осуждать друга, когда онъ кажется виноватымъ; но если избираешь для сей искренности минушу его несчастія, то надобно прежде совершенно увѣриться въ винѣ его. Говоря, что надобно молчать и гнушаться преступленіемъ Хамовымъ, я былъ гражданиномъ Женевскимъ: теперь могу сказать истину тѣмъ, которые лишили меня сего достоинства. Я молчалъ, когда дѣло единственно до меня касалось; но бывають случаи, въ которыхъ должно говорить. Загляните въ предисловіе книги моей. . . . Прости, Маріанна.

Мотье. 10 Марта, 1765.

Руссо.

76.

*Отъ Фенелона къ Герцогу Бургундскому, отцу
Короля Людовика XV.*

Чадо Людовика! подражайте родителю своему; будьте, по примѣру его, крошки, чело-
вѣколюбивы, доступны, привѣтливы, со-
спрадательны и щедры. Величіе ваше не пре-
пятствуетъ вамъ благосклонно снисходить
къ малымъ и быть на мѣстѣ ихъ. Сіе благо-
снисхожденіе да не ослабляетъ ни власи ва-
шей, ни уваженія ихъ къ вамъ. Выслушивайте
все, что хотя нѣсколько заслуживаетъ вни-
маніе. Узнавайте людей непрестанно, и не
ввѣряя имъ себя, учитесь ими пользоваться.
Ищите истиннаго достоинства всюду до са-

мыхъ предѣловъ земли; оно обыкновенно живешъ уединенно и скромно. Добродѣтель никогда не полнился въ народъ, не имѣешъ ни зависти, ни жадности, и оставляешъ себя въ забытіи. Не попускайте окружать себя ласкательнымъ и пронирыливымъ людямъ; дайте имъ чувствовать, что вы не любите ни похвалъ, ни униженія. Являйте довѣренность только тѣмъ, кои въ случаѣ надобности опваживающся почтительно вамъ прекословить, и кои любящъ вашу славу болѣе, нежели благосклонность.

Сила и мудрость прославленнаго Лудовика ниспосылются вамъ, ежели будете просить оныхъ во смиренномъ признаніи слабости и безсилія вашего. Время уже вамъ показатъ міру зрѣлость ума и бодрость духа, настоящей нуждѣ соразмѣрныя. Благочестивый Лудовикъ въ ваши лѣта былъ уже утѣшеніемъ добрымъ людямъ и ужасомъ для злыхъ. И такъ оставьте всѣ забавы прошедшихъ лѣтъ; покажите, что вы обо всемъ мыслите и все чувствуете, о чемъ только должны мыслить и чувствовать. Надобно, чтобы добрые люди васъ любили, злые спрашились, и всѣ уважали. Снѣшите предварительно исправить себя, дабы потомъ съ пользою и другихъ исправить можно было.

Благочестіе не имѣетъ ничего ни слабаго, ни мрачнаго, ни принужденнаго; оно расширяетъ сердце; будучи просто и любезно, дѣлаешся всѣмъ все, дабы всѣхъ приобрѣсть.

Царство Божіе состоипѣ не въ заботливомъ наблюденіи мѣлочныхъ обрядовъ, но въ добродѣтеляхъ, каждому званію приличныхъ. Великій Государь не шакъ долженъ служипѣ Богу, какъ пустынникъ, или частной просшой чело-вѣкъ. Благочестивый Лудовикъ освятилъ себя въ великомъ Королѣ: въ войнѣ былъ неустрашимъ, въ совѣсахъ рѣшительнъ, и благородствомъ своихъ чувствованій превышалъ прочихъ чело-вѣковъ; однакожъ не имѣлъ ни гордости, ни жестокости. Онъ во всемъ искалъ одной истинной пользы своего народа, коему былъ и Государь и отецъ. Важнѣйшія дѣла разсматривалъ собственными очами; былъ рачительнъ, прозорливъ, умѣренъ, справедливъ и швердъ, въ дѣлахъ съ сосѣдами, шакъ что иностранцы столько же, какъ и собственные его подданные, на него полагались. Никогда не было Государя мудрѣйшаго въ управленіи народовъ и въ содѣланіи ихъ добрыми и счастливыми. Нѣжно и постоянно любилъ онъ всѣхъ, кого долженъ былъ любить; а припомъ съ швердostí исправлялъ своихъ любимцевъ, когда они дѣлали проступки. По обычаю своего времени былъ онъ пышенъ и благороденъ, однако безъ высокомѣрія и распотѣтельности; большія издержки его съ такимъ порядкомъ были располагаемы, что не препятствовало ему освободитъ ошъ долговъ свое Государство. Послѣ кончины его долго съ сожалѣніемъ воспоминали о его царствованіи, какъ шакомъ, которое долженствовало всякому другому слу-

жишь образцемъ на всѣ будущія времена. Предметъ всѣхъ разговоровъ составляли вѣсы, мѣры, монеты, обычаи, законы и благоустройство царствованія мудраго Короля, благочестиваго Лудовика. Думали, что нельзя ничего лучше сдѣлать, какъ повѣсить все подъ его правила.

И такъ, прежде нежели вы наследуете корону его, будьте наследникомъ его добродѣтелей. Призывайте его надежно въ нуждахъ вашихъ; воспоминайте, что кровь его течетъ въ вашихъ жилахъ, и что духъ Вѣры, освящавшій его, долженъ быть жизнію и вашего сердца. Онъ взираетъ на васъ съ высоты небесной, гдѣ молился за васъ, и желаетъ, чтобы нѣкогда и вы царствовали съ нимъ въ Богѣ. Соедините сердце ваше съ его сердцемъ: сыне! храни законы отца своего.

77.

Отъ Ганганелли, бывшаго послѣ Папою, къ Г-жѣ Базарди.

Пожалуйте не спрашивайте у меня совѣта о вступленіи вашего сына въ монашеское состояніе. Если я скажу, что онъ ничего лучше сдѣлать не можетъ, — вы подумаете, что я говорю по пристрастію къ своему сану; если же буду оповѣщать, что для него полезнѣе перестать о томъ думать, вы сочтете меня за монаха, чувствующаго отвраще-

щеніе къ своему состоянію, и увѣреннаго, что схимническая жизнь исполнена бѣдствій.

И такъ, Государыня моя, я вамъ ничего не скажу рѣшительно. Все имѣешь двѣ стороны: и дѣло въ шомъ состоишь, чѣмъ узнать, кошорая изъ нихъ лучшая, и послѣ прилѣпиться къ оной. — Если бы я могъ предвидѣть, что желающій принять монашество будетъ великъ въ ученіи и смиреніи, шо употребилъ бы всѣ свои силы, чѣмъ бы склонить его къ шому; но какъ не знаю, что изъ него быть можетъ, шо и не могу подать рѣшительнаго совѣта.

Ганганелли.

78.

Отъ него же къ Г-ну К. . . .

Уединеніе, которое вы избрали во глубинѣ своего сердца, разрѣшаетъ васъ искать другаго. Монастыри шѣмъ только и славятся, чѣмъ можно въ нихъ имѣть духъ сокрушенный; но не спѣны монашескихъ обитателей составляютъ ихъ достоинство. Почто оставляешь свѣтъ шому, кто можетъ въ немъ подавать примѣры добродѣтели? Миръ будетъ развращенъ, если всѣ честные люди станушъ покидать его. Мальтійскій орденъ, въ коемъ вы находились, не есть ли родъ монашескаго ордена? и не можешь ли также содѣлать васъ святымъ, если исполните всѣ должности, возлагаемыя онымъ? Жестокъ путь, отвлекаю-

щій насъ опъ общественной жизни; вступающій въ монашеское состояніе долженъ строго разсмотрѣть оное. Я почишаю пустынниковъ, но желалъ бы, чѣмъ ихъ было немного; кромѣ того, трудно найти истинныхъ монаховъ. Надобно помнишь, что мы раждаемся для общежитія. Свѣту нужны жилища, споспѣшствующіе благоустройству его своими дарованіями и благонравіемъ. Пустыни, въ которыхъ человѣкъ не являетъ никакихъ знаменъ жизни, подобны гробницамъ.

Пусть въ уединеніи спанете вы молитесь денно и ночью; но не можете ли воспарять къ Богу духомъ, живучи и посреди свѣта? Не многогласныя молитвы составляютъ достоинство моленія. Всеблагій Творецъ благоволилъ возвѣстити, что множествомъ словъ не приобрѣщается благодать небесная, и всякой чувствуетъ, что истинное благоговѣніе нисколько не зависитъ отъ онаго, и что нельзя долго молиться съ умиленіемъ. И такъ дѣятельность и трудолюбіе, имѣющія предметомъ благосостояніе общества, полезны и спасительны безпрестаннаго воздыханія. Больше сдѣлаете добра, помогая бѣднымъ, нежели когда сокрое-
тесь въ пустыню.

Ганганелли.

79.

Отъ него же къ Господжѣ Н. . .

Истинная набожность, Государыня моя, не состоитъ ни въ смиренномъ видѣ, ни въ тем-

Часть II.

26

номъ плащѣ. Большая часть богомольщицъ воображаютъ, не знаю, для чего, будто темной цвѣтъ | угоднѣе Небесамъ, нежели свѣтлой. Намъ изображаютъ Ангеловъ всегда въ бѣломъ. Мнѣ прошивно наружное смиреніе. Крошость не оиъ цвѣшу зависишь. Довольно соблюдашь благоприспособность въ одеждѣ, а благонравіе въ поступкахъ, чтобъ быть тѣмъ, чѣмъ должно.

Замѣшьте, сударыня, что женщина, которая злословитъ и бѣсится, обыкновенно бываетъ въ темномъ плащѣ, и что самымъ добродѣтельнымъ людямъ Евангеліе предписываетъ умывать лице свое въ день поста, дабы крошость духа доказывать не внѣшностію, но благими чувствованіями и дѣлами. — Твердо стою въ томъ, что для васъ не нужно перемѣнять ни вида, ни цвѣта своего плаща. Да будетъ ваше сердце съ Богомъ, и да оплодотворяется къ Нему всѣ дѣйствія ваши. Свѣтъ столько не шумитъ бы надъ набожностію, если бы сами богомольщики не подавали причины къ тому, бывъ исполнены ложною ревностію и желанія поработить всѣхъ оной.

Истинно набожный человѣкъ перенѣливъ, крошость, и скрываетъ слабости ближняго, когда не можешь извинить оныхъ; онъ смѣется съ тѣми, которые смѣются, плачетъ съ плачущими, согласно съ поученіемъ Апостола Павла, и мудрствуетъ не съ жаромъ, но равнодушно, зная, что умѣренность во всемъ полезна. Наконецъ, истинное благочестіе состоитъ въ милосердіи, безъ коего никакое

дѣло не можетъ быть совершеннымъ. Пустосвяты всегда готовы воспламениться противъ всего, что не согласно съ ихъ мнѣніемъ и правомъ. Самъ Спаситель не щадилъ ихъ во Евангеліи, научая насъ недовѣрять имъ.

Если вы почувствуете, сударыня, что нѣтъ ни спротивности, ни гордыни въ сердцѣ вашемъ, ни спранныости въ вашихъ дѣйствіяхъ, и что соблюдаете законъ Вожей безъ прищворства и безъ пристрастія къ мѣлочамъ; то можете быть увѣрены, что вы дѣйствительно на пути, ведущемъ ко спасенію. Паче всего старайтесь, чтобы домочадцы ваши были довольны своимъ состояніемъ. Содержите родственниковъ своихъ по ихъ состоянію, и не пренебрегайте, чтобы онѣ дѣлали то же самое, что вы дѣлаете: ибо вы имѣете особливую склонность къ изнуренію себя. Часто отвращающъ молодыхъ людей отъ набожности единственно тѣмъ, что пребываютъ отъ нихъ чрезвычайнаго. Мы сами утомляемся отъ поста и молитвы, не умѣя умѣрять себя. Жизнь общественная надежнаѣе, хотя имѣетъ многіе недоспадки. Неизвинительно воспрещая себѣ принимать посѣщенія отъ друзей, и опречаясь отъ всякихъ забавъ. Берегитесь, чтобы вашъ духовный отецъ не былъ слишкомъ таинственъ, и чтобы онъ наставленіями своими не содѣлалъ васъ вмѣсто Христіанки пустосвяркою.

Надобно ли намъ себя мучить, дабы прилѣпиться къ Богу? Законъ ясно учитъ насъ

тому, чему должно вѣрить и что исполнять. *Никогда не будетъ наставника лучше Евангелія.* Соединяйте уединеніе съ бесѣдами, дѣлайте знакомства, которыя не ввергали бы васъ ни въ задумчивость, ни въ разсѣяніе. Переменяйте чтеніе; естъ книги забавныя, которыя можно читать послѣ важныхъ. Святой Павелъ не возбраняетъ намъ мыслишь и говорить о пріятныхъ вещахъ. Любите бѣдныхъ шѣмъ паче, что вы въ состояніи помогать имъ. Законъ имѣетъ основаніемъ человеколюбіе; немилосердый и Христіаниномъ назваться не можетъ. Не совѣтую вамъ награждать монастыри: ибо сверхъ того, что они и такъ довольны, весьма несправедливо приводить въ бѣдность наслѣдниковъ, обогащая оныя. Свѣтъ безпрестанно ропщетъ на жадность, посвятившихъ себя монастырской жизни; и такъ не надобно людямъ подавать причины возобновлять жалобы свои на то. Наше богатство должно состоять въ славѣ, основанной на безкорыстіи, и на исполненіи всѣхъ добродѣтелей.

Хотя я и люблю свое состояніе, но никого не хочу преклонять быть къ намъ щедрымъ, ниже содѣлаться монахомъ. Боюсь быть виновникомъ укоризнъ и раскаянія; равно опасюсь и вамъ наскучить, продолжая свое письмо и лишая васъ удовольствія влачить дни свои въ мрачности и воздыхать непрестанно.

Ганганелли.

Отъ Графа Честерфильда къ сыну своему.

Всякая добродѣтель и всякое совершенство, сынъ мой, смежны со слабостію или порокомъ: щедрость часто превращается въ расточительность, бережливость въ скупость, храбрость въ безразсудство, а оспорожность въ боязливость. И такъ, дабы непреткновенно шествовать по стезѣ добродѣтели, должно имѣть больше разсудка, нежели сколько пошребно для уклоненія отъ пороковъ, кои по существу своему весьма отвращительны, и не могли бы обольстить насъ, если бы не прикрывались благовидною наружностію какойнибудь добродѣтели, кошорая сама собою столь прекрасна, что плѣняетъ каждого, кто познаетъ ее; производишь отъ часу большую къ себѣ привязанность, и восхищаетъ иногда духъ столь спремишельно, что и самый призракъ кажется намъ часто ея сущностію. И такъ ты, сынъ мой! всегда долженъ опасаться крайности и быть осмотришельнымъ. Есть люди, кои гордятся своимъ просвѣщеніемъ, и чрезъ то подвергаютъ себя порицанію и смѣху; но ты чѣмъ больше будешь знать, тѣмъ болѣе соблюдай скромность. Представляй всегда видъ сомнѣвающейся и размышляющей; ничего упорно не ушверждай, и если убѣдишь кого хочешь, кажись сперва самъ убѣжденнымъ; не представляй себя умнѣе тѣхъ, кои находясь съ тобою. Храни знаніе свое, какъ часы въ пошанен-

номъ карманѣ; не вынимай ихъ для показу, но дожидайся, пока спросятъ, которой часть — и тогда отвѣчай. — Прощай!

Честерфильдъ.

81.

Отъ него же къ тому же.

Сверстники твои, сынъ мой, всегда поступаютъ неосторожно въ избраніи себѣ друзей, и часто бываютъ добычею злыхъ, подлыхъ и лукавыхъ людей, починая искреннимъ другомъ перваго подлеца, который назовется ихъ пріятелемъ, и за сію ложную и обманчивую дружбу безразсудно платятъ безпредѣльною довѣренностію. Опасайся встрѣчи такихъ легкомысленныхъ; принимай всѣхъ учтиво, но соединяй учтивость свою съ недоувѣрчивостію; не открывай никому скоро мыслей своихъ, и никогда не полагайся на внушенія самолюбія своего: оно почти всегда обманываетъ. Истинное дружество весьма рѣдко, и возрастаетъ медленно, основываясь на взаимныхъ и довольно испытанныхъ услугахъ и на обоюдной сообразности чувствованій. У молодыхъ людей дружество весьма живо въ своихъ дѣйствіяхъ, но неосновательно и ненадежно. Сперва они служатъ другъ другу съ ревностію, при всякомъ случаѣ защищаютъ своихъ единомышленниковъ, и рассказываютъ не только все, что знаютъ, но и больше; при малѣйшемъ же приключеніи, противномъ чьей нибудь изъ

нихъ пользѣ или нравственности, вдругъ разлучаются, и вздумаютъ другъ о другѣ только тогда, когда надобно пересказать или осмѣять свои тайности.

И такъ тщательнѣе надлежитъ отличать друзей отъ товарищей, сынъ мой! Пріятный и забавный собесѣдникъ не рѣдко бываетъ вреднымъ другомъ. Всякаго равно опасайся; но никому не обнаруживай своего опасенія. Чрезмѣрная скромность несносна, но и нескромность опасна. Держись середины, и умѣй наблюдать оную. Есть люди, которые смѣшнымъ образомъ скрываютъ бездѣлицы, какъ величайшія тайны, а важнѣйшія дѣла сообщаютъ всѣмъ безъ разбору, и чрезъ то доказываютъ, что они могутъ владѣть только тѣмъ, что легко и не обременяетъ ихъ сердца и головы.

Старайся быть всегда въ хорошихъ обществахъ. Ихъ два рода: однѣ состоятъ изъ оптимѣнныхъ по своимъ способностямъ и добродушію гражданъ, а другія изъ придворныхъ особъ и людей, опличившихъ себя важными услугами отечеству. Бывъ у Г. Аддисона и Попе, сихъ славныхъ Писателей, я почиталъ общество ихъ превосходнымъ, и дружество ихъ было для меня несравненно лестнѣе, нежели обращеніе съ самыми вѣщеносными Особами. — Надѣюсь, что ты не забудешь моихъ наставленій.

Честерфильдъ.

Отъ Боало къ Расину.

Пока вы были въ Парижѣ, я видѣлъ только васъ; а съ того времени, какъ васъ не видно здѣсь, кажется, я никого уже не вижу. И такъ не ожидайте, чтобъ я заплашилъ вамъ за новостіи ваши также новостями: я никакихъ не знаю. Здѣсь же нынѣ и не говорятъ ни о чемъ иномъ, какъ только объ осадѣ Монса, о которой вы не имѣете нужды отъ меня слышать. Мнѣ весьма пріятно было обстоятельное извѣстіе, которое вы мнѣ о ней сообщили. Но признаюсь вамъ, что не могу спокойно сносить того, что Король подвергаетъ себя подобнымъ опасностямъ. Привычка его, не спрашиваясь того, что угрожаетъ опасностию, не соотвѣтствуетъ великому благоразумію, какое онъ во всѣхъ прочихъ поступкахъ своихъ оказываетъ. Возможно ли, чтобы Государь, поступающій съ такою оспороженностію при осадѣ Монса, столь мало берегъ жизнь свою? Знаю, что онъ можетъ привести въ извиненіе себѣ Александра Великаго и Цесаря, которые также подвергали себя явнымъ опасностямъ; но хорошо ли и они дѣлали? Не думаю, чтобъ онъ читалъ Гораціевъ стихи: *desipit exemplar vitiis imitabile*.

Радуюсь, узнавши, что вы живете въ одномъ монастырѣ и даже въ одной кельѣ съ Г-мъ Лавуаромъ. Хотя это жилище и пѣсноваго, однакожь я надѣюсь, что правило на-

блюдается тамъ не слишкомъ строго, и за обѣдомъ ничего не чипають, развѣ только такія письма, какъ мои. Не говорилъ ли я вамъ, что я не имѣлъ причины жалѣть объ васъ, когда вы оправились въ пушъ съ такимъ человекомъ, каковъ онъ, съ кошорымъ, находясь вмѣстѣ, можно найсти всѣ возможныя удобства, и позабыть всѣ возможныя безпокойства? Сверхъ того вижу, что вы стали уже опытнымъ солдапомъ, и привыкли ко всѣмъ пыгоснямъ, познакомились со всѣми опасностями; вижу, что вы при Монсѣ возвратите себѣ свою славу, и что всѣ колкія на смѣшки, касающіяся до отъѣзда изъ Гама, на меня одного обращаются. Г. Кавуаръ и началъ уже изрядно пригопвлять меня къ тому. Дай только Богъ, чтобъ я могъ слышать ихъ, хотя и подвергаюсь опасности худо на нихъ отвѣчать. Не пощаю отъ васъ, что болѣзнь моя не только усиливается, но и сомнѣваюсь, чтобъ я могъ отъ нее вылѣчиться; но за то совсѣмъ вылѣчился я отъ честолюбія и щеславія. И въ самомъ дѣлѣ не знаю, не лучше ли избавишься отъ этой болѣзни, нежели отъ какой нибудь другой: ибо чѣмъ далѣе вижу себя отъ почестей и богатствъ, тѣмъ болѣе, кажется, приближаюсь къ удовольствію. Послѣ вашего отъѣзда только одинъ разъ былъ я въ нашемъ собраніи. Г. Дела Шапель, какъ вы легко можете угадать, не позабылъ предложить выбить медаль на осаду Монса, и проч.

Боало.

Отъ Расина къ сыну своему, которому надлежало отправиться ко Двору.

Извѣстно уже, что мы поѣдемъ отсюда въ Пикардію. И такъ я не увижусь съ тобою еще около двухъ недѣль. Но какъ ты никогда не выходишь у меня изъ памяти, то долженъ я дать тебѣ еще нѣкоторыя наставленія, какъ вести себя надобно, — наставленія, которые почитаю необходимо для тебя нужными.

Во первыхъ ты долженъ наблюдать крайнюю осторожность въ разговорахъ, дабы не сочли тебя болтуномъ. Въ томъ мѣстѣ, куда ты отправляешься, это самой дурной порокъ въ молодомъ человѣкѣ. Во вторыхъ, охотно принимай совѣты Г-на Вигана и его супруги: они любятъ тебя, какъ роднаго своего сына. Не забывай своего ученія, и непрестанно старайся изощрять свою память. Возвратившись, потребую отъ тебя отчета во всемъ, что ты читалъ. Особенно ты долженъ будешь показать мнѣ извлеченія свои изъ отечественной исторіи.

Ты помнишь, что я говорилъ тебѣ о комедіяхъ и операхъ. Онѣ будутъ играны въ Марли. И для тебя и для меня весьма нужно, чтобъ никогда тамъ не видали тебя, особливо по той причинѣ, что ты приѣхалъ въ Версалию упражняться въ экзерциціяхъ, а не для сихъ веселостей. Король и всѣ придворные знаютъ,

что я почитаю за непристойное ходить въ комедию; и ты подалъ бы невыгодное мнѣніе о себѣ, если бы показалъ столь мало уваженія ко мнѣ и къ моимъ правиламъ.

Паче всего совѣтую тебѣ пещись о своемъ блаженствѣ, и никогда не перяшь любви къ Вѣрѣ, которую я въ тебѣ примѣтилъ. Ничѣмъ въ свѣтѣ не могу столько быть огорченъ, какъ узнавъ, что ты мало думаешь о Богѣ. Прошу тебя принявъ сіи наставленія съ такою же дружбою, съ какою даю ихъ тебѣ. Прости, любезный сынъ! Увѣдомляй меня чаще о томъ, какъ ты обрѣтаешься.

Расинъ.

84.

Отъ Г-на Дю-Патти къ своему другу.

Любезный другъ! я приѣхалъ вчера ввечеру очень поздно въ Римъ, и не могъ во всю ночь сомкнуть глазъ. Мысль: ты въ Римѣ, занимала мою душу. Вѣки, Императоры, народы, все, что обширное слово Римъ содержитъ въ себѣ величественнаго, привлекательнаго, шрогательнаго, ужаснаго, одно за другимъ или вмѣстѣ выходило изъ него и окружало мою душу. Я неперпѣливо ожидалъ, когда первые дневные лучи покажутъ взорамъ моимъ сію древнюю столицу вселенныя.

Наконецъ вижу Римъ; вижу сей театръ, на которомъ человѣческая природа была все то, чѣмъ она когда-либо можетъ быть; сдѣ-

лала все, что можешь сдѣлать; раскрыла всѣ добродѣтели, выспавила всѣ пороки, произвела величайшихъ героевъ и ненавистнѣйшихъ чудовищъ, возвысилась до Брута, унизилась до Нерона, и опять вознеслась до Марка Аврелія. Воздухъ, которымъ я теперь дышу, есть шомъ, который Цицеронъ поражалъ красно-рѣчивыми рѣчами, Цесарь сильными и спрашными словами. И пакъ на сей-то землѣ текло столько крови! въ сихъ-то стѣнахъ пролило столько слезъ! здѣсь-то Горацій и Виргилій чищали прекрасные стихи свои!

Пойдемъ. Но куда идти? Среди Рима я пакъ, какъ среди океана; при Рима, какъ при части свѣта, въ одно время представляющся моимъ взорамъ: Римъ Августовъ, Римъ Льва X и Римъ нынѣшняго Папы. Въ который изъ нихъ прежде сходишь? они всѣ вмѣстѣ зовутъ меня къ себѣ. Гдѣ Капитолія? гдѣ музеумъ Клименша XIV? Поведите меня къ Типовымъ триумфальнымъ ворошамъ; возьмите меня въ Пантеонъ; покажите мнѣ Свяшую Дѣву Марію. Я хочу посмогрѣть Рафаелеву картину Преображенія Господня. Я не вижу Бельведерскаго Аполлона. Какъ можно избрать что нибудь въ Римѣ? можно ли шомъ останошшь на чемъ свои взоры?... Мнѣ надобно начать бродить по въ шу, по въ другую сторону, чтобы пришупить сію первую неперпѣливостъ видѣть, которая всегда бы мѣшала мнѣ смогрѣть.

И пакъ я въ Римѣ! я въ шомъ городѣ, на который взираетъ вся вселенная! Здѣсь нѣтъ

ни одного камня, который бы не скрывалъ въ себѣ драгоцѣннаго познанія, который бы не могъ служить къ сооруже́нію исторіи о Римѣ и художествахъ: умѣйше ихъ спрашивать, — они говорятъ.

Прощай. Черезъ нѣсколько дней узнаешь болѣе.

Дю-Патти.

85.

Отъ Г-на Доберваля къ Графинѣ Моанъ.

Какою благодарностію я вамъ обязанъ! Бывъ всегда осыпанъ, преисполненъ и даже обремененъ вашими благотвореніями, вновь испытываю нынѣ непримѣрную вашу ко мнѣ милость. Я погруженъ былъ въ ужасную бездну злосчастія, находился въ неоплатныхъ долгахъ чрезъ распочительность, свойственную молодости, и нѣкоторымъ образомъ извинительную въ разсужденіи моего состоянія, также чрезъ роскошь, въ которую я вовлеченъ былъ знакомствомъ съ знаменными людьми, и чрезъ игру, содѣлавшуюся неизбежною. Все это не давало мнѣ ни малѣйшаго права надѣяться нанисхожденіе ваше — и я, терзаемый своими заимодавцами, и вовсе не находя средства къ ихъ удовлетворенію, принялъ-было намѣреніе оставивъ опечесство и удалиться въ Россію, куда былъ призываемъ, и гдѣ надѣялся провесити остальные дни мои не въ такой горести, которая здѣсь пожирала меня.

Но вы, Милостивая Государыня, внезапно испоргли меня изъ пучины бѣдсвѣй, и заставили цѣлый Дворъ и всѣхъ знатныхъ Особъ споспѣшествовать возстановленію моего благополучія, — и ушверждая, что какъ всѣ они восхищались мною, то всѣ и обязаны способствовать къ сохраненію меня, произвели подписку, и успѣли въ своемъ желаніи осчастливить меня. — Прежде сего Маркиза Помпадуръ, всегда ободрявшая дарованія и науки, учредила въ пользу Желіота лотерею, для Гранвиля балы, а для Моле позорища; нынѣ же предоставлено вамъ ознаменоватъ себя величіемъ благошворенія въ пользу того, коего погибель казалась неминуемою. Живописное, рѣзное и ваятельное Художества спорятъ уже между собою въ славѣ при изображеніи поразительныхъ прелестей вашихъ для взоровъ удивленной Европы. Музы увѣнчали уже васъ вѣнками своими, и Фернейскій старецъ принесъ вамъ дары оупъ Парнасса. Да преидетъ въ ваши руки скипетръ, упавшій изъ рукъ обожаемой Маркизы, и да пріобрѣтутъ дарованія въ васъ вѣпорую Минерву! А я, обрѣтая въ васъ благодушіе, соопвѣтствующее славѣ имени вашего, пребуду во всю жизнь съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностію, и проч.

Доберваль.

Отъ Лорда Гервея къ Госпожѣ * * *

Недавно приглашенъ я былъ въ деревню къ одному изъ моихъ пріятелей, и имѣлъ пущь споль веселой, что для изображенія онаго недоспашочно и искусство славнѣйшаго живописца. Погода была самая прекрасная: не было тогда ни ошягчительнаго жару, ослабляющаго силы, ни пронзительнаго хладу, коего щцательнѣно убѣгаете вы для сохраненія нѣжнѣспиланищъ своихъ. Зефиръ разносилъ повсюду ароматы благовонныхъ растѣній; небо покрыто было не густыми молніеносными, но легкими и сребровидными облаками, кои временно заспилали солнце, и сѣнію своею умѣряли силу шеплошворныхъ лучей его. Сопутникъ мой одаренъ былъ швердымъ и здравымъ разсудкомъ, и довольно просвѣщенъ чпеніемъ и опытами; онъ долго разсмапривалъ свѣшъ, и видѣлъ его, какъ человѣкъ, коего никакой блескъ не могъ отвращать отъ проницанія въ самую сущность дѣлъ; разговоры его плѣняли слухъ мой и сердце, и все усугубляло во мнѣ чувство удовольствія.

Проѣхавъ долины, покрытыя богатыми жашвами и возвѣщавшія шрудолубіе сельскихъ жишелей, чудился я промыслу Всевышняго, ежегодно оживошворящему предъ очами нашими Природу, и съшовалъ объ ослѣпленіи людей, въ семъ преобразованіи непознающихъ безсмертія своего и шого высокаго назначенія,

о коемъ и внутренній гласъ возвѣщаетъ всякому, имѣющему способность размышлять.

(Спустия нѣсколько времени послѣ того).

Уже наступала осень. Дни текутъ скорѣе, ночи увеличиваются и влачатся тихими стопами; пасмурныя облака надуваются, и объемля весь горизонтъ, скрываютъ отъ взоровъ нашихъ лучезарное свѣшило, наполняютъ воздухъ холодною влагою, и умаляютъ жизненный огонь во всѣхъ существахъ, чувствами одаренныхъ. Воззрите на древа: онѣ совлекаются нѣжной своей одежды, красота ихъ вянетъ, и листья лешающъ съ нихъ во всѣ стороны; иныя уподобляясь дряхлому и препещущему старцу, поддерживаются токмо слабою своею подпорою до шѣхъ поръ, пока дуновение вѣтра не преломитъ оной и не повергнетъ долу.

Вотъ, Милоспивая Государыня, предзнаменованіе, поражающее гибельною участію красоту нашу! Сколь кратко и ненадежно благоденствіе шѣхъ женъ, коимъ легкомысліе и развращъ воздвигаютъ кумиры токмо во дни цвѣтущихъ ихъ прелестей; а какъ скоро увянутъ онѣ, всеобщее презрѣніе и скорбь осягаютъ сердце и душу ихъ, и онѣ уподобляются древамъ, лишеннымъ свѣжести и красоты своей, и при паденіи своемъ не возбуждающимъ ни въ комъ жалости! Наружная красота не составляетъ нашего совершенства, и означаетъ небесное благословеніе только тогда, когда добродѣтель и разумъ бываютъ неразлучны съ нею; если же служимъ единымъ

шокмо покровомъ внутреннихъ слабостей и порочныхъ навыковъ, то изображаешь не иное что, какъ даръ Небесъ разгнѣванныхъ.

Гервей.

Отъ Г-на Попе къ Епископу Рочестерскому, который долженъ былъ, по волѣ Правитель-ства, отправиться въ заточеніе.

Исполняя обѣщаніе мое, еще пишу къ вамъ, и, можешь быть, какъ я уже опасаясь, пишу въ послѣдній разъ. Скоро уже опустишься за-вѣса между другомъ моимъ и мною, и не останется мнѣ ничего болѣе, какъ проспитъ-ся съ вами навѣки. О! когда бы вы могли и въ сей еще жизни наслаждаться тѣмъ спокойнымъ состояніемъ, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, по окончаніи ея воспослѣдуетъ, и въ коемъ совершенно забудемъ о томъ мірѣ, откуда вышли, и приготовимся къ тому, куда намъ войти должно. Если же останется еще въ васъ нѣкоторое воспоминаніе прошедшаго, то во-ображайте себѣ только то, что вамъ болѣе всего приносило удовольствія. Иногда во сновидѣніи представьте себѣ отсутствующаго друга, или вспомните какой нибудь пріятный разговоръ. Вообще надѣюсь, я, будете думать о прошедшемъ времени менѣе, нежели о будущемъ: ибо первое не столько для васъ было пріятно, сколько будетъ послѣднее. Не лишайте

свѣтъ трудовъ вашихъ: они послужають въ пользу тѣхъ людей, на которыхъ не имѣете ни малѣйшей причины жаловаться, то есть: въ пользу потомковъ; а кромѣ ихъ, ничто уже въ ваши лѣта не заслуживаетъ попеченія. Каждый годъ въ жизни мудраго человѣка есть крипика на прошедшій годъ. Чья жизнь была короче всѣхъ, и шомъ жилъ уже споль долго, что можете смѣяться надъ половиною своей жизни. Нынѣ, можете быть, начнете вы находить въ мужескихъ лѣтахъ своихъ много дѣтскаго; и не возможно, чтобы вы пустили спароспи своей бытъ вторымъ младенчествомъ. Игрушки и куклы, приличные дѣтскому возрасту, нынѣ будутъ казаться вамъ едва ли ниже игрушекъ зрѣлыхъ и къ спароспи склоняющихся лѣтъ: барабанчиковъ и гремушекъ честолубія, грязи и водяныхъ пузырей сребролюбія. Теперь, отдѣлившись отъ малаго общества и спавши гражданиномъ всего міра вообще, вы должны посвящать дарованія свои не одной какой нибудь партіи, или немногимъ людямъ, но всему человѣческому роду. Духъ вашъ долженъ вознестись выше той мглы, копорою долго былъ окруженъ, по близости своей къ землѣ, и по участию, принимаемому имъ во всемъ временномъ. Въ нынѣшнемъ вашемъ состояніи спараніе и слава ваша должны состоять въ шомъ, чтобы сіять въ высотѣ небесной. Вспомните, что величайшія свѣтила древности наипаче блиспали въ уединеніи, въ ссылкѣ, или на одрѣ смерпномъ. Но

что я говорю о блистаніи? Въ сіе-то время шворили они благодѣянія, распространяли просвѣщеніе и были руководителями земнородныхъ.

Такія только намѣренія достойны истинно великаго духа; а потому надѣюсь я, что и вы примете оныя. Хотя негодованіе можетъ оставаться и въ самыхъ благороднѣйшихъ душахъ, и можетъ быть, нельзя совершенно изгнать его; но мщеніе — сія постыдная спраснь — никогда обитать въ нихъ не можетъ. Правила, превосходнѣйшія правилъ, внушаемыхъ негодованіемъ, и лучшія внушаемыхъ мщеніемъ, безъ сомнѣнія будутъ одушевлять такого человѣка, котораго мысли и чувствованія не заключающія въ пѣсныхъ предѣлахъ, и заставляя его предпочитать весь родъ человѣческой части онаго, особливо столь малой части, каковъ есть одинъ человѣкъ.

Повѣрьте мнѣ, Милордъ, что я почишаю васъ уже духомъ, вступившимъ въ другую жизнь, стоящимъ теперь при вратахъ безсмертія, гдѣ спрасни и желанія должны быть гораздо возвышеннѣе, и гдѣ должно вамъ презирать всѣ низкіе и малые виды. Ничто уже не достойно заставить васъ обратишь взоръ свой назадъ. И такъ устремляйте мысленныя очи свои вдаль, и заставляйте свѣтъ — какъ только вы можете — смотрѣть въ слѣдъ за вами; но старайтесь, чтобы онъ взиралъ на васъ не съ сожалѣніемъ, но съ удивленіемъ и почтеніемъ.

Со всею искренностію и съ ревностнѣйшимъ желаніемъ вамъ славы и благополучія пребываю, и проч.

Попе.

88

Отъ Христины, Шведской Королевы, къ Г-ну Бурделоту.

Благоразумно вы поступили съ книгою, прошивъ меня изданною. Благодарю за ваше ревностное усердіе ко мнѣ. Я готова прощать и забывать всѣ обиды, наносимыя мнѣ коварствомъ; онѣ пагубны только гнуснымъ виновникамъ ихъ. Впрочемъ, должно сколько нибудь защищать свою славу. Въ здѣшнемъ мірѣ нѣтъ никому пощады. Недремящая и все перзающая злоба всегда уязвляетъ злорѣчивымъ своимъ языкомъ не глупыхъ и злыхъ, но умныхъ и добрыхъ. Я привыкла къ неблагодарности людской, и клевета, изрыгаемая завистію и злословіемъ, меня уже не оскорбляетъ. Мой щипъ—спокойная совѣсть. Швеція, Италія и прочія страны будутъ по крайней мѣрѣ по смерти моей свидѣтели правоты моего сердца. Слава моя утверждена на прочномъ основаніи — и мнѣ нѣчего спрашивать. Ссылаюсь на пришедшихъ въ чувство многихъ клеветниковъ моихъ; и увѣрена, что они, внявъ внушенному своему гласу, будутъ перзаться и онѣ одного воображенія ядовитыхъ своихъ вымысловъ. Помянутая книга не нра-

вишся мнѣ болѣе потому, что въ ней выставлено имя посланника Шанута. Я увѣрена, что не онъ издалъ ее, и удивляюсь дерзости, съ кошорою помрачаютъ память сего честнаго человѣка. Впрочемъ чувствованія, копорыя Швеція при первомъ моемъ съ нею разлученіи явно оказала и до сихъ поръ сохраняетъ, столь славны для меня, что совершенно оправдаютъ вѣкъ мой. Надѣюсь также, что прошедшая, настоящая и будущая жизнь моя изобличитъ во всей гнусности ложь, копорую зависть разсѣваетъ обо мнѣ. Въ заключеніе сего напомнимъ слова, въ подобномъ случаѣ произнесенныя нѣкопорымъ Италіянскимъ Писателемъ порицателю Папы: *Знай, что Папа останется всегда Папою, а ты — подлецомъ!*

Христина.

Отъ нее же къ Графинѣ Свирѣ.

Сколь счастлива была бы я, если бы могла видѣть васъ, прекрасная Графиня! но судьбѣ угодно, чтобы я любила и почитала васъ, вездѣ искала и нигдѣ не обрѣтала. Навѣки сокрылось отъ меня спокойствіе: безъ васъ не могу наслаждаться онымъ, — а вы удалены отъ меня безмѣрнымъ пространствомъ! Приверженность моя къ вамъ повсюду однако же васъ ищетъ. Возможно ли, чтобы вы, Графиня, по нынѣ помнили меня? Я увѣрена, что вы искренно любите меня; но если обманываюсь

по крайней мѣрѣ не выводите меня изъ сего пріятнаго заблужденія, и позвольте наслаждаться воспоргомъ, коимъ всегда объемлется мое сердце при воспоминаніи, что прекраснѣйшая особа въ свѣтѣ любитъ меня. Сохраните для меня сіе благо, и не допустите воспоржествовать надъ нами все ослабляющему и разрушающему времени. Пусть охлаждающая сила разлуки явится слаба хотя предъ нашею только дружбою. Не думайте, чтобъ спрана, въ кошорой я нахожусь теперь и гдѣ нѣкогда обихали великіе люди, оставившіе на всѣ времена слѣды знаменитыхъ дѣлъ своихъ, былаи поднѣсь жилищемъ мудрыхъ и Героевъ, или убѣжищемъ талантовъ и добродѣтели. О Кесарь, Катонъ и Цицеронъ! вашими подвигами прославленное отечество досталось въ удѣлъ — къ стыду челоѳчества — грубому невѣжеству и суевѣрію! Здѣсь не столько истинныхъ людей, любезная Графиня, сколько обелисковъ, сташуй и огромныхъ зданій.

Я вездѣ воспоминаю васъ, и время не имѣетъ власти надъ нашею дружбою. Обозрѣвъ въ прекраснѣйшей спранѣ всѣ прелести и красоты нашего пола, смѣло могу сказать, что никто не можетъ равняться съ вами. Въ дружествѣ, испытанномъ долговременнымъ опсушествіемъ, никакое подозрѣніе не должно имѣть мѣста, и я, доколѣ буду жишь, не престану любить васъ.

Христиана.

Отъ нее же къ Г-ну Терлону.

Вы желаете знать мнѣніе мое о гоненіи иновѣрцевъ во Франціи. Я готова открышь вамъ все, и не имѣя причины кого либо спрашиваться или кому нибудь льстить, безпристрастно скажу, что сіе ужасное предпріятіе, противное благочестію, можетъ сопровождаться только самыми вредными для Государства слѣдствіями. За всѣ Державы свѣта не согласилась бы я быть участницею пѣхъ несповсвѣ и жестокостей, какія нынѣ шутъ совершаются. Оруженосцы суть опасные проповѣдники вѣры: они производятъ надъ кропками собратіями своими неслыханныя злодѣйства, на какія никогда не пускаются даже среди самаго кровопролитнаго бою на Марсовомъ полѣ. Оплакиваю судьбу многихъ тысячъ несчастныхъ семействъ, и не могу открышь глазъ, чѣмъ они не наполнились горькими слезами.

Франція подобна больному младенцу, у коего отнимаютъ многіе члены, врачуя легкую рану, для изцѣленія своего не пребудущую ничего, кромѣ времени или мягчительнаго пластыря. Гордые обраптили, не сообразуясь примѣру Спасителя, имѣютъ въ виду не общественное, но собственное благо. Содрогаюсь отъ высокой ихъ полишки, противной чловѣчеству и священнымъ законамъ. Польза

церкви столь же важна для меня, какъ и собственная моя жизнь. Ясно вижу, что не она, но единое неистовство, облеченное въ броню ея, попрясаетъ нынѣ основаніе Франціи; и если благоразуміе не прекратишь вскорѣ его дѣйствія, то вездѣ будетъ свирѣпствовать опустошеніе, опчayanіе дойдетъ до высочайшей степени, и несчастные будутъ искать убѣжища у иностранцевъ. Вообразите заженный вдругъ со всѣхъ сторонъ городъ, изъ коего испуганные и опчayaнные жители бѣгутъ толпами, попираютъ другъ друга, и въ ужасномъ безпорядкѣ супруги не узнаютъ себя, младенцы и старики обращаютъ къ небесамъ томные свои взоры, и устремляющія тудѣ, гдѣ только не видятъ пламени: тогда будете имѣть существенное изображеніе состоянія людей, гонимыхъ суевѣріемъ, ищущихъ себѣ спасенія у чуждыхъ народовъ, внемлющихъ болѣе гласу человѣчества, нежели проповѣдниковъ. Многіе мирные вѣки не могутъ вознаградить бѣдствій, претерпѣнныхъ въ одинъ день торжества буйственныхъ головъ.—Прости, любезный Терлонъ! перо выпадаетъ изъ руки моей: оно не можетъ болѣе описывать злодѣяній, спыдомъ покрывающихъ вѣкъ нашъ.

91.

Отъ Маркизы Полипадуръ къ ея дочери.

Я получила касательно тебя такое письмо, которое меня огорчаетъ. Ко мнѣ пишушь,

что ты поступаешь высокомерно и повели-
тельно съ подругами своими, и что оказы-
ваешься весьма непослушною. Почто оскор-
бляешь сердце своей матери? для чего приво-
дишь ее въ печальную необходимость жало-
ваться на тебя? Я столько разъ давала тебѣ
наставленія быть крѣпкою, скромною и ла-
сковою: ибо сіе есть единственное средство
угодить Богу и людямъ. Неужели ты такъ
скоро забыла мои наставленія? неужели хо-
чешь мать свою привести въ необходимость
краснѣть отъ тебя? Надѣюсь, что ты пере-
мѣнишь свои поступки изъ уваженія ко мнѣ
и къ себѣ самой. Оставь высокомеріе: оно не
прилично никому, а еще менѣе всѣхъ тебѣ.
Если я воспитала тебя, какъ Принцессу: то
помни, что ты весьма далека отъ того,
чтобъ быть дѣйствительно такою. То са-
мое счастіе, которое возвысило меня, можетъ
перемѣниться, и сдѣлать меня несчастнѣйшею
въ свѣтѣ женщиною. Въ такомъ случаѣ ты
будешь то же, что и я, то есть, ничто. Про-
щай, любезная дочь! ты знаешь, что я дышу
единственно для тебя. Если общаешься ис-
правишься, то я прощаю и обнимаю тебя.

Полпадурѣ.

Отъ Маркизы Полпадурѣ къ Г-ну Монтескье.

Я получила вашу книгу. *О существѣ зако-
новъ*, и весьма благодарю васъ за оную: она

чрезвычайно хороша, и первое мѣсто занимаетъ въ моей малой книгохранилищѣ, состоящей только изъ твореній шѣхъ Особь, которыя, подобно вамъ, приносятъ честь Франціи, и возбуждаютъ ревность въ иностранцахъ. Вы заслуживаете имя законодателя Европы, и я не сомнѣваюсь, чтобы въ скорости всѣ единодушно на сіе не согласились. Какъ я теперь имѣю нѣсколько свободнаго времени, то хочу посвящать оное себе съдованію съ вами.

Вы говорите: не возможно, чтобы законъ Христіанскій еще болѣе яши сошъ лѣшъ могъ существовать въ Европѣ. Правда, что большая часть нашего дружества употребляетъ всевозможное стараніе, дабы честолобіемъ и неперпимостию иновѣрія испребишъ оный. Но злоупотребленія никогда не помрачатъ чистоты вѣры, составляющей единственное основаніе человѣческаго счастья. — Законъ Христіанскій ушѣшишелень и душеполезень: надобно только изпровергнушь злоупотребленія, опсѣчь безполезные сучья, но соблюсти древо. Я иногда слыхала, какъ говорили объ Англійскихъ Квакерахъ: они почишаютъ себя внушенными Св. Духомъ, чтобы въ собраніяхъ своихъ говорить безумства; но ревность ихъ въ уничтоженіи честолобиваго духовенства, забывшаго истинныя свои обязанности, ни мало не предосудительна. Законъ хорошъ; одни лжеумствующіе пропо-

вѣдники онаго часто бывають вредны. Вижу, что Римская вѣра ежедневно дѣлаеть худыми подданныхъ, признающихъ чужую власть надъ собою въ своей землѣ. Епископы наши не сущь Французы, но подданные Папы.

Благодарю васъ, Государь мой, за ваши учтивости, и хощя не заслуживаю ихъ, но онѣ возбуждаютъ во мнѣ нѣкоторое щеславіе, увѣряя меня, что вы имѣете ко мнѣ уваженіе. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Г-жѣ Дюшессѣ Дегильйонѣ. Она весьма благополучна, видя васъ всякой день и разговаривая съ вами; но я не имѣю равнаго удовольствія бесѣдовать съ благоразумными людьми: ибо такихъ здѣсь нѣтъ. Однихъ только испукановъ мы имѣемъ, и ни единого человѣка, исключая Короля. Приѣзжайте иногда посѣщать, научать и упѣшать меня.

Полпадурѣ.

93.

*Отъ Г-жи Фукетѣ къ Королю Людовику XVI
о мужѣ ея, осужденномъ на вѣчное заключеніе.*

Всемилоспивѣйшій Государь!

Сего дня величайшее торжество въ свѣтѣ, торжество Вашего Величества, торжество великаго Святаго и Великаго Государя, причисляющаго долготерпѣніе и милосердіе къ божественнымъ и геройскимъ своимъ добродѣтелямъ. Но сколь ни славенъ сей день, однако

былъ бы еще несравненно достопамятнѣе попомству, если бы Ваше Величество прославили его прощеніемъ несчастнѣйшаго изъ подданныхъ Вашихъ, который болѣе всего мучился тѣмъ, что Васъ прогнѣвалъ. Всѣ цвѣтши, которые Ваше Величество получили въ сей день, завтра увянутъ; но если бы мы получили отъ Васъ то, что только Ваше долготерпѣніе и великодушіе надѣялись намъ позволяющъ, то Вы, Всемилошпвѣйшій Государь, увѣнчали бы себя цвѣтами неувядаемыми, которые со всякимъ днемъ, со всякимъ годомъ, со всякимъ сполѣтіемъ воспринимали бы новый блескъ. Дерзаю заклпнать Васъ, Всемилошпвѣйшій Государь, тѣмъ, что Вашему Величеству всего любезнѣе: собственною Вашею честію, чшобъ Вы въ сей радостный день облегчили мою горестъ, — и молю Бога, да содѣлаетъ Ваше Величество навѣки споль же благополучнымъ, сколько я несчастна.

Фукетъ.

Отъ Г-жи дю-Монтъе къ ея дочери.

Собери всю твою преданность къ волѣ Провидѣнія, любезная дочь! Опца твоего нѣтъ уже на свѣтѣ. Приближается та минута, которая соединитъ меня съ моимъ супругомъ. Можетъ быть, это письмо мое къ тебѣ послѣднее. Желала бы я написать его своею рукою; но слабость моя лишаетъ меня сего удо-

вольствія. Родитель твой скончался, какъ праведникъ; и мнѣ не остается ничего болѣе, какъ благодарить за то Бога. Желала бы я скрыть отъ себя образъ смерти его, но ты рано или поздно узнала бы о томъ, и такъ я только продлила бы время твоей горести.

Одинъ Дворянинъ, нашъ сосѣдъ, который хотя и могъ хвалиться своимъ родомъ, но правомъ принадлежалъ къ черни, часто приходилъ въ наше помѣстье на охоту. Несчастный отецъ твой засталъ его при самомъ дѣлѣ, и сдѣлалъ ему выговоръ, можетъ быть, и слишкомъ суровой. Онъ былъ безоруженъ; а злодѣй имѣлъ заряженное ружье, и проспрѣлилъ его двумя пулями. Умиращаго отца твоего принесли домой; и почти въ то же самое время трое крестьянъ, поймавши убійцу, привели къ намъ. Первое стараніе моего супруга было приказать сперечь сего несчастнаго и послать за опцомъ его, хотя мы съ нимъ уже нѣсколько лѣтъ были въ несогласіи. Онъ возвратилъ ему сына его и далъ крестьянамъ денегъ, чтобъ они никому не сказывали объ немъ. Собравши дѣшей нашихъ, онъ взялъ съ нихъ кляшву въ томъ, что они никогда не будутъ стараться мстить за смерть его. Потомъ онъ ни о чемъ уже болѣе не думалъ, какъ только приготоовиться предстать предъ Бога. Онъ былъ живъ еще 5 дней, и во все это время не переставалъ приывать милосердіе Божіе, и весьма часто повторялъ сіи

слова: „Боже мой! проспи мнѣ, шакъ же, какъ „я прощаю тому, кѣто былъ виною моею смерти.“ Онъ не согласился объявить о убійцѣ Правительству, и Богъ еще въ сей жизни наградилъ его за сію принесенную Ему жертву обращеніемъ убійцы его, о чемъ онъ ревностно молился. Въ послѣдній вечеръ передъ кончиною его, привѣхалъ отецъ шого Дворянина, просилъ его именемъ прощенія, и привезъ отъ него письмо, писанное изъ ла-Трапскаго монастыря, куда онъ скрылся. Въ семъ письмѣ просилъ онъ несчастнаго отца швоего молиться Господу объ утвржденіи его во благъ. Сіе счастливое происшествіе облегчило нѣсколько горестъ нашу. Я приняла съ Христіанскою швердосцію послѣднее воздыханіе швоего родителя. Однакожъ сколько я ни старалась сохранить сію швердосць, но силъ моихъ къ тому не достало; въ то самое время, какъ сердце мое покорялось опредѣленію Божію, было оно столь ужасно пронуто, что силы мои совершенно изшодились. Снѣдающая лихорадка и неспособность къ удержанію пищи, предвѣщаютъ приближеніе кончины моей. Врачи думаютъ, что я не проживу и семи дней; однакожъ я не чувствую никакого спраданія, и только совсѣмъ ослабѣла.

Прискорбно мнѣ болѣе всего то, что, разлучаясь съ жизнію, я лишена удовольствія обнять себя въ послѣдній разъ. Но о чемъ мнѣ печалились? Мы скоро увидимся, любез-

ная дочь! И самая должайшая жизнь, въ сравненіи съ вѣчностію, одно только мгновеніе. Теперь чувствую, моя любезная, что я жила одинъ только день, да и ночь провела по большей части въ шуе. Остается мнѣ только то, что я дѣлала для моего Бога; а такихъ дѣлъ весьма мало. Какъ бы то ни было, уповаю на Его милосердіе.—Добросердечіе супруга моего не оставляетъ мнѣ ничего болѣе желать дѣлать моимъ въ разсужденіи ихъ счастья. Поручаю ихъ тебѣ, моя любезная! будь имъ матерью, а паче всего постарайся утвердить ихъ въ страхѣ Божіемъ. Последнія минуты мои были бы исполнены горести, еслибъ я должна была опасаться, что ты при семъ случаѣ забудешь твердость свою и покорность волѣ Всевышняго. Оплакивай насъ какъ Христіанка, ожидающая времени, въ которое мы опять увидимся; но не ускоряй сего времени, предавшись безмѣрной горести. Прости, любезная дочь! я должна теперь помышлять только о Богѣ; но чувствую, что сердце мое слишкомъ пронумо. Маркизь отдастъ тебѣ это письмо. Я надѣюсь, что вы съ нимъ будете наслаждаться спокойствіемъ, которое будетъ предвкушеніемъ того блаженства, какого себѣ желаю и ожидаю отъ милосердія Божія.

Дю-Монтъе.

Отъ Русскаго путешественника къ друзьямъ его.

Тверь, 18 Маія. 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжными своими чувствами, а я безпрестанно опъ васъ удаляюсь и буду удаляться.

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгъ ли сказалъ я самому себѣ: *нако-нецъ ты побѣдешь*? Не въ радости ли просыпался всякое утро, не съ удовольствіемъ ли засыпалъ думая: *ты побѣдешь*? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничемъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемый день, я спалъ грустишь, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало расстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ: — на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои; на окно, у котораго сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхолии, и гдѣ такъ часто заспавало меня восходящее солнце; на гошической домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные; однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоценнымъ памятни-

комъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, разпроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чѣмъ бы я не забылъ ихъ, и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало расстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорилъ забывалъ. Но что вамъ сказывать! Минута, въ которую мы прощались, была, такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплашутъ.

Милой Пѣтр. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; — шамъ сѣлъ я въ кибитку и взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго; взглянулъ и сказалъ: *прости!* Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались.... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и пѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? — Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ

думалъ назвасть себя счастливиѣйшимъ изъ смертныхъ!...

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи въ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ пракширѣ споя передъ каррикашурами Королевы Французской и Римскаго Императора, радъ бы былъ, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ-то все оспавленное мною явилось мнѣ въ такомъ прогашельномъ видѣ... Но полно, полно! мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. — Простите! Дай Богъ вамъ множество утѣшеній. — Воспоминайте друга, но безъ всякаго прискорбнаго чувства! — Простите!

*

Спразбургъ, Августа 6.

Черезъ обширныя, зеленыя равнины, — гдѣ роскошная Природа въ садахъ и въ поляхъ изливаетъ весь шукъ своего плодородія, и въ пѣнящейся чашѣ подаетъ смертному нектаръ вдохновенія и сладкой радости — приѣхалъ я изъ Мангейма въ Спразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжая изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ кошорыми, кажется, самая душа наша обновляется, — и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по кошорой онъ постоянно можетъ назваться царемъ земнаго шворенія. Всѣ прочія живошныя, будучи привязаны

къ нѣкошорымъ климашамъ, не могушъ выдти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ напурою, и умираюшъ, гдѣ родяшся; но человекъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климаша въ климашъ, ищетъ вездѣ наслажденій, — и находишъ ихъ; вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ напуры, повсюду оптвержающей для него новые источники удовольствія; вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое человѣчество.

А мудрая связь общественности, по кошорой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможныя удобства жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по кошорой жишели всѣхъ спранъ предлагаюшъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности, и призываютъ меня участвовашъ въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ. . . .

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлишся отъ своей гипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбишъ человѣчество! Путешествуй, кто только можетъ!

Базель, Августа 9.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновение вѣтерка проникаетъ, кажется, въ сердце мое, и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Опѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтушій

берегъ зеленого Рейна, и въ восторгѣ цѣловаль землю. Счастливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое счастье? при всякомъ ли біеніи пульса благословляете вы свою долю, живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, подѣ благодѣшными законами брагскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно мирное, пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна крошкѣ влѣпаться въ грудь вашу, не возмущаемую пиранскими страстями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего развращенія, или уклоненія отъ путей Природы; думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы шеперь, въ самую сію минушу, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастью; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее! И всегда, милые друзья мои! всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красоты Природы — чувствую то же, и не нахожу въ смерти ничего спрашнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостию, если бы Она съ кошорою нибудь спороны не уладила для насъ всѣхъ необходи-

мостей, — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими. — Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій человека. Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ спремѣщагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ спокойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увидѣвъ гибкимъ винограднымъ стеблемъ, — смотришь на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибается за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины. — Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

*

Гора Юра, 8 Ноября.

Тавернье, который объѣздилъ большую часть свѣта, — Тавернье говорилъ, что онъ, кромѣ одного мѣста въ Арменіи, нигдѣ не находилъ такого прекраснаго вида, какъ въ Обонѣ. Сей городокъ лежитъ на скалѣ высо-

кой Юры, недалеко отъ Моржа, верстахъ въ тридцати отъ Женевы. И такъ, взявъ въ руки Диогенской посохъ, отправился я въ путь, чтобы собственными глазами видѣть ту картину, которою восхищался славный Французской путешественникъ.

Теперь, любезные друзья мои, сижу я на голубой Юрѣ, повыше городка Обоня, — смотрю, и взоръ мой переносится въ безчисленныхъ краяхъ видимой мною страны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣтлое озеро какъ зеркало представляется глазамъ моимъ; по сию сторону множество городовъ, деревень, сельскихъ домиковъ, луговъ, лѣсочковъ и дорогъ, которыя одна другую пересѣкаютъ, расходясь и опять соединяются, и на которыхъ движутся люди, какъ дѣятельные муравьи; а по ту сторону, на Савойскомъ берегу, страшныя скалы, нѣсколько хижинъ, и наконецъ гордая бѣлая гора въ снѣжной своей мантіи, въ алоцевѣшной коронѣ, красимой солнечными лучами, — какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ, вознося къ небесамъ главу свою, она вопрошаетъ Европу: *что вышѣ меня?* и Европа отвѣтствуетъ ей почтительнымъ молчаніемъ.

Насыщайся, мое зрѣніе! Я долженъ оставить сію землю. . . . Для чего же, когда она столь прекрасна? Построю хижину на голубой Юрѣ, и жизнь моя протечетъ какъ восхи-

питательный сонъ! . . Но ахъ! здѣсь нѣтъ друзей моихъ!

Величественный рельефъ натуры! впечатлѣйся въ моей памяти! Увижу ли тебя еще разъ въ жизни моей, не знаю; но если огнедышущіе Вулканы не превращаютъ въ пепелъ красотъ твоихъ, если земля не разступится подъ тобою, не осушитъ сего свѣтлаго озера, и не поглотитъ береговъ его, — ты будешь всегда удивленіемъ смертныхъ! Можешь быть, дѣши друзей моихъ придуть на сіе мѣсто: да чувствуютъ онѣ, что я теперь чувствую, и Юра будешь для нихъ незабвенна!

Солнце закашилось; но горы блистаютъ. Темнѣетъ синяя твердь; еще сіяютъ при холма бѣлой горы. Шумитъ вѣтеръ; облака показываются на западѣ, разливаются по небу, и мрачная завѣса скрываетъ отъ глазъ моихъ великолѣпную картину.

*

Женева, 25 Ноября.

Долго я не писалъ къ вамъ, друзья мои, для того, что не могъ писать. Около двухъ недѣль мучила меня такая жестокая головная боль, какой я отъ роду не чувствовалъ, и которая не только не давала мнѣ за перо приниматься, но даже и спать мѣшала. Опершись на столъ, просиживалъ я дни и ночи почти безъ всякаго движенія, и закрывъ глаза.

Наконецъ благодѣтельная Натура сжалилась надъ бѣднымъ спрадалцемъ, и сняла съ

головой моей свинцовую тяжесть. Вчера я въ первой разъ вздохнулъ свободно, и въ первой разъ, вышедши на чистый воздухъ, поднималъ на небо глаза свои. Мнѣ казалось: что вся природа радовалась со мною; я плакалъ, какъ младенецъ, и узналъ, что болѣзнь не ожесточила моего сердца: оно не разучилось наслаждаться; чувствуетъ также, какъ и прежде, и любезный образъ друзей моихъ снова сіяетъ въ немъ во всей своей ясности. Ахъ, милые! въ сію минушу исчезло раздѣляющее насъ пространство, — я обнималъ васъ вмѣстѣ съ Натурою, вмѣстѣ съ цѣлою вселенною!

Исчезни воспоминаніе о прошедшей болѣзни! Я не хочу быть злопамятенъ прошивъ матери моей природы, и забуду все, кромѣ того, чѣмъ она услаждаетъ чашу дней моихъ.

*

Д е к а б р я 1.

Нынѣ минуло мнѣ двадцать четьре года. Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевского озера, и устремивъ глаза на голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой.

Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ куда хочетъ! — Довѣренность къ Провидѣнію, — довѣренность къ той невидимой рукѣ, которая движетъ и міры и атомы, которая бережетъ и червя и человѣка, --- должна быть основаніемъ нашего спокойствія.

Этотъ день хотѣлъ бы я провести съ вами; но какъ бытъ! — стану хотя въ мысляхъ вами радоваться. И вы конечно вспомните своего друга.

*

Парижъ, Мая 1790.

Сей часъ получилъ отъ васъ письмо — и какъ обрадовался, нѣтъ нужды сказывать. Можно ли, что вы не писали ко мнѣ такъ долго? Любезные друзья мои конечно не знали, какъ дорого стоило ихъ молчаніе бѣдному Русскому путешественнику; иначе, безъ сомнѣнія, они не заставили бы его мучиться. Извините, если это похоже на выговоръ; мнѣ право было очень грустно. Теперь говорю: слава Богу! и все забываю.

Вамъ казалось, что я никогда не выѣду изъ Женевы; а если бы вы знали, какъ мнѣ наконецъ стало тамъ скучно! Спросите, для чего же я пошчасъ не выѣхалъ отсюда? Единственно для того, что всякой день ожидалъ вашихъ писемъ — и время проходило. Мнѣ очень хотѣлось возобновить свое путешествие съ покойнымъ сердцемъ, — чего однакожь не сдѣлалось.

Правда, любезный А. А., Парижъ есть городъ единственный. Нигдѣ, можетъ быть, нельзя найти столько матеріи для философскихъ наблюденій, какъ здѣсь; нигдѣ столько любопытныхъ предметовъ для человѣка, умѣющаго цѣнить искусства; нигдѣ столько раз-

сѣянiя и забавъ. Но гдѣ же и столько опасностей для философіи, особливо для сердца? Здѣсь тысячи сѣшей разставлены для всякой его слабости. . . . Шумный Океанъ, гдѣ быстрое стремленіе волнъ мчитъ васъ отъ Харибды къ Сциллѣ, отъ Сциллы къ Харибдѣ! Сирень множество; и пѣніе ихъ такъ сладостно, усыпительно. . . . Какъ легко забыться, заснуть! но пробужденіе едва ли не всегда горестно — и первый предметъ, который явился глазамъ, будешь пустой кошелекъ.

Однакожъ не надобно себѣ воображать, что Парижская пріятная жизнь очень дорога для всякаго; напрошивъ шого здѣсь можно за небольшія деньги наслаждаться всѣми удовольствіями по своему вкусу. Я говорю о *позволенныхъ*, и въ строгомъ смыслѣ *позволенныхъ* удовольствіяхъ. Если же кто вздумаетъ корешко знакомиться съ пѣвицами и актрисами, или въ ихъ домахъ, гдѣ играютъ въ карты, не отказываться ни отъ какой партіи, тому надобно Англійское богатство. И домомъ жить дорого, то есть, дороже, нежели у насъ въ Москвѣ. Но вопъ какъ можно весело проводить время и шрапить немного денегъ.

Имѣшь хорошую комнату въ лучшей ошели; по ушу чипашъ разные публичные листы, журналы, газеты, гдѣ всегда найдешь что нибудь занимательное, жалкое, смѣшное; и между тѣмъ пипъ кофе, какого не умѣютъ варить ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; пошомъ

кликнушь парикмахера, говоруна, вралю, ко-
 рой наскажешь множество забавнаго вздору о
 Мирабо и Мори, о Бальи и Лафаешъ; намажешь
 вашу голову Прованскими духами, и напудришь
 самую бѣлою, легкою пудрою; а шамъ, надѣвъ
 чистой, простой фракъ, бродить по городу,
 зайди въ Пале-Рояль, въ Тюльери, въ Елисей-
 скія поля, къ извѣстному Писателю, къ худож-
 нику, въ лавки, гдѣ продаются эшампы и
 каршины; къ Дидоту, любоваться его пре-
 красными изданіями классическихъ Авторовъ;
 обѣдашь у ресторatera, гдѣ подадутъ вамъ
 за рубль 5 или 6 хорошо приготовленныхъ
 блюдъ съ десертомъ; посмотришь на часы, и
 расположишь время свое до шести, чтобы ос-
 мошрѣвъ какую нибудь церковь, украшенную
 монументами, или галлереею картинную, или
 библіотеку, или кабинетъ рѣдкостей, — явиться,
 съ первымъ движеніемъ смычка, въ оперѣ, въ
 комедіи, въ трагедіи, плѣняться гармонією,
 балетомъ, смѣяться, плакать — и съ пом-
 нюю, но пріятныхъ чувствъ исполненною ду-
 шею отдыхашь въ Пале-Рояль, въ Café de
 Valois, de Caveau, за чашкою баваруаза (арома-
 тического сиропа съ чаемъ), взглядывашь на
 великолѣпное освѣщеніе лавокъ, аркадъ, алей
 въ саду, вслушивашься иногда въ то, что го-
 ворятъ тамошніе глубокіе политики; након-
 ецъ, возвратишься въ тихую свою комнату,
 соберашься съ идеями, напишешь нѣсколько
 строкъ въ своемъ журналѣ, бросишься на
 мягкую постелю, и — чѣмъ обыкновенно кон-

чипся и день и жизнь — заснушь глубокимъ сномъ съ пріятною мыслию о будущемъ. — Такъ я провожу время, и доволенъ.

*

Го-Бюисонъ, Іюня.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы, въ Пикардіи зелены, въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтеть и благоухаетъ. Перемена климата чувствительна на каждой милѣ — и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Нашура видимо бѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сию я подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтового двора, — смотрю черезъ луга и поля на синѣющее вдаль море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Спранное чувство! Мнѣ кажется, будто я приѣхалъ на край свѣта; тамъ необозримое море, — конецъ земли; Природа хладѣетъ, умираетъ — и слезы мои льются ручьями. — Все тихо, все печально; почтовой дворъ стоитъ уединенно: вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постильионы впрягаютъ лошадей; вѣтеръ воеетъ, и листья уныло шумятъ надъ головою моею.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участие въ моей горести? кому изъясню чувства мои? Я одинъ. . . . одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ

вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? кто упѣшилъ печальнаго?

О милыя узы отечества, родства и дружбы! я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе — чувствую, и лобызаю съ нѣжностію! . . . Дикой, переселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы на сцену всѣхъ блестящихъ искусствъ, видитъ богатство и пышность — видитъ, и плѣняется; — но чрезъ минушу очарованіе исчезаетъ, — хладъ оспаетъ въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету, — черезъ часъ будемъ въ Кале.

*

Виндзорскій Паркъ.

Сидя подъ тѣнію дубовъ Виндзорскаго Парка, слушая пѣніе лѣсныхъ пшичекъ, шумъ Темзы и вѣсвей, провелъ я нѣсколько часовъ въ какомъ-то сладоспномъ забвеніи; — не спалъ, но видѣлъ сны восхищительные и печальные.

Темныя, лесныя, милыя надежды сердца! исполнишесь ли вы когда нибудь? Живость ваша есть ли залогъ исполненія? или, со всѣми правами бытъ счастливымъ, увижу его только мелькомъ, вдали, подобно блиспанію молній, и при концѣ жизни скажу: *я не жилъ!*

Мнѣ грустно; но какъ сладостна эта грусть! Ахъ! молодость есть прелестная эпоха бытія нашего. Сердце, въ полношъ жизни, шворишъ для себя будущее, какое ему мило; все кажется возможнымъ, все близкимъ. Любовь и слава, два идола чувствительныхъ сердець, стояшъ за флеромъ передъ нами и подымающъ руку, чшобы осыпать насъ дарами своими. Сердце бьется въ восхищенномъ ожиданіи, шеряется въ желаніяхъ, въ выборѣ счастья, и наслаждается возможнымъ еще больше, нежели дѣйствительнымъ.

Но цвѣшъ юности на лицѣ увядаетъ; опытность сушишъ сердце, увѣряя его въ трудности счастливыхъ успѣховъ, которые прежде казались ему столь легкими! Мы узнаемъ, что воображеніе украшало всѣ пріятности жизни, сокрывая ошъ насъ недостатки ея. Молодость прошла; любовь какъ солнце сжалась съ горизонша — и чтожъ осталось въ сердцѣ? Нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній — ижная тоска, — чувство, подобное тому, которое имѣешъ по разлукѣ съ безцѣннымъ другомъ, безъ надежды увидѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣшъ! — А слава? . . . Говоряшъ, что она есть послѣднее ушѣшеніе любовію разтерзаннаго сердца; но слава, подобно розѣ любви, имѣешъ свое терніе, свои обманы и муки. Многіе ли бывали ею счастливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти и злословія, которыя будущъ шипѣшъ за вами

до гробовой доски, и на самую могилу вашу изліюшъ еще ядъ свой.

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человекъ смотритъ все впередъ, съ мыслію: „тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца!“ Потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, пригопшвенною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе по неволѣ научится смиренію; когда, сто разъ обманушыя надеждою, наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнимъ потерянное счастье лестныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: *и мы, и мы были въ Аркадіи!* Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самонамѣйшей шрапѣ; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ, даже ласки вѣрной собачки, извлекаютъ изъ глазъ нашихъ слезы благодарности; но тогда же и смерть любимой пшички дѣлаетъ намъ превеликое горе.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи? ни глазъ не видишь, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: „доброе утро, господинъ!“ Что со

мною было далѣе, не помню; но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣщаніе: „доброй вечеръ!“ Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорящъ объ человѣкѣ: „какъ онъ молодъ!“ и вдругъ скажутъ объ немъ: „какъ онъ старъ!“

Такимъ образомъ мыслилъ я въ Виндзорскомъ Паркѣ, разбирая свои чувства и угадывая тѣ, которыя со временемъ будутъ моими!

М о р е.

Я не сдержалъ слова, любезнѣйшіе друзья мои! оставляю Англію — и жалѣю! Таково мое сердце: ему трудно расставаться со всѣмъ, что его хотя нѣсколько занимало. — И такъ другъ вашъ уже на морѣ! возвращается въ милое отечество, къ своимъ любезнымъ — скорѣе, нежели думалъ. Опъ чего же? скажу вамъ правду. Кошелекъ мой ежедневно истощался; становился легче, легче; звучалъ слабѣе, слабѣе; наконецъ рука моя ощутила въ немъ только двѣ гинеи . . . . Мнѣ оставалось бѣжать на биржу, скорѣе, скорѣе; уговориться съ молодымъ Капитаномъ Виліамсомъ, взлѣсть по веревкамъ на корабль его, и снявъ шляпу, учтиво опкланяясь съ палубы Лондону.

*

К р о н ш т а т ъ.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои! . . . Всѣхъ останавливаю,

спрашиваю единственно для того, чтобы говорить по Руски и слышать Рускихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштапа; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній пракширъ можно назвашъ гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, счефы, книги, камешки, сухія правки и вѣшви, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, или могилу ошца Лоренза, или густую иву, подъ кошорою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣстѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю шеперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ печеніе осьмнадцати мѣсяцовъ! Оно черезъ 20 лѣтъ (если сполько проживу на свѣстѣ) будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечшалъ; а что человекъ — между нами будь сказано — занимательнѣе самаго себя? . . . По чему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можетъ быть и другіе . . . но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрашную хижинку, въ кошорой я могъ бы на свободѣ веселиться *Китайскими*
Часть II.

тѣнями моего воображенія, грустишь съ моимъ сердцемъ и утѣшаешься съ друзьями! . . . .

Карамзинъ.

96.

Отъ Г-на Сулярокова къ его другу.

Ты спрашиваешь меня, мой другъ, и задаешь мнѣ чешыре вопроса: 1. что бы я дѣлалъ, ежели бы я былъ малой человѣкъ и малой господинъ? 2. ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ? 3. ежели бы я былъ великой человѣкъ и великой господинъ? 4. ежели бы я былъ малой человѣкъ и великой господинъ? — На первой вопросъ отвѣчаю: Всѣ бы мѣры употребилъ я ознакомиться въ домахъ знашныхъ господъ, и сильныхъ властію людей; не пропустилъ бы ни одного праздника, чѣмъ не объѣзжать города, разнося поздравленіе; ходилъ бы по переднимъ комнатамъ знашныхъ господъ на цыпочкахъ, и подчивалъ бы камердинеровъ ихъ табакомъ; научался бы въ каршы играть во всѣ игры: ибо играя въ каршы, можно съ первымъ господиномъ свѣсть плечо о плечо, и вмѣсто чѣмъ говорить, весьма низко нагибаясь: доношу Вашему Высокопревосходительству о такомъ и о такомъ дѣлѣ, — сказать ему прибодрившись: у васъ принадацасть, а у меня чешырнадцать. Не спорилъ бы я ни о чемъ, и говорилъ бы только: такъ, конечно такъ, всеконечно такъ, превсеконечно такъ, превсеконечнѣйше такъ. Сказывалъ бы всему

свѣту, что шопъ и шопъ знашной господинъ со мною милоспиво поговорилъ; а ежели бы когда не доспало испины, такъ бы я дополнялъ ложью; да и ничто не украшаетъ такъ рѣчи, какъ ложь. Стихотворцы шому свидѣтели. А наконецъ покорствомъ и лестію испросилъ бы я себѣ нажиточное мѣсто, а лучше всего поѣхалъ бы я на воеводство: ибо сія должность нажиточна, почтенна и легка; нажиточна — всѣ даряшъ; почтенна — всѣ кланяющіяся; легка — очень мало дѣла, да и шобыкновенно исправляетъ Секретарь или съ приписью подъячій, а они такъ же люди присяжные, и положишься на нихъ безовсякаго сомнѣнія можно. И подъячій опъ того же созданъ Бога, опъ котораго человѣкъ; такъ суетмудренно сіе мнѣніе, что подъяческая душа не можетъ имѣть добродѣтели. Я думаю, что между человѣкомъ и между подъячимъ разности мало, и гораздо меньше, нежели между подъячимъ и между другой какой шварію. — Второе: Ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ, я бы по многомъ моему спараніи спалъ показывашъ моему опечеспву и свѣту услуги, никого бы, никакою докукою не опягощалъ, и полагалъ бы надежду на достоинство свое и на заслуги опечеспву; а когда бы въ шомъ обманулъ, такъ бы я по многомъ своемъ шерпвнн сошелъ съ ума, и былъ бы такой человѣкъ, какіе не шолько ничего не дѣлають, но и ни очемъ не думаютъ. — Третье: Ежели бы я былъ великой человѣкъ и великой госпо-

динъ, я бы неусыпно спарался о благополучіи моего опечесства, о возбужденіи добродѣтели и достоинства, о награжденіи заслугъ, о ушоленіи пороковъ и о испребленіи беззаконія, о приращеніи наукъ, о умаленіи цѣны необходимыхъ въ жизни человѣческой вещей, о наблюденіи правосудія, о наказаніи за взятки, за грабительство, разбойничество и воровство, о уменьшеніи лжи, лести, лицемерія и пьянства, о изгнаніи суевѣрія, о уменьшеніи ненадобнаго обществу великолѣпія, о уменьшеніи картежной игры, чшобъ она не опнимала у людей полезнаго времени, о воспитаніи, о учрежденіи и порядкѣ училищъ, о содержаніи исправнаго войска, о презрѣніи буянства, пемешрства, и объ искорененіи шуенядства. — Четвертое: А ежели бы я былъ малой чловѣкъ и великой господинъ, шакъ бы жилъ великолѣпно: ибо шакое великолѣпіе рѣдко великой душѣ свойственно бываетъ; а что бы я дѣлалъ, эшаго я не скажу.

А. Сумароковъ.

97.

*Опѣ него же къ Петру Богдановицу Тютчеву,
Полковнику артиллеріи.*

Милосшивый Государь!

Съ великимъ видѣвъ удовольствіемъ, въ какое состояніе нынѣ приведена Россійская артиллерія, и съ какою исправностію и поснѣшностію въ оной дѣйствуется, умножилъ

я свое удивленіе, что состоящіе подъ вашимъ управленіемъ люди съ такимъ же искусствомъ и въ инфантерійской экзерциціи упражняются. Когда они мѣлкое имѣли оружіе, тогда казалось мнѣ, что они весь вѣкъ свой только тому одному обучались, и достигли до совершенства; а когда они за большее принялись оружіе, и бросающъ начали громъ и молніи: тогда Невскіе брега запряслися, воды воспревожидись, воздухъ восколебался и земля вострепещала, а я, вознесенный духомъ на Парнассъ, увидѣлъ опшолъ въ изступленіи моемъ на облакахъ Петра Великаго, украшеннаго вѣнцемъ славы, и за добродѣтели и милости къ Отечеству озареннаго божественнымъ свѣтомъ, и слышалъ Его вѣщающаго тако:

Я думалъ то всегда, и твердо зналъ о
шомъ,

Что силы Мной твои, Россія, совершаются,
И всѣ твои враги тобою устрашатся.

Бросающъ молніи, бросающъ Россы громъ,
До нынѣ смершныя какого не мешали.

О Россы! таковы на свѣшъ Мной вы сшали!

А. Сулароковъ.

Отъ Г-на Майкова Александру Андреевичу Беклешову, о смерти его брата, убитого на сраженіи.

Велика, Беклешовъ, сія ушраша:
 Лишился своего любезнаго ты брата,
 Лишился купно въ немъ ты друга своего.
 Оплачь, мой другъ, оплачь умѣренно его!
 Пролей о немъ изъ глазъ источники ты слезны;
 Скажи въ послѣдній разъ: проси, мой брашъ
 любезный!

И болѣе сего ты слезъ своихъ не лей;
 Ты сердце мужеско въ напаси сей имѣй,
 Давай съ разсудкомъ ты сію природѣ плату,
 И буди мужествомъ своимъ подобенъ брату.
 Хотя его судьба жизнь крашку опняла,
 Но прежде показавъ въ немъ храбрыя дѣла;
 Пускай бы онъ еще на свѣшѣ семъ оспался,
 Пускай бы въ старости глубокой онъ скончался;
 На что желаша намъ, на что должайшій въкъ?
 Не лѣпами великъ, дѣлами человекъ.

Коль бѣдспівія пѣсняшъ, волнующъ духъ нашъ
 страсти,
 И всякой часъ грозятъ намъ разныя напаси,
 И коль неборимъ на свѣшѣ рокъ ничемъ,
 Не лучше ли кончишь жизнь, какъ кончилъ онъ —
 съ мечемъ?

Представъ передъ собой ты брата и героя,
 Сражавшагось среди ужаснѣйшаго боя,
 Представъ, какъ онъ враговъ смертельно по-
 ражалъ,

Предспавъ, какъ врагъ предъ нимъ въ смяше-
ніи бѣжалъ.

Имѣючи въ себѣ онъ душу толь геройску,
Оставилъ славу пѣмъ и честь Россійску войску,
Оставилъ памяшь онъ безсмертну по себѣ,
Оставилъ купно честь и роду и шебѣ.

Сентября, 1769.

Василій Майковъ.

99.

Къ И. И. Дмитріеву.

Ты правъ, мой милый другъ! всѣ наши спи-
ходѣмъ

Слезливой лирою прославишься хошяпѣ;
Все голубки у нихъ къ красавицамъ лешапѣ,
Все вьются ласточки, и все однѣ зашѣ;
Всѣ хнычущѣ и ревушѣ, и мысль у всѣхъ
одна:

То вдругъ предспавишся луна
Во блѣднопалевой порфирѣ;
То онъ одинъ остался въ мірѣ;

Нѣшъ милой! нѣшъ драгой!... она погребена
Подъ камнемъ сѣрымъ, мшистымъ!

То вдругъ — подъ дубомъ шамъ вѣшви-
спымъ

Сова уныло закришѣ,

Завоешъ сильной вѣшрѣ, любовникъ побѣжишѣ,

И слезка на спрунахъ родишся;

Тущъ восклицаній шѣма и почекъ появишся!

Нѣшъ нужды до того. Онъ мыслишѣ, что уменѣ,

И что Пшшомъ бышѣ на свѣшѣ произведенѣ;

Что онъ съ Державинымъ, съ побой равняться
можетъ;

Что съ зависши къ нему и Спернъ нашъ
пальцы гложетъ.

О плаксы бѣдные! жалка мнѣ участь ихъ!

Они совсѣмъ того не знаютъ,

Что гдѣ парашъ орлы, шамъ жуки не легаютъ.

Не крючковаѣа мысль шворитъ прекраснымъ
спихъ,

Но плавность, чистота, души и сердца чув-
ство:

Вотъ стихотворцевъ въ чемъ прямое есть
искусство!

Намъ можно подражать, не портя слогъ дру-
гихъ.

Такъ Геснеръ подражалъ Віону:

Такъ ты, любезный нашъ пѣвецъ,

Въ слѣдъ шествуя Анакреону,

Опъ Грацій получилъ вѣнецъ!

Такъ хвальну пѣснь поетъ нашъ Бардъ Фелицъ,
Богу!

Такъ милый, нѣжный Карамзинъ

Въ храмъ вкуса проложилъ дорогу;

И такъ Ошечества усердный, вѣрный сынъ,

На звучной лирѣ намъ бряцая,

Херасковъ брань воспѣлъ, Омиру подражая.

О! еслибъ Бардовъ сихъ я славной даръ имѣлъ,

И всѣхъ плѣняятъ сердца, подобно имъ, умѣлъ,

Тогдабъ прославился своей вездѣ я лирой!

Но я молчу — и имъ не смѣю подражать;

Живу я съ дружкой и съ Темирой;

Для нихъ единственно желаю я писать.

Коль милая моя чистая улыбнется,
 Коль нѣжной другъ души похвалитъ пѣснь мою,
 Когда я пламень мой и дружбу воспою:

То сердце съ радости забьется!

То я доволенъ и блаженъ!

Коль миль Темиръ я — по щедро награжденъ!

Пушкинъ.

100.

Отъ М. Н. Муравьева къ И. П. Тургеневу.

Не толь еще, мой другъ, свободный человекъ,
 Кто, преданъ самъ себѣ, ведетъ безпечный вѣкъ
 Безъ пользы для другихъ, безъ плана и безъ
 дѣла,

Какъ мысль умомъ его внезапно овладѣла.
 Я разныхъ зрю его невольникомъ спраспей,
 Подъ игомъ праздности стѣнящаго своей.
 Напрасно въ свѣтъ онъ разсѣянья желаетъ:
 Свѣтъ, зримый всякой день, его не забавляетъ;
 И между тѣмъ, какъ все въ движеніи вкругъ
 его,

Онъ только осужденъ не дѣлать ничего.
 Напрасно бы жезломъ какой всесильной Феи
 Онъ видѣлъ всѣ свои исполненны зашѣи,
 Онъ тысящи бы вновь желаній соплеталъ,
 И посреди воды былъ жажденъ какъ Танталъ.

Того лишь, кто владѣть умѣетъ самъ
 собою,

Зову свободнымъ я: не споритъ онъ съ судь-
 бою,

Но всюду слѣдуетъ призванію ея,

И знаетъ, живучи, всю цѣну житія;
 Безъ наслажденія минуны не проходятъ,
 Раскаянья онъ и скуки не приводятъ;
 Любовью испины, любовью красоты
 Исполненъ духъ его, украшены мечты.
 Искушва! васъ къ себѣ онъ въ помощь призы-
 ваешъ;

Онъ зависпи себя онъ въ вашу сѣнь скры-
 ваешъ;

Безъ гордоспи великъ и важенъ безъ чиновъ,
 На пользу общую всегда, вездѣ готовъ;
 Онъ свято чтитъ родства священные союзы,
 И, чѣмъ свободнымъ быть, пріемлетъ легки
 узы;

Внимательный супругъ и любящій отецъ,
 Онъ власпью облеченъ по выбору сердецъ;
 Счастливъ, что можетъ быть семейства
 благодѣтель:

Что нужды, домъ тому, иль цѣлый міръ сви-
 дѣтель.

Таковъ Эмилій Павлъ, равно достоинъ хвалъ,
 Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при Кан-
 нахъ палъ.

Конечно жребій тѣхъ достоинъ удивленья,
 Кто поприще честей прошли безъ умедленья:
 Служитъ Ошечеству верховный душъ объѣтъ?
 Нашъ долгъ шуда спѣшитъ, куда оно зоветъ;
 Но если въ множествѣ ревнителѣ ко славѣ
 Мнѣ должно уступитъ, ужели буду въ правѣ
 Пренебреженною заслугой досаждашь?
 Мнѣ только что служишь, — опчизнѣ награж-
 дашь.

Изъ трехъ сошъ праздныхъ мѣстъ Спартан-
скаго совѣща

Народъ ни на одно не избралъ Педарета:

„Хвала богамъ! сказалъ, народа не вина :

„Есть приспа человѣкъ доспойнѣ меня!“

Полезнымъ можно быть , не бывши знамени-
мымъ :

Срѣщаются счастье и по тропинкамъ скры-
тымъ.

Сей старецъ, коего Виргилій воспѣвалъ,

Что близъ Таренша макъ и розы поливалъ,

И въ поздну ночь подъ кровъ склоняся до-
машній,

Слолы обременялъ не купленными брашны,

Онъ счастье въ хижинѣ конечно находилъ,

И пышныхъ богачей душой превосходилъ.

Ахъ! можешь ли привесть ко счастью богат-
ство?

Желанье собирать есть болѣе препятство ,

Чѣмъ способъ къ счастью. „Ахъ! еслибъ къ
кучѣ той

„Прибавишь удалось еще мышокъ другой!“

Вопъ собиравеля одно воображенье:

Для роскоши его опверстая душа,

Всечасно къ новому веселію спѣша,

Опъ коей прочъ бѣжитъ, шу скуку покупаетъ,

И хладно межъ забавъ шумящихъ засыпаетъ.

Богатъ, кто, знаячи своимъ доспапкомъ

житъ,

Желаніямъ предѣлъ умѣетъ положить;

И словомъ, счастливъ топъ и топъ одинъ
свободень,

Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою
сходень,

Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не уныль,
Въ себѣ самомъ свое достоинство сокрыль;
Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури умирять,
И скуку житія ученьемъ украшаетъ.

Ты, юность подвигамъ военнымъ посвя-
тивъ,
Въ училищѣ трудовъ дни нѣжны проводивъ,
Пріятели старости готовишь воспоминанья;
Съ тобою почерпнуть мы прежде щились
знанья,

Счастливы опроки, въ возлюбленныхъ мѣ-
стахъ,

Гдѣ вѣючись Москва въ кичливыхъ берегахъ,
Изображаетъ Кремль въ серебрѣ своихъ кри-
сталловъ,

Гдѣ Музамъ храмъ воздвигъ любимецъ ихъ
Шуваловъ;

Гдѣ, Ломоносова преемля лирный звонъ,
Поповскій новый путь открылъ на Геликонъ;
Гдѣ Барсовъ спалъ по немъ ревнишель Росска
слова,

И Шадень истину являетъ безъ покровъ:
Тамъ дружбы сладостной слышали мы гласъ,—
Пускай и въ сѣдинахъ обрадуетъ онъ насъ.

Муравьевъ.

Къ Предстателю Музъ.

Предстатель мирныхъ Музъ, любитель ти-
шины!

Вмѣнишь ли мнѣ во грѣхъ, что звуками войны

Я служу пшвой усмудить намѣренъ?

Ты любишь — я увѣренъ —

Ты любишь Отчество, и милъ тебѣ Герой,

Который жертвуетъ собой

Спокойству общества, и не прося награды,

Бьетъ Турокъ безъ пощады;

Онъ Турокъ бьетъ, а мнѣ что дѣлать, сидя
дома?

Иль ручки сжавъ дремать?

Не лучше-ль возвѣщать его удары грома,

И пѣмъ достойну честь Герою воздавать?

Суворовъ почестей ошъ Музъ давно достоинъ,

Онъ собесѣдникъ имъ; онъ въ полѣ вождь и
воинъ.

О! если бы мой стихъ,

Воспѣтый въ честь сему Герою,

Пріятенъ былъ тебѣ и одобренъ тобою;

Сказалъ бы я себѣ: желанія досишь!

Е. Костровъ.

Отъ поселенина къ военнагальнику.

Мой другъ! не удивись, что въ пахатной
работѣ,

Безъ свѣтскихъ пышностей, безъ славы, безъ
чиновъ,

Питая свой живошъ въ смиреніи и въ пошѣ
 И нѣсколько минушъ покоясь ошъ трудовъ,
 По нѣкимъ чувствіямъ и нѣкакой охотѣ,
 Отважился писать я нѣсколько стиховъ.
 Не удивись, когда въ усталости надъ плугомъ,
 Не зная, какъ тебя назвать и ошличашъ,
 Въ мужицкой проспошѣ зову тебя я другомъ,
 Чшобъ шруднымъ вымысломъ тебя не вели-
 чашъ.

Мой другъ! я вѣдаю, хощъ носишъ плашье
 цвѣшно,
 Хощъ золошомъ облишъ ошъ головы до ногъ —
 Хощъ счастье швое другимъ всегда примѣшно,
 Ты рѣдко съ лаврами покоишся возмогъ;
 И можешъ бышъ, чшо я, въ ладу съ моимъ
 сосѣдомъ,

Большею частію шрудяся для себя,
 Спокоенъ спашъ ложащъ, доволенъ за обѣдомъ,
 Почасту нахожусь счастливиѣ тебя.
 Въ сей участи меня никто не обижаешъ:
 И зависшъ самая молчишъ, узря мой шрудъ;
 Никто меня, мой другъ! никто не унижаешъ,
 По волѣ-ль данъ плачу, или съ меня берушъ;
 Всегда моя рука другаго снабдѣваешъ,
 И люди обо мнѣ напраснаго не врушъ.
 Я далъ оброкъ и все, и подашъ Государю;
 Я далъ и рекрута и къ рекруту коня;
 И въ домѣ я шеперь покойно рѣшу парю,
 Хощъ знаю, чшо еще попросятъ ошъ меня.
 Ты знаешъ, чшо мой сынъ въ войнѣ два года
 служишъ,

И ходишъ, говоряшъ, съ прострѣленной ногой;

Однако съ Турками воюешъ и не пужишъ,
Пока безногаго не пошлюшъ на покой.

Солдатски хлопоты, оброкъ и подашь вдвое

Не разоряютъ насъ при добрыхъ головахъ.

Кони и рекруты, — шо дѣло нажипое;

Удалые у насъ ребята есшъ въ домахъ.

Гоповы мы служишъ за правду и за вѣру,

И буде нужно, шо гоповы умерешъ.

Ты, другъ мой, служишъ самъ по нашему при-
мѣру:

Случается и всѣмъ грудьми рожонъ перешъ,

Инымъ пришло въ животъ, инымъ доспалось
въ руку;

У Марки свахѣина опшибли ногу прочъ;

Гараськинымъ зящямъ, племяннику и внуку

Спесали головы, зашедши сзади въ ночь.

И самъ ты близко былъ, какъ шли на насъ
Ташары,

И самъ ты жаръ шерпѣлъ отъ ядеръ и отъ
пуль,

И еслибъ не имѣлъ фузей запасной пары,

Подъ часъ отвѣдалъ бы и самъ свинцовыхъ
дуль.

Солдатамъ спрахъ нѣшъ, и нѣшъ о томъ пе-
чали,

Что Турковъ къ нимъ идешъ великое число —

Отъ смерпи не бѣжимъ, отъ драки не успали.

Такое, брашъ, у всѣхъ военно ремесло!

Да шолько я скажу одно тебѣ по дружбѣ,

Коли смышлять о томъ тебѣ досуга нѣшъ:

Мой умъ не помраченъ забошами на службѣ;

Я, сидя на печи, спокойнѣй вижу свѣшъ:

Смышляю иногда, что много ты потѣешь;
 Но нѣтъ тебѣ, мой другъ, покою никогда:
 Ты грамотѣ гораздъ, и дѣло разумѣешь;
 Почтожъ о мирѣ ты не пишешь никуда?
 Не все-то дракою, не все шворится боемъ;
 Имѣешь разумъ ты, и слово, и языкъ —
 Не все-то города берутся крѣпкимъ строемъ,
 Не все-то межъ людьми по силѣ ты великъ.
 Почто не пишешь ты къ Турецкому Султану,
 Примѣрно такъ, мой другъ, какъ я къ тебѣ
 пишу?
 Подмогою тебѣ впередъ служишь я спану,
 И здравія тебѣ у Господа прошу.

Ил. Богдановичъ.

103.

Къ двумъ дѣвицамъ.

Любезныя друзья! о милыя Анюшы!
 Вы, кои всякой день, всякъ часъ и всѣ минушы
 Взаимной дружбою питаете себя!
 Ахъ! будыте счастливы, другъ друга вѣкъ
 любя!
 Но можно ли одной вамъ дружбой наслаждасться?
 Нѣтъ, милыя мои! не можетъ это спасться:
 Всѣмъ смертнымъ сердце съ тѣмъ Природою
 дано,
 Чтوبъ и любвию пылало въ нихъ оно;
 На цѣло еспешство я въ помъ могу сослаться:
 Безъ дожжика земля не можетъ растворяться;
 Мы видимъ, за волной и въ морѣ валъ бѣжитъ;

И въ рѣчку ручеекъ теченіе спремить;
Замерзлая рѣка безъ солнышка не таетъ;
Прелестну лилію зефиръ въ саду лобзаетъ;
И нѣжна пѣночка и громкой соловей,
Всѣ ппички хотѣ поютъ въ неволѣ у людей;
Но можно-ль такъ имъ пѣть однѣмъ и въ тѣ-
сныхъ клѣткахъ,
Какъ весело поютъ съ подругами на вѣшкахъ?
Прелестный Дмипрѣва и спрастный голубокъ
Безъ миленькой своей голубки жить не могъ.
Рѣзвѣ бабочка межъ розъ въ саду порхаетъ,
Когда въ нихъ мошылка веселаго встрѣчаетъ:
Лишь только встрѣшяпся, сплетаются, ле-
пяптъ,
И вмѣстѣ на цвѣткѣ иль на кусту сидятъ.
Когда отъ спада въ лѣсѣ овечка забѣгаетъ,
Блеяніемъ тогда барашка призываетъ,
И вышедъ изъ лѣсу, его близъ рѣчки зрѣтъ —
Головку приподнявъ, съ веселіемъ бѣжитъ.
И словомъ, на землѣ, въ водахъ, во всей все-
ленной,
Все любяптъ, все горяптъ любовью совершен-
ной.

Похвальна дружба въ васъ; но дружба
лишь одна

Безъ пламенной любви для сердца холодна.
И такъ вы дружество въ душѣ своей пишайте;
Но, милыя мои! любви не презирайте.
Ахъ! еслибъ вамъ на мысль когда нибудь при-
шло
Умножить хоть однимъ друзей своихъ число,

Охотно бы я былъ одной изъ васъ супругомъ,
Супругомъ пламеннымъ, — другой бы нѣжнымъ
другомъ!

А если мало прехъ, чшобъ весело намъ жить,
Четвертаго легко намъ будетъ уловить;
Богатство, почести, повѣрыше, счастье ложно;
Съ любовью, съ дружбою лишь счастливо жить
можно.

К. Г. Хованской.

Конецъ второй части.

ь одной изъ васъ супругомъ,
нымъ, — другой бы нѣжнымъ
другомъ!

ь, чшобъ весело намъ жить,
намъ будетъ уловить;

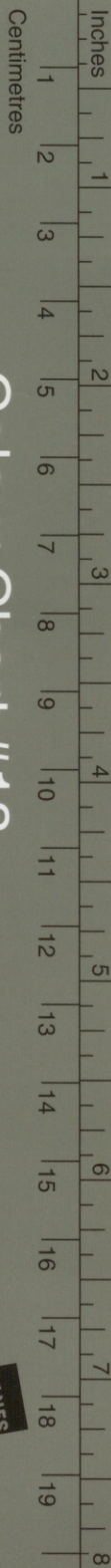
пи, повѣрыше, счастье ложно;

ужбою лишь счастливо жить

можно.

К. Г. Хованской.

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Colour Chart #13

Blue

Cyan

Green

Yellow

Red

Magenta

White

3/Color

Black

DANES
-PICTA
-COM